

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

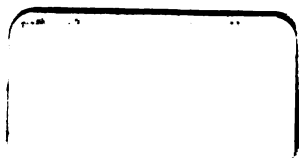
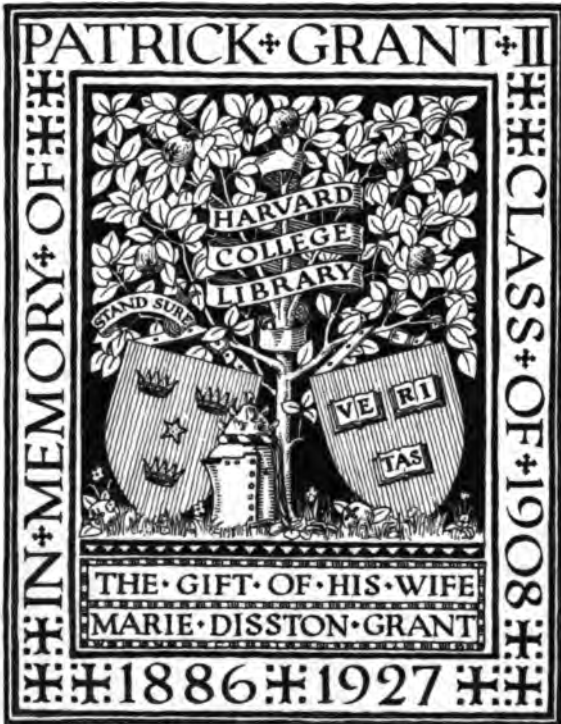
Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

27233.4

*Мисленица
А. М. Мухоморова
Берд*

Н. О. Сумцовъ.

СОВРЕМЕННАЯ

МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.

ЧАСТЬ I-ая

(СЪ ПОРТРЕТОМЪ А. А. ПОТВЕНИ).

Издание редакціи журнала „Кіевская Старина“.

Printed in Russia

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Норчанъ-Новицкаго, Михайловская у., домъ № 4.

1893.

Н. Э. Сумцовъ.

СОВРЕМЕННАЯ

МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.

ЧАСТЬ I-ая

(СЪ ПОРТРЕТОМЪ А. А. ПОТЕВНИ).

Изданіе редакціи журнала „Кіевская Старина“.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Норчанъ-Новицкаго, Михайловская у., домъ № 4
1893.

27233.4

✓

Cross fund

Доволено цензур. Кієвъ, 11-го марта 1893 г.

37169
1893

Александръ Афанасьевичъ Потемкинъ.

ВВЕДЕНИЕ.

Цѣль автора изслѣдованія о современной малорусской этнографіи представить сводъ наличныхъ матеріаловъ и высказанныхъ въ печати научныхъ выводовъ по малорусскому фольклору, что должно расчистить почву для научныхъ работъ въ ближайшемъ будущемъ. Провинціальныя дѣятели, имѣя въ такомъ изслѣдованіи нѣкоторое руководство, не будутъ затрачивать силы на разысканіе того, что уже дано въ обилии (напр., свадебныхъ пѣсенъ), и направятся на новые пути въ собираніи и изученіи матеріала (напр., легендъ, анекдотовъ, провлятій, писановъ).

Въ теченіе 1892 года мнѣ удалось представить обзоръ научной дѣятельности семи лицъ. Въ черновыхъ наброскахъ и замяткахъ у меня еще значится 40 именъ. Кромѣ того, въ мои предположенія входило еще представить очерки объ отраженіи этнографическихъ интересовъ и изученій въ литературѣ и живописи, въ изданіяхъ земскихъ и статистическихъ комитетовъ, въ текущей журналистикѣ, на этнографическихъ выставкахъ и этнографическихъ музеяхъ. Задача, очевидно, широкая, и авторъ неоднократно задавалъ себѣ вопросъ, — по силамъ ли задача? и всякій разъ успокаивался на той мысли, что все, сдѣланное въ этомъ направленіи, можетъ быть своевременно, умѣстно и полезно. Незаконченность труда и пропуски не могутъ быть поставлены автору въ вину. Мы имѣемъ здѣсь дѣло не только съ живымъ народомъ, какъ объектомъ опи-

2) Общія рамки, порядокъ и характеръ изслѣдованія опредѣлены въ напечатанныхъ уже статьяхъ о Потебнѣ, Ивановѣ, Манжурѣ, Новицкомъ, Эварницкимъ, Андреевскомъ и Ржегоржѣ. За краткими біографическими свѣдѣніями слѣдуетъ обзоръ (по возможности) всѣхъ статей, сравненіе ихъ съ однородными другими статьями и краткая общая оцѣнка съ сравнительно-этнографической точки зрѣнія.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛУРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ А. А. ПОТЕБНИ).

Ближайшимъ поводомъ въ составленію изслѣдованія о современномъ состояніи малорусской этнографіи намъ послужилъ III томъ „Исторіи русской этнографіи“ А. Н. Пыпина, вышедшій въ августѣ 1891 г., всецѣло посвященный этнографіи малорусской. Новѣйшая малорусская этнографія представлена въ этомъ трудѣ слабо. Въ то время, какъ при обзорѣ трудовъ малорусскихъ этнографовъ стараго времени указаны кое-гдѣ внутренніе мотивы ихъ дѣятельности и мѣстами сдѣлана оцѣнка добытыхъ результатовъ, обзоръ новѣйшей этнографіи, послѣ Костомарова, Кулиша и Чубинскаго, представляетъ перечень фактовъ біографическихъ и бібліографическихъ, причемъ нѣтъ соразмѣрности въ ихъ изложеніи, и мѣстами статистикамъ и историкамъ отведено болѣе мѣста, чѣмъ специалистамъ этнографамъ. Встрѣчаются пропуски; напр., пройдены молчаніемъ труды Волкова, Омельченка, Андреевскаго. Почтенному автору пришлось имѣть дѣло съ такимъ обширнымъ матеріаломъ, столь мало до сихъ поръ систематизированнымъ, въ добавокъ авторъ такъ расширилъ рамки своего изслѣдованія внесеніемъ въ него побочныхъ отраслей, историческихъ и беллетристическихъ, что несоразмѣрность частей, малочисленность самостоятельныхъ оцѣнокъ и пропуски въ матеріалахъ явились неизбѣжнымъ резуль-

татомъ принятой авторомъ системы изслѣдованія. Чтеніе книги г. Пыпина навело меня на мысль сдѣлать къ ней нѣсколько дополненій. Въ статьѣ о современномъ состояніи малорусской этнографіи я буду говорить о трудахъ А. А. Потебни, И. И. Манжуры, П. В. Иванова, г-жи Мошинской, г-жи Рокосовской, Руликовскаго, г. Андреевскаго и др., еле затронутыхъ у г. Пыпина или совсѣмъ опущенныхъ.

Я не буду останавливаться на вопросахъ, что движеть современными этнографами въ изученіи народности: предыдущія-ли литературныя вліянія, любовь-ли къ наукѣ, или непосредственное общеніе съ народомъ и вытекающее отсюда чувство симпатіи къ нему. Тутъ легко впасть въ гаданія, въ предположенія, которыми можетъ воспользоваться и толковать по своему всякая публицистическая или національная тенденціозность. Не вижу особенной надобности въ опредѣленіи связей современныхъ этнографовъ съ прежними, связей книжныхъ и личныхъ. За немногими исключеніями, современная этнографія имѣеть совершенно самостоятельное происхожденіе. Такіе собиратели и изслѣдователи прежняго времени, какъ Цертелевъ, Срезневскій, Максимовичъ, Метлинскій, Костомаровъ, почти вполнѣ забыты; за исключеніемъ Потебни, никто на нихъ не ссылается и не пользуется ихъ этнографическими трудами. Сборникъ Головацкаго у насъ еще мало извѣстенъ, и рѣдко кто имъ пользуется, не смотря на громадное обиліе заключающагося въ немъ пѣсеннаго матеріала. Чаще всего въ трудахъ новѣйшихъ этнографовъ собирателей можно найти ссылки на Чубинскаго, Рудченка и Драгоманова. Вообще, связь новѣйшей этнографіи съ прежней весьма незначительна. Матеріаль собирается, а часто и издается, особенно часто въ польскихъ этнографическихъ изданіяхъ, безъ оглядки назадъ, безъ справокъ, что было уже ранѣе собрано и издано.

Въ изложеніи современнаго развитія этнографическихъ изученій малорусскаго народа мы съ возможной внимательностью будемъ слѣдить, во первыхъ, за тѣмъ, съ какими приѣмами собирается и изучается матеріаль, и, во вторыхъ что дастъ намъ новаго современная этнографія, какъ великъ кругъ

ея открытій. Послѣдняя задача весьма трудная, такъ какъ при разрѣшеніи ея требуются многочисленныя бібліографическія справки, не только въ прошломъ русской этнографіи, но и въ современномъ европейскомъ фольклорѣ. Только при широкихъ сравнительно-этнографическихъ изученіяхъ возможна справедливая оцѣнка новѣйшихъ результатовъ малорусской этнографіи. Понятно, что тутъ исчерпывающей полноты и законченности не можетъ быть, по самому существу фольклора и по современной его научной постановкѣ.

Сравнительно-этнографическій обзоръ современнаго украинскаго фольклора долженъ объяснить космополитическіе и національные элементы южнорусской народной словесности, быта и міросозерцанія. Какъ отдѣльному человѣку полезно знакомство съ другими людьми, такъ и народность отъ общенія съ другими народностями выигрываетъ въ разнообразіи и полнотѣ своего національнаго типа и въ богатствѣ своего литературнаго достоянія. Какъ ни трудно разобраться въ разнородныхъ элементахъ, изъ коихъ сложилась украинская народная словесность, но изученіе ихъ приводитъ къ убѣжденію, что словесность эта, какъ и словесность великорусская, представляетъ весьма характерное соединеніе чертъ чисто-національныхъ, спеціально своенародныхъ съ элементами инородными, причемъ чужое и свое переплелось большею частью такъ тѣсно, что нѣтъ возможности провести разграничительную черту.

А. А. Потебня.

Въ исторіи русской науки, въ частности въ исторіи Харьковскаго университета, Александръ Аванасьевичъ Потебня занялъ крупное мѣсто. Имя его пользуется почетной извѣстностью и за предѣлами Россіи, въ славянскихъ странахъ. Въ области филологіи А. А. Потебня безспорно первая величина, что въ особенности стало ясно со смерти Миклошича. Съ знаменитымъ славистомъ Потебня сходится по обширной эрудиціи и по разносторонности научныхъ интересовъ. Глубокое изученіе формальной стороны языка у Потебни идетъ рядомъ съ философ-

скимъ пониманіемъ, съ любовью къ поэзіи и искусству. Тонкій и тщательный анализъ, выработанный на спеціально филологическихъ изслѣдованіяхъ, получилъ блестящее приложеніе въ работахъ по этнографіи, въ особенности въ капитальныхъ ртуткахъ о малорусскихъ и сродныхъ съ ними пѣснахъ.

Печатными трудами значеніе Потебни не исчерпывается. Вліяніе его, какъ человѣка и профессора, было глубоко и благотворно. На кафедрѣ онъ всегда былъ учителемъ въ лучшемъ, благородѣйшемъ смыслѣ этого слова: въ его лекціяхъ заключался богатый запасъ свѣдѣній, тщательно провѣренныхъ и продуманныхъ, слышалось живое личное увлеченіе наукой, обнаруживалось оригинальное міросозерцаніе, въ основѣ котораго лежитъ въ высшей степени совѣстливое и деликатное отношеніе къ личности человѣка и личности народа. Въ принципіальныхъ убѣжденіяхъ Потебни всегда былъ строгъ безъ малѣйшихъ уклоненій, безъ дружбы и безъ вражды, и рядомъ съ этой нравственной требовательностью, прилагаемой постоянно и къ собственной личности, стояло доброе, мягкое и гуманное чувство въ частныхъ проявленіяхъ личной жизни, въ отношеніи къ людямъ, обращающимся за научнымъ совѣтомъ, указаніями и пособіемъ.

До послѣдняго времени, до выхода въ свѣтъ III тома „Исторіи рус. этнографіи“ А. Н. Пыпина, въ печати не было біографическихъ свѣдѣній о Потебнѣ. Тѣмъ пріятнѣе было встрѣтить у г. Пыпина автобіографію Потебни въ цѣлыхъ четырехъ страницы (420—424), что нѣсколько удивило и порадовало его учениковъ, знающихъ, какъ въ этомъ отношеніи А. А. Потебни всегда былъ скромнень, какъ мало, совершенно случайно и мимоходомъ онъ сообщалъ о своемъ прошломъ.

Потебня—малорось по происхожденію, на что уже указываетъ его фамилія. Происхожденіе и этимологическое значеніе слова „потебня“ объяснено подробно самимъ А. А. Потебней въ IV вып. „Къ исторіи звуковъ“ (40): потебня, тебенек—корень татарскій, предлогъ и грамматическая форма русскіе, означаетъ кожанна лопасти по бокамъ казачьяго сѣдла. Фамилія казачья. На Дону въ великорусской формѣ Тебенъковъ.

А. А. Потебня родился въ 1836 г. въ небогатой дворянской семьѣ Роменскаго уѣзда Полтавской губ., учился сначала въ Радомской гимназіи, потомъ въ Харьковскомъ университетѣ, по историко-филологическому факультету, который окончилъ въ 1856 г. Ко времени пребыванія А. А. Потебни въ университетѣ относится его знакомство съ студентомъ—медикомъ Мих. Вас. Нѣговскимъ, любителемъ и собирателемъ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ. Въ завѣдованіи Нѣговскаго была небольшая библіотека, состоявшая изъ сочиненій на малорусскомъ языкѣ и относящихся до Малороссіи. Этою библіотекой я пользовался, говорить А. А., что не осталось безъ вліянія на позднѣйшія мои занятія. Нѣговскій скончался въ молодыхъ лѣтахъ; но Потебня до послѣднихъ дней своей жизни хранилъ о немъ самыя теплыя воспоминанія. Подъ вліяніемъ Нѣговскаго укрѣпился въ А. А. живой интересъ къ малорусской этнографіи, выразившійся впоследствии въ видѣ капитальныхъ научныхъ трудовъ. Въ молодости Потебня собиралъ народныя пѣсни; часть собранныхъ имъ пѣсенъ вошла въ извѣстный сборникъ Чубинскаго. Въ своей автобіографіи Потебня неоднократно упоминаетъ съ признательностью о Петрѣ Алексѣевичѣ и братѣ его Ник. Ал. Лавровскихъ. По совѣту П. А. Лавровскаго Потебня сталъ готовиться къ магистерскому экзамену, выдержалъ экзамень „благодаря снисходительности“ П. А. и Н. А. Лавровскихъ, черезъ П. Лавровскаго познакомился съ трудами Миклошича, Срезневскаго, Караджича. Въ автобіографіи Потебни нѣтъ ни малѣйшей тѣни отъ того темнаго облачка несогласія съ П. А. Лавровскимъ, научно-литературнымъ остаткомъ котораго служить обширная и суровая рецензія П. А. Лавровскаго во II кн. „Чтеній моск. общ. ист. и древн.“ 1866 г. на сочиненіе Потебни „О мнѣическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій“. Для нравственной личности Потебни характерно, что онъ не отвѣчалъ своему строгому критику, хотя вполне могъ это сдѣлать, подавилъ въ себѣ горечь личной неприятности, и въ 1886 по кончинѣ П. А. Лавровскаго прочелъ въ засѣданіи Харьковскаго историко-филологическаго общества рефератъ о научныхъ трудахъ П. А. Лавровскаго,

съ безусловно объективной оцѣнкой его научныхъ заслугъ, а въ своей автобіографіи подчеркиваетъ свою признательность братьямъ Лавровскимъ за ихъ просвѣщенное содѣйствіе на первыхъ по времени ступеняхъ его научной дѣятельности.

Въ числѣ профессоровъ, которыхъ слушалъ Потебня, былъ А. Л. Метлинскій. Въ автобіографіи Потебня говоритъ: „Русскую грамматику читалъ по грамматикѣ Давыдова А. Л. Метлинскій, украинофилъ и добрый человекъ, но слабый профессоръ. Его сборникъ южнорусскихъ народныхъ пѣсень былъ первою книгой, по которой я учился присматриваться къ явленіямъ языка“. Несомнѣнно, что Метлинскій благотворно повліялъ на Потебню въ смыслѣ усиленія въ немъ живаго интереса къ малорусской народности и этнографіи. Метлинскій былъ человекъ простой, честный, добродушный и трудолюбивый. По словамъ его ученика Де-Пуле, дверь его квартиры была всегда открыта для студентовъ. Близость его къ студентамъ была идеальная, товарищеская. Приобрѣсти дружеское, товарищеское расположеніе Метлинскаго легко было тому, кто писалъ не дурно, кто сочинялъ стихи, кто собиралъ или любилъ народныя пѣсни. „Народныя южнорусскія пѣсни“, о которыхъ упоминаетъ Потебня, вышли въ 1854 г. Въ предисловіи къ нимъ Метлинскій писалъ слѣдующее: „Проведши большую часть моей жизни на югѣ Россіи, я могъ трудиться надъ разработкою народнаго слова русскаго преимущественно только на одной изъ нивъ обширнаго поля царства русскаго, южнорусской или украинской. Усердно воздѣлывая то, что досталось въ удѣлъ по волѣ Промысла на мою долю, я утѣшался и одушевлялся мыслью, что всякое нарѣчіе или отрасль языка русскаго, всякое слово и памятникъ слова есть необходимая часть великаго, законное достояніе всего русскаго народа, и что изученіе и разъясненіе ихъ есть начало его общаго самопознанія, источникъ его словеснаго богатства, основаніе славы и самоуваженія. Языкъ русскій, какъ и всякій другой, образуется писателями; но силу свою и природное богатство беретъ изъ первоначальныхъ чистѣйшихъ родниковъ своихъ, изъ нарѣчій народныхъ“. Далѣе у Метлинскаго слѣдуетъ выраженіе, которое позднѣе Потебня по-

вторилъ, съ ссылкой на автора, какъ безусловно справедливое. Словесныя произведенія каждаго русскаго племени заключаютъ въ себѣ и раскрываютъ часть богатства общаго, великаго народнаго духа“.

Послѣ сборника Метлинскаго вышло много гораздо болѣе крупныхъ по величинѣ, болѣе важныхъ въ научномъ отношеніи сборниковъ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ; но нѣтъ ни одного между ними, за исключеніемъ сборника историческихъ пѣсенъ Антоновича и Драгоманова, въ которомъ такъ живо и рельефно выступала сила и красота народной поэзіи. Метлинскій внесъ въ свою книгу вновь записанныя пѣсни, не искаженныя сторонними вліяніями; онъ не позволялъ себѣ составлять пѣсни изъ нѣсколькихъ варіантовъ и въ правописаніи держался господствующаго украинскаго нарѣчія; въ результатѣ получился сборникъ цѣльный и изящный, по внутреннему содержанию и внѣшней формѣ. Въ сборникѣ отразилась природа южнорусскаго края, народный бытъ, историческія воспоминанія. Пѣсни пошли одна за другой, какъ дикіе полевые цвѣты, выросшіе на полѣ народной жизни.

Такова была приблизительно почва, на которой у Потебни выросли и окрѣпли научныя этнографическіе интересы: непосредственное чувство любви къ родинѣ — сильное и глубокое, украинскія симпатіи подъ вліяніемъ Нѣговскаго и Метлинскаго и всеславянскія научныя сочувствія подъ вліяніемъ братьевъ Лавровскихъ.

Къ этимъ воздѣйствіямъ на Потебню, важнымъ и плодотворнымъ преимущественно по отношенію развитія въ немъ этнографическихъ интересовъ и научнаго опредѣленія ихъ, нужно еще присоединить сильное и благотворное вліяніе нѣмецкой филологической науки. Г. Соболевскій недавно замѣтилъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. въ рецензій на „Исторію русской этнографіи“. Пыпина, что „первообразомъ“ Потебни былъ Штейнталь. Если съ такой легкостью отыскивать „первообразы“, то не останется ни одного мыслителя, ни одного художника. Потебню затретъ Штейнталь, Александра Веселовскаго — Бенфей; у Штейнтала и Бенфея окажутся свои „первообразы“, по естественной

преимущественности научной мысли, и въ концѣ концовъ выйдутъ столь же скромныя и неизвѣстныя въ наукѣ имена, какъ имя нашего петербургскаго рецензента филолога. Эта вылазка г. Соболевскаго противъ Потебни, правда запрятанная въ подстрочномъ примѣчаніи, намъ представляется тѣмъ болѣе неудобной для самого г. Соболевскаго, что въ Харьковѣ еще живо помнить его докторскій диспутъ въ университетѣ, крайне снисходительное отношеніе Потебни къ молодому ученому и своеобразную защиту послѣдняго. Воздѣйствіе нѣмецкой науки на Потебню нужно понимать въ самомъ широкомъ смыслѣ. Въ сочиненіи „Мысль и языкъ“ (1862 г.) и „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ (1874 г.) обнаруживается глубокое изученіе В. Гумбольдта, Штейнталя и Лацаруса, въ соч. „О нѣкоторыхъ повѣрьяхъ“ (1865 г.) изученіе Я. Гримма. Какъ человѣкъ сильнаго ума, Потебня не подчинялся ни одному авторитету, ко всѣмъ трудамъ относился самостоятельно и критически. Такое изученіе нѣмецкой филологической науки Потебня продолжалъ до конца своей жизни. Такъ, въ 80-хъ годахъ онъ обстоятельно изучилъ и далъ отзывъ о сочиненіяхъ выдающагося новѣйшаго нѣмецкаго филолога Бругманна.

Сочиненія Потебни распадаются на филологическія и этнографическія. Строгаго дѣленія между тѣми и другими нѣтъ. Въ сочиненіяхъ филологическихъ встрѣчаются цѣнныя этнографическія замѣтки и, наоборотъ, въ сочиненіяхъ по преимуществу этнографическихъ разбросаны замѣчанія о звуковыхъ особенностяхъ и этимологическомъ значеніи отдѣльныхъ словъ. На всѣхъ трудахъ Потебни лежитъ отпечатокъ его оригинальной личности, его своеобразнаго научнаго дарованія. Для Потебни наука была цѣлью жизни; ея интересы неразрывно сливались съ его личными интересами; къ научнымъ интересамъ онъ относился страстно, горячо, близко принимая ихъ къ сердцу. Выдающеюся особенностью его ума была способность возвышаться надъ частнымъ, стремленіе возводить единичное къ общему. Съ высоты своихъ обобщеній онъ обозрѣвалъ частные факты, открывая близость и поразительное сходство въ такихъ явленіяхъ, которыя кажутся при первомъ взглядѣ довольно отдален-

ными другъ отъ друга. Поразительной мѣткости его обобщеній способствовала обширность его познаній. Онъ не былъ узкимъ специалистомъ въ области славянской филологіи: онъ владѣлъ обширными познаніями и въ области другихъ наукъ. Общіе выводы другихъ наукъ онъ привлекалъ къ своей спеціальности, и такимъ образомъ своему предмету сообщалъ удивительно широкую философскую постановку. Въ области изученія русскаго языка Потебня оставался и остается у насъ единственнымъ представителемъ философскаго направленія.

О филологическихъ трудахъ Потебни есть двѣ обширныхъ статьи (Срезневскаго и Будиловича), но значеніе Потебни, какъ филолога, этими статьями далеко еще не опредѣлено, и такое опредѣленіе остается дѣломъ будущаго. Недостаточно опредѣлена философская сторона въ сочиненіяхъ Потебни, и въ особенности мало оцѣнены его громадныя заслуги по изученію лексической стороны русскаго языка. Здѣсь Потебня глубоко затрагиваетъ интересы этнографовъ (напр., въ статьяхъ о названіи болѣзней, о словахъ, заимствованныхъ малоруссами отъ нѣмцевъ, румынъ, грековъ и др.) и историковъ быта и права (напр., о древне-русскихъ юридическихъ терминахъ).

Полная оцѣнка филологической научной дѣятельности Потебни въ настоящее время уже потому не можетъ быть сдѣлана, что послѣ смерти Потебни остался въ рукописи, вполне приготовленной къ печати, громадный трудъ—продолженіе его докторской диссертациі „Изъ Записокъ по русской грамматикѣ“, и затѣмъ другой также въ высокой степени цѣнный трудъ по теоріи поэзіи. Къ этимъ трудамъ относятся послѣднія строки въ автобіографической запискѣ Потебни: „О настоящихъ и будущихъ своихъ работахъ могу сказать только, что работать становится труднѣе (въ послѣдніе годы Потебня сильно и часто былъ боленъ), и я не знаю, удастся ли выпустить въ свѣтъ то, что накопилось за 20 и болѣе лѣтъ. Наиболѣе интересуютъ меня вопросы языковѣданія, понимаемаго въ Гумбольдтовскомъ смыслѣ: „поэзія и проза“ (поэтическое и научное мышленіе) „суть явленія языка“. Въ послѣдніе годы я читалъ нѣсколько разъ курсъ теоріи словесности, построен-

ный на этомъ положеніи. На очереди у меня грамматическая работа, связанная съ этимъ курсомъ, носящая два заглавія— для публики: „объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительныхъ“, для меня: „объ устраненіи въ мышленіи субстанцій, ставшихъ мнимыми“, или „о борьбѣ миѳическаго мышленія съ относительно научнымъ въ области грамматическихъ категорій, по даннымъ преимущественно русскаго языка“...

Потебню неоднократно упрекали за изложеніе тяжелое и сухое. Это упрекъ не безосновательный, но требующій оговорки и ограниченія. Сухимъ и труднымъ для пониманія представляется его главный филологическій трудъ „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ и нѣкоторыя мѣста въ другихъ его сочиненіяхъ 70 и 80-хъ годовъ. Трудность обусловливается стремленіемъ ученаго къ возможно точному философскому опредѣленію грамматическихъ и логическихъ категорій. Ранніе труды Потебни (о символахъ, о мысли и языкѣ) написаны живо, просто, ясно, и въ этомъ отношеніи они довольно рѣзко отличаются отъ его позднѣйшихъ трудовъ. Рѣчь Потебни была жива и увлекательна. Онъ и здѣсь не сходилъ съ научной почвы; но то обиліе сухихъ фактовъ, которое подавляетъ читателя въ послѣднихъ сочиненіяхъ Потебни, на его лекціяхъ и въ частныхъ бесѣдахъ облекалось всепроникающей мыслью о торжествѣ разума, правды и добра, причемъ исторія языка, пѣсенъ и обрядовъ являлась вмѣстѣ исторіей мысли и исторіей человѣческой культуры.

Обращаемся въ изложенію и оцѣнкѣ этнографическихъ трудовъ Потебни, изложенію по возможности, подробно, въ виду научной ихъ важности и въ виду того, что до сихъ поръ о Потебнѣ, какъ этнографѣ, въ научной литературѣ не было рѣчи.

Первый печатный трудъ А. А. Потебни — магистерская диссертация „*О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи*“ 1860 г. (въ 154 стр.)—давно уже вышелъ изъ продажи и въ настоящее время составляетъ библиографическую рѣдкость. Въ ряду другихъ трудовъ А. А. Потебни это сочиненіе слабое. Здѣсь Потебня пошелъ по пути, проложенному Н. И. Косто-

маровымъ въ 1843 г. въ сочиненіи „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“. Костомаровъ отыскивалъ символы въ пѣсняхъ; Потебня останавливается на символикѣ въ языкѣ, причемъ располагаетъ символы по единству предполагаемаго въ нихъ основнаго представленія. По опредѣленію Потебни, символика въ языкѣ возникла изъ потребности возстановить забываемое собственное значеніе словъ, вмѣстѣ съ лексическимъ ростомъ языка. Авторъ вкратцѣ отмѣчаетъ три главныхъ отношенія символа къ опредѣленному имъ предмету: сравненіе, противоположеніе и отношеніе причинное. Болѣе всего символизма обнаруживается въ женскихъ пѣсняхъ, въ зависимости отъ консерватизма женщины. Символизмъ находится въ обратномъ отношеніи къ силѣ постороннихъ вліяній, а потому онъ обнаруживается яснѣе у русскихъ и сербовъ, чѣмъ въ пѣсняхъ чеховъ, поляковъ, лужичанъ и хорватовъ.

Сочиненіе Костомарова объ историческомъ значеніи русской поэзіи, повидимому, было неизвѣстно Потебнѣ, когда онъ писалъ свою магистерскую диссертацию. На Костомарова нѣтъ ссылокъ. Книга Костомарова богаче содержаніемъ и оригинальнѣе по методу и группировкѣ фактовъ. Сравненіе этого перваго труда Потебни съ послѣдующими его сочиненіями, свидѣтельствуетъ о быстротѣ и силѣ его научнаго развитія. Уже сочиненіе „Мысль и языкъ“, написанное черезъ два года, составляетъ большой шагъ впередъ, а въ сочиненіяхъ Потебни 70 и 80 годовъ трудно узнать автора книги „О символахъ въ славянской народной поэзіи“.

Въ книгѣ рассмотрѣны символическія значенія словъ: *нить*, *нитье* (желать, стремиться, любить, цѣловать, блудъ, свадебный пиръ; женитьба, какъ символъ битвы и смерти; питье воды—слезы), *ида* (хлѣбы—символы мужчинъ и женщинъ), *горечь* (горе, печаль; символика горькихъ растеній, полыни и пр.), *солъ* (печаль, неприятность); *сладость* (любовь, счастье, милый), *таяніе* (голодъ, жажда, печаль), *кованье*, *огонь* (любовь, гнѣвъ), *дымъ* и *пыль* (печаль); краткая замѣтка о заговорахъ на 31—33 стр.; *морозъ* (сближается съ огнемъ, означаетъ жажду, печаль, заботу); неудачное объясненіе слова химорода (отъ зима, хима)

на стр. 36; *свѣтъ* (солнце-дѣвица, мѣсяць-мужчина, князь; смѣшеніе пола; красота, любовь, веселье); *бѣлый* (названія цвѣтовъ; бѣлый въ значеніи свѣтлый, красный, зеленый, красивый, милый), *зеленый* (малорус. грядный, свѣтлый, молодой, красивый, веселый), *красный, калина* (символь дѣвства, красоты, любви), *золото* (свѣтъ, красота), *черный, черная туча, темная ночь* (печаль, вражда, смерть и пр.), *быстрота* (красота, любовь, умъ, свѣтъ, сила), *найти* (узнать, развѣдать), *поймать* (сосватать), *вода холодная* (здоровье, сила, молодость), *копать криницу* (любить, сватать), *вода въ криницу* (дѣвство), *отверз* (быстрота, приноситъ человѣка, гостей, уноситъ человѣка — „завіавсь“, „повіавсь“, приноситъ вѣсть, моръ—повѣтріе), *слюна* (слово, порча); гаданія вѣтромъ и водою на 84 стр.; *утопить* (погубить), *разливъ* (горе, недруги), *слезы* (роса, дождь), *лить, обливанье и обсыпанье* (обливанье дѣвицъ у колодца на 97; рождественскіе обряды съ кашей на 100—102); *облако* (ткань, дымъ, символъ покрыванія, изобилія и красоты); *листья* (одежда; зеленые листья—символь брака; опаданіе листьевъ—разлука); *рой* (густота, изобиліе, красота; символъ молодого и поѣзжанъ); *вить, вязать, нить, нута, узда* (сватанье, дѣвица, женщина, любовь и бракъ, завиваніе вудрей—любовь и счастье; счастливыя примѣты о паукѣ и паутинѣ; обрученіе; заручины; кромѣ любви, узда, возжи, ярмо означаютъ еще неволю, нужду; рыночныя обряды въ зависимости отъ символа вязанія на 132); *ключъ и замокъ* (символы власти, дѣвицы, росы, силы слова); *рвать* (переходъ въ ткать, плестъ, чесать, рѣзать, бить); *платье* (рубаха—дѣвица, рвать ткань—любить); *дорога* (ходить по дорогѣ—любить); *орить* (любить, жениться), *равнина, поле* (воли, приволье) и *юры* (горе, неволя).

Фактическій матеріалъ почерпнутъ большею частью изъ сборниковъ Метлинскаго и Терещенка, затѣмъ изъ Гаупта, Кулды, Сахарова, Кулиша, Жеготы Паули, Караджича, Войцицкаго и статей Буслаева.

Въ диссертациі Потевни о символахъ уже ясно и отчетливо обнаружались этнографическіе интересы автора. Потевни вратцѣ останавливается на обрядахъ, сказкахъ, заговорахъ

примѣтахъ. Нѣкоторыя этнографическія детали, еле отмѣченныя въ диссертациі 1860 г., впоследствии были подробно разобраны Потебней. Такъ, въ томъ же направленіи символическаго толкованія языка и поэзіи написаны статьи „*О связи нѣкоторыхъ представленій въ языкъ*“ (1864 г.), и „*Переправа черезъ воду, какъ представленіе брака*“ (1867 г.). Это символическое направленіе проходитъ во всѣхъ послѣдующихъ трудахъ Потебни, въ томъ числѣ въ лучшихъ позднѣйшихъ, напр., въ рецензіи на сборникъ пѣсенъ Головацкаго и въ сочиненіи о малорусскихъ и сродныхъ пѣсняхъ, но уже въ сопровожденіи многихъ примѣровъ и съ надлежащей научной аргументаціей.

Въ 1865 г. А. А. Потебня въ „Чтеніяхъ въ общ. ист. и древн. рос.“ помѣстилъ обширное (310 стр.) изслѣдованіе „*О мифическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій*“. Символическое толкованіе словъ обнаруживается во многихъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, изрѣдка въ текстѣ. На первомъ мѣстѣ стоитъ мифологія. Это было время господства въ Россіи мифологической теоріи. Въ Германіи увлеченіе мифологіей начинало уже ослабѣвать. Въ 1859 г. вышло знаменитое предисловіе Бенфея къ Панчатантрѣ, положившее начало новому направленію — ученію о литературномъ и бытовомъ заимствованіи, которое повело къ ограниченію мифологической теоріи. Но въ Россіи въ 60-хъ годахъ ученіе это не успѣло окрѣпнуть. На поприщѣ мифологическаго изслѣдованія повѣрій и обрядовъ Потебня имѣлъ уже талантливыхъ предшественниковъ, Срезневскаго, Буслаева, Аванасьева, отчасти Боданскаго и Шепшинга, но Потебня не послѣдовалъ за ними въ выборѣ темъ, въ распредѣленіи матеріала и въ выводахъ. Его учителями и руководителями оказались выдающіеся представители нѣмецкой мифологіи, Я. Гриммъ, Мангардтъ и Вольфъ. Потебня выбиралъ темы и распредѣлялъ матеріалъ самостоятельно; но въ выводахъ, въ освѣщеніи и толкованіи обрядовъ и повѣрій—обнаруживается вліяніе нѣмецкихъ образцовъ.

Сочиненіе распадается на три большія главы. Первая посвящена рождественскимъ обрядамъ (1—80); вторая трагуетъ

о бабѣ-Ягѣ (81—232) и третья о змѣѣ, волкѣ и вѣдьмѣ (233—310). Каждая глава представляет самостоятельное цѣлое.

Излѣдованіе о *рождественскихъ обрядахъ* оказалось наиболѣе продуктивнымъ въ научномъ отношеніи, по обилію фактическихъ данныхъ и тѣсной связи ихъ съ жизнью народа. Начинается это излѣдованіе съ описанія сербскаго *бадняка* (сожиганіе въ печи бревна), посыпанія хлѣбныхъ зеренъ, возжиганія свѣчей и чествованія плуга. Далѣе говорится о посвященіи солнцу и жертвоприношеніи свиньи, быка и оленя, отчего пошли и обрядныя кушанья: свинина, колбасы. Въ концѣ излѣдованія собрано много матеріала объ обрядовомъ употребленіи хлѣба и каши. Съ 1865 г. русская наука не стояла на мѣстѣ, и въ то время, какъ Потебня оставилъ шаткую почву мнѳологіи и предался спеціально филологическимъ занятіямъ, всѣ части его труда о рождественскихъ обрядахъ были другими учеными исправлены, развиты, переработаны, и наконецъ въ новое время появились самостоятельные научные труды по тѣмъ же отдѣламъ фольклора, и въ этихъ трудахъ выдвинуты новые матеріалы и новыя точки зрѣнія. Прежде всего крупныя исправленія внесены П. А. Лавровскимъ въ рецензіи 1866 г. Эти исправленія касаются преимущественно предложенныхъ Потебней толкованій отдѣльныхъ словъ (баднякъ, млинъ, ядро и др.). Толкованія обрядовъ и повѣрій, предложенныя Лавровскимъ, сравнительно съ его филологическими поправками, имѣютъ мало значенія. Обрядовое употребленіе свинины и родственные обряды подробно обслѣдованы А. Н. Веселовскимъ въ „Розысканіяхъ“ (1880 г.); обрядовое употребленіе хлѣба разработано мной въ 1885 г. въ спеціальной монографіи „Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ“, причемъ трудъ А. А. Потебни былъ для меня драгоценнымъ пособіемъ. Позднѣе въ 1887 г. вышло сочиненіе Гуссона „Histoire du pain à toutes les époques et chez tous les peuples“, содержаніе котораго, довольно жидкое, не отвѣчаетъ громкому заглавію, интересное сочиненіе чешскаго ученаго Коштыла „Chléb v pověrach a zvycích lidu českého“ (1886), небольшая моя статейка „Starodawne sposoby przyrządzenia chleba“ въ „Вислѣ“ 1890 г. Сюда же относится неболь-

шое сочиненіе Штайба „Das Brod im Spiegel schweizer-deutscher Volkssprache und Sitte“ (1868 г.).

Исслѣдованіе о *бабѣ-Ягѣ* до настоящаго времени сохранило большую научную цѣнность, по обилію разнороднаго этнографическаго матеріала. Въ началѣ исслѣдованія Потебня говоритъ о Гольдѣ и Бергѣ, затѣмъ сближаетъ съ этими миѣическими лицами бабу Ягу, на основаніи нѣкоторыхъ общихъ повѣрій о мыши и воронѣ. Далѣе идетъ сближеніе съ бабой Ягой Гвоздензуба, бабы Руги, бабы Коризмы, Покладней бабы и Марены. Большія сомнѣнія вызываютъ дальнѣйшія миѣическія толкованія сказокъ о лисѣ и сближеніе ихъ съ сказками о бабѣ Ягѣ. Значительный интересъ представляетъ разборъ сказки объ Ивасѣ и вѣдьмѣ, въ связи съ мнѣніями Э. И. Буслаева объ этой сказкѣ. Большой научный интересъ имѣетъ разборъ основныхъ мотивовъ сказокъ о злой мачихѣ. Изъ частныхъ сказочныхъ мотивовъ весьма подробно разсмотрѣны: кобылья голова, сказочныя жабы, чудесныя по быстротѣ кони, женщины-лебеди, южнославянскія вилы, связь вилы со звѣздой, мотивы о бабныхъ дочкахъ, о черепахѣ, раѣхъ, пчелѣ и щукѣ въ народной словесности, въ частности по связи ихъ съ бабой Ягой. Статья оканчивается сближеніями Яги съ Пятницей и Недѣлей, не выдерживающими научной критики. Погрѣшности въ миѣическомъ толкованіи обрядовъ и повѣрій не роняютъ статью въ научномъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что подстановки неба, тучи, зимы, висящія въ воздухѣ, легко отдѣлимы отъ богатаго пущеннаго въ ходъ этнографическаго матеріала, и всякій безпристрастный и добросовѣстный этнографъ найдетъ въ статьѣ Потебни о Ягѣ цѣнное и полезное пособіе по многимъ отдѣламъ фольклора. Основные положенія о миѣическомъ значеніи Яги вѣрны, по крайней мѣрѣ, до настоящаго времени ни мало не поколеблены. Г. Ганушъ-Махаль, авторъ новѣйшаго исслѣдованія о славянской миѣологіи (*Nákres slovanskeho bajeslovi*, 1891 г.), вполне раздѣляетъ основное положеніе Потебни о миѣическомъ значеніи Яги, какъ образъ зимнихъ бурь и тучъ; съ славянскими повѣрьями о Ягѣ онъ сравниваетъ древне-греческія о горгонахъ (66 — 68). Статьѣ Потебни о Ягѣ вре-

дить обиліе частныхъ мотивовъ, такіа сближенія (сказки о лисѣ и др.), которыя не имѣютъ связи съ сказками о Ягѣ и привлечены гадательно. Эти детали имѣютъ самостоятельную цѣнность; но въ экономіи статьи онѣ представляются часто лишними и нарушаютъ цѣльность содержанія и послѣдовательность въ изложеніи основныхъ мотивовъ сказокъ и повѣрій о Ягѣ.

Третья глава, посвященная *сближенію змѣи, волка и вѣдьмы*, представляетъ также цѣнное научное изслѣдованіе, не въ силу самаго сближенія, искусственнаго и натынутаго, а по подбору и обработкѣ сыраго этнографическаго матеріала. Строгій критикъ сочиненія „О миѣнч. знач. нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій“ П. А. Лавровскій отдаетъ справедливость автору, что „концемъ своего изслѣдованія онъ заготовилъ подробный матеріалъ для критической его разработки“. Потебня начинаетъ третью статью съ опроверженія мѣтвѣи Аванасьева о змѣѣ, какъ громовомъ божествѣ, и говоритъ о связи змѣи съ водой, съ тучами, причемъ подробно останавливается на сказкахъ о борьбѣ богатырей со змѣемъ изъ-за похищенныхъ послѣднимъ царевенъ, сказкахъ о трехъ царствахъ, сказкахъ о Кошеѣ Безсмертномъ, гдѣ Кошей замѣняетъ змѣя, сказкахъ о змѣиныхъ дочкахъ и женѣ змѣя (=туча) и сказкахъ о сватаньѣ на дочери змѣя (сказки объ Иванѣ Голикѣ и др.). Далѣе слѣдуютъ замѣчанія о волколакахъ, упыряхъ и вѣдьмахъ, предположенія о миѣнческомъ значеніи ихъ, приложимыя вполне къ вѣдьмамъ, но большею частью ошибочныя относительно волколаковъ и упырей. Статья оканчивается интереснымъ обзоромъ растительныхъ обереговъ отъ вѣдьмъ, чеснока, крапивы, терновника и осины.

Сочиненіе Потебни „О миѣнческомъ значеніи обрядовъ“ вызвало обширную (въ 102 стр.) и суровую критику П. А. Лавровскаго во 2 кн. „Чтеній московск. общ. истор. и древ.“ 1866. Рецензія Лавровскаго сильна по отрицанію, но слаба и безцвѣтна въ смыслѣ положительномъ. Рецензентъ удачно и мѣтко вскрываетъ слабыя стороны въ выводахъ Потебни, не давая своихъ собственныхъ и не восполняя этнографическаго матеріала. Слабостью положительныхъ данныхъ объясняется, что рецензія Лавровскаго не оставила въ наукѣ замѣтнаго

слѣда. Лавровскій признаеть въ сочиненіи Потебни „усидчивую продолжительность и добросовѣстность труда, не отрицаетъ пользы его для науки, по крайней мѣрѣ, со стороны подбора фактовъ славянскаго матеріала и сближенія ихъ съ фактами другихъ родственныхъ народовъ“ (102); но въ то же время Лавровскій обстоятельно обвиняетъ Потебню въ томъ, что она „придала слишкомъ много значенія случайному сходству и слишкомъ мало обратила вниманія на спеціальныя условія народа, неизбѣжно вліявшія какъ на физическую его сторону, такъ и на нравственную“, не обратила вниманія на христіанскія элементы и подгоняла факты подъ предвзятую идею. Послѣдній упрекъ, подкрѣпленный многочисленными ссылками и выписками, для Потебни былъ полезенъ. Десять лѣтъ спустя Срезневскій писалъ: „Читая произведенія (Потебни 60-хъ годовъ), нельзя не удивляться начитанности исследователя и умѣнью пользоваться знаніемъ многихъ языковъ и произведеній народной поэзіи и міеологии многихъ народовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его широкой сообразительности въ приисканіи соотношеній между представленіями и въ сравненіи годныхъ для него данныхъ, замѣченныхъ имъ въ самыхъ разнообразныхъ источникахъ. Немудрено, что сацеинобилне запасовъ его памяти и легкость ими пользоваться давали ему силу увлекаться, и что эта сила увлеченія должна была нерѣдко побѣждать въ немъ сдержанность его ума; готоваго столько же подчиняться несомнѣннымъ доказательствамъ, сколько и сомнѣваться во всемъ, что не объясняется такими доказательствами. Увлеченіе заставляло приходиться къ выводамъ, показавшимся другимъ слишкомъ смѣлыми или и невѣрными, хотя и къ такимъ же, какіе были защищаемы исследователями, достойными полного уваженія, и между прочимъ такими даровитыми, какъ Яковъ Гриммъ и Буславевъ. Самыя увлеченія такихъ людей важны для успѣховъ науки, для выработки пріемовъ работы и пріемовъ критики, для оцѣнки важности данныхъ, нужныхъ для выводовъ и выводовъ изъ нихъ. Разсматривая съ этой стороны труды Потебни, нельзя не быть признательнымъ ему за нихъ, такъ же, какъ, напр., и Лавровскому за строгій раз-

боръ части ихъ. Только время и послѣдующія изслѣдованія многихъ дѣятелей могутъ показать, что именно изъ соображеній Потебни должно считать достоянiемъ науки“ (*Срезневскій, Отчетъ, 17—18*). Можетъ быть, не безъ влiянiя критики Лавровскаго развелась въ Потебнѣ съ теченiемъ времени большая осторожность въ выводахъ. Въ послѣднихъ, самыхъ крупныхъ по величинѣ и достоинству, этнографическихъ трудахъ Потебни эта осторожность уже такъ велика, что встрѣтила осужденiе со стороны А. Н. Пыпина: „Новые труды ученаго автора, говоритъ г. Пыпинъ, въ высокой степени цѣнны для специалистовъ громадной массой наблюденiй надъ стилемъ народной пѣсни, ея метафорическими и символическими образами, миеологическими намеками, психологической подкладкой; жаль, однако, что авторъ все время остается только изслѣвателемъ комментаторомъ, собираетъ богатый материалъ любопытныхъ сопоставленiй и уклоняется отъ общаго вывода о стилѣ и миеологическомъ содержанiи изслѣдованныхъ имъ областей народной поэзiи,—вывода, который въ рукахъ многоопытнаго изыскателя могъ бы быть особливо поучителенъ, между прочимъ какъ руководство для послѣдующихъ работниковъ на этомъ поприщѣ“ (*Ист. русск. этногр., II, 153*).

Сочиненiе Потебни „О миеологическомъ значенiи обрядовъ“ къ малорусской этнографiи относится восвенно, по обилiю вошедшихъ въ него (преимущественно въ первую главу) малорусскихъ повѣрiй и сказокъ.

Не имѣетъ прямого отношенiя къ малорусской этнографiи и другое ближайшее по времени (1866 г.) сочиненiе Потебни *О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчiй* (въ *Филол. Запискахъ* и отдѣльно). Отзывъ объ этомъ сочиненiи—Срезневскаго въ его *Отчетѣ*, стр. 19 — 20. Основное положенiе Потебни, принятое Срезневскимъ, состоитъ въ томъ, что раздробленiе древне - русскаго языка, отличнаго уже отъ другихъ славянскихъ, на нарѣчiя началось многимъ раньше XII вѣка, потому что въ началѣ XIII в. находимъ уже несомнѣнные слѣды раздѣленiя великорусскаго нарѣчiя на сѣверное и южное, а такое раздѣленiе необходимо предполагаетъ уже и существованiе ма-

лорусскаго, которое болѣе отличается отъ каждаго изъ великорусскихъ, чѣмъ эти другъ отъ друга.

Въ 1867 году Потебня напечаталъ двѣ большихъ статьи этнографическаго содержанія: „О доли и сродныхъ съ нею существахъ“ (во II т. „Древностей“ Моск. арх. общ.) въ 44 стр. и „О купальскихъ огняхъ“ (въ „Археол. Вѣстникѣ“ Москов. археол. общ.) въ 19 стр. Обѣ эти статьи, въ особенности вторая (о купальскихъ огняхъ), сохранили до настоящаго времени научную цѣнность по обилію матеріала, подбору его и выводамъ.

Въ настоящее время народныя представленія о Долѣ имѣютъ обширную научную литературу. Въ 60 годахъ матеріала было еще мало, и матеріалъ былъ очень разбросанъ. Можетъ быть, широкая научная разработка Доли обязана именно тому, что Потебней былъ заложенъ прочный фундаментъ. Въ началѣ статьи Потебня говоритъ о названіяхъ Доли и Недоли (счастье, доля, сеча, намѣра, случай, притча, пригода, рокъ, лихо, бѣда, горе, журба) и объ отношеніи Доли и Недоли къ человѣку (приходятъ къ человѣку, помогаютъ или мучатъ и пр.). Далѣе слѣдуетъ утвержденіе, что Доля и Недоля—не олицетворенія, какъ думалъ Ѳ. И. Буслаевъ, а мнѣческія существа съ объективнымъ бытіемъ. Въ доказательство этого положенія слѣдуютъ обстоятельныя указанія на связь Доли и т. п. съ несомнѣнно мнѣческимъ лицомъ—домовымъ, на связь Доли и души, Доли и болѣзней, Доли и Усуда сербскихъ сказокъ. При этихъ параллеляхъ и сопоставленіяхъ собрано много матеріала о домовомъ, скандинавской фильги и дѣтской сорочкѣ, о народныхъ представленіяхъ о болѣзняхъ вообще, въ частности о лихорадкахъ. Въ концѣ статьи находится подробный обзоръ сербскихъ сказокъ объ Усудѣ, въ которомъ Потебня усматривалъ верховное мнѣческое существо—подателя доли. Къ этой статьѣ Потебни можно примѣнить тотъ упрекъ, который Лавровскій сдѣлалъ Потебнѣ по поводу сочиненія о мнѣческомъ значеніи повѣрій: полное невниманіе къ повѣрьямъ, сложившимся на христіанской апокрифической почвѣ, что въ особенности приложимо въ той части, гдѣ рѣчь идетъ о лихорадкахъ.

Съ легкой руки Потебни научная литература обогатилась цѣлымъ рядомъ крупныхъ изслѣдованій о народныхъ предствленіяхъ о долѣ: Боровиковскаго (1867 г.), г. Крауса (1889), г. Александра Веселовскаго (1883 и 1891), г. Васильева (1890), г. Довнаръ-Запольскаго (1891) и П. В. Иванова (1892 г.). Въ ряду этихъ изслѣдованій труды Боровиковскаго (въ IV кн. „Чтеній“ москов. общ. истор. и древн. рос. 1867 г.), г. Васильева (въ Этногр. Обзор. 1890, № 1) и г. Иванова (въ IV т. Трудовъ харьк. истор.-филол. общества) построены всецѣло на украинскомъ матеріалѣ. Въ научномъ отношеніи на первомъ мѣстѣ стоитъ обширный трудъ г. Веселовскаго.

Статья „*О купальскихъ огняхъ* и сродныхъ съ ними предствленіяхъ“ и въ настоящее время представляется наиболѣе крупной и цѣнной въ научной литературѣ о купалѣ. Съ 1867 года появилось довольно много новаго матеріала; но матеріалъ этотъ не подвергался подробному научному обслѣдованію. Моя краткая статья въ „Культурныхъ переживаніяхъ“ (§ 57) и также краткія статьи г. Соболевскаго (въ Рус. Филол. Вѣстн.) и г. Гануша-Махала (въ *Nakres slov. bajeslovi*) не могутъ въ совокупности замѣнить статью Потебни. Правда, въ этой статьѣ нѣтъ многихъ купальскихъ обрядовъ и повѣрій; но за то-тѣ немногія детали, которыя привлекли къ себѣ вниманіе Потебни, разобраны имъ весьма обстоятельно. Въ началѣ статьи находится сближеніе купальскихъ костровъ съ топленіемъ и сожиганіемъ Марены—въ доказательство, что купало—праздникъ солнца. Далѣе слѣдуетъ интересный обзоръ фактовъ о добываніи огня посредствомъ тренія и о всемірномъ небесномъ деревѣ; но лучшая часть статьи—последняя, гдѣ Потебня говоритъ о громовомъ и солнечномъ значеніи омелы, лѣщины, дуба, плакуна, вербы и папортника. Мнѣніе о связи этихъ растений съ небеснымъ огнемъ, можетъ быть и несостоятельное въ нѣкоторыхъ фактическихъ деталяхъ, въ основаніи представляется весьма вѣроятнымъ. Подборъ фактовъ сдѣланъ широко, въ особенности много собрано о папортникѣ. Во всякомъ случаѣ, будущему изслѣдователю купальскихъ обрядовъ и повѣрій придется серьезно считаться съ извѣстіями Потебни, при-

дется пользоваться собраннымъ имъ матеріаломъ. Можно надѣяться на скорое появленіе такого спеціальнаго труда о купалѣ, въ которомъ купальскіе обряды и пѣсни будутъ разобраны во всей ихъ полнотѣ и со всѣхъ сторонъ. Есть основаніе думать, что такимъ изслѣдованіемъ подарить науку современная польская этнографія, можно думать въ виду того усердія, съ которымъ польскіе этнографы собираютъ матеріалъ, какъ польскій, такъ и южнорусскій. Лучшій, наиболее полный сборникъ малорусскихъ купальскихъ пѣсенъ и обрядовъ принадлежитъ г-жѣ Мошинской въ V т. „Zbiór wiadomości do antrop. krajowej“. Въ прошломъ году г. Любичъ составилъ подробную программу (kwestionariusz) для собиранія свѣдѣній о купальскихъ обрядахъ и пѣсняхъ (Sobótka). Эта программа вызвала уже цѣлый рядъ замѣтокъ и матеріаловъ въ журналѣ „Wisła“, въ частности въ 1 кн. „Вислы“ 1891 г. любопытный матеріалъ г. Ястржембовскаго.

Въ 1870 года Потебня въ „Филологическихъ Запискахъ“ помѣстилъ „Замѣтки о малорусскомъ нарѣчій“, вышедшія въ въ 1871 г. отдѣльно книгой въ 134 стр. Въ 1875 г. Срезневскій писалъ объ этой книгѣ: „По характеру изложенія это дѣйствительно замѣтки; по кто, прочетши эти замѣтки, захочетъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ изъ нихъ узналъ, тотъ будетъ въ состояніи не только опредѣлить звуковыя особенности малорусскаго нарѣчія сравнительно съ великорусскимъ въ ихъ повременномъ развитіи, общемъ и мѣстномъ, но и ясно отвѣчать на нѣкоторые трудные вопросы фонетики русскаго языка вообще, имѣя средство доказательно оспаривать нѣкоторыя изъ ихъ прежнихъ рѣшеній, могшихъ казаться окончательными. Нельзя при этомъ не замѣтить, что свои наблюденія г. Потебня извлекъ изъ очень богатаго подбора источниковъ, какъ древнихъ и старинныхъ, такъ и современныхъ. Нельзя также не быть ему признательнымъ за желаніе быть безпристрастнымъ, дававшее ему рѣшимость сознаваться въ ошибкахъ, отказываться отъ мнѣній, оказавшихся невѣрными, искать не доказательствъ предвзятой мысли, а какъ можно болѣе данныхъ для наиболѣе вѣрнаго свода ихъ къ выводу.“ (Отчетъ, 22).

„Замѣтки“, цѣнныя въ филологическомъ отношеніи, не даютъ ничего этнографическаго въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Только на стр. 62—64 находится любопытная замѣтка о трехъ малорусскихъ словахъ дзыглыкъ, дженжуристый и дзиндзиверъ. Оттанавливаясь на славянскихъ словахъ съ дж, дз, Потебня говоритъ: „Малорусскихъ словъ съ дз, дж несравненно больше, чѣмъ сколько вошло въ словарь Аванасьева. Я укажу здѣсь на три иностранныя слова, въ коихъ въ украинскомъ говорѣ стоитъ дз, дж: дзиглыкъ, польск. *zedlik, zedel* есть нѣмец. *sessel* по нижненѣмецкому произношенію съ *t*; джиджулуха, приджиджультися—принарядиться, откуда дженджуристый—нарядный, серб. кинджуритися—рядиться, джинджеръ—какое то украшеніе и въ переносномъ смыслѣ эпитетъ человѣка, и джинджуха—стекляная бусина, и третье слово—дзиндзиверъ, по мнѣнію Потебни, *malva moschata*—растеніе съ приятнымъ запахомъ (по мнѣнію другихъ—*althea officinalis* или *malva silvestris*). Отъ высокаго ствола растенія переносное значеніе дзиндзиверъ—молодецъ (въ Энеидѣ Котляревскаго и въ народныхъ пѣсняхъ). Потебня указываетъ далѣе, что въ хожденіи за три моря Аванасія Никитина (1468 г.) упоминается зеньзебиль (*zinziber officinale*), и затѣмъ, по даннымъ у Пота, указано греческое слово дзиндзиверисъ и его итальянскія и нѣмецкія искаженія (*zenzevere, giengiero, ingwer*, инбирь). Этими данными вообще опредѣляется происхожденіе малор. дзиндзиверъ, причемъ Потебня не беретса рѣшать, перешло ли это слово прямо изъ греческаго или черезъ итальянскій, что тоже возможно.

Со времени „Замѣтокъ“, или, точнѣе, со времени „Купальскихъ огней“, т. е. съ 1867 г. и до конца семидесятихъ годовъ, до 1877 и 1878 г., Потебня работалъ въ области спеціально филологической. Въ это время имъ были напечатаны „Записки по русской грамматикѣ“, первая часть „Къ исторіи звуковъ“ и разборъ „Очерка звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“ г. Житецкаго. Можно было подумать, что Потебня совсѣмъ оставилъ этнографію, и по этому поводу появились даже сожалѣнія, высказанныя авторитетными людьми науки. Такъ, Срезневскій въ своемъ академическомъ отчетѣ 1875 го-

да писалъ: „Можно даже пожалѣть, что г. Потебня, насколько это можно видѣть изъ издаваемыхъ имъ нынѣ трудовъ, уже не продолжаетъ трудиться въ направленіи, котораго исключительно держался въ первые годы своей учено-литературной дѣятельности: даровитость, управляемая опытностью и желаніемъ сознательно объяснять неясное самому себѣ и потому уже другимъ, всегда можетъ быть порукою въ пользу дѣятельности людей науки, въ какомъ бы направленіи они ни трудились“.

Опасенія были напрасны. Въ концѣ 70-хъ и въ 80-хъ годахъ Потебня снова выступилъ на поле этнографическихъ изученій и обогатилъ науку капитальными трудами, далеко превосходящими его этнографическія изслѣдованія 60-хъ годовъ, по методологій, обилію фактовъ и осторожности въ выводахъ.

Второй періодъ этнографической дѣятельности Потебни охватилъ ровно десятилѣтіе, начался въ 1877 году съ объясненія одной малорусской пѣсни XVI в. и закончился въ 1887 г. объемистымъ трудомъ о волядкахъ. Этнографическіе труды Потебни этого періода стоятъ въ Малороссіи гораздо ближе, чѣмъ отмѣченные выше труды о рождественскихъ обрядахъ, бабъ Ягъ, Долъ и Купальскихъ огняхъ.

Въ малорусской этнографіи выдаются по научной обстановкѣ 3 изданія памятниковъ словеснаго народнаго творчества: „Историческія пѣсни Антоновича и Драгоманова (1874 г.)“, „Малор. пѣсня по списку XVI в.“ Потебни (1877) и „Корницкая свадьба“ Н. А. Янчука (1886 г.). Каждое изъ этихъ изданій имѣетъ свои особенности; въ одномъ преобладаютъ историческія толкованія, въ другихъ филологическія; но всѣ эти изданія должны быть настольными книгами при собираніи, обработкѣ и изданіи этнографическихъ матеріаловъ, какъ образцы высокаго уваженія къ народному слову, трудолюбиваго и добросовѣстнаго изученія народныхъ пѣсенъ въ цѣломъ и въ мелкихъ подробностяхъ. Тутъ важно содержаніе и методъ изслѣдованія, приемы издателей, самое отношеніе ихъ къ предмету изслѣдованія. У Антоновича и Драгоманова методологія отчасти заслонена и ослаблена богатствомъ самого содержанія пѣсенъ, ихъ высокими художественными достоинствами. Потебня

и г. Янчук оперируютъ надъ матеріаломъ сравнительно мелкимъ и блѣднымъ, и потому самая работа ихъ стоитъ болѣе на виду; отчетливѣе обрисовываются всѣ ихъ приемы и выводы.

Статья Потебни „Малорусская народная пѣсня по списку XVI в.“ (текстъ и примѣчанія) была сначала напечатана въ Филол. Запискахъ, потомъ вышла въ оттискахъ (53 стр.). Здѣсь находится разборъ малорусской пѣсни, напечатанной въ „Чешской грамматикѣ“ Благослава (1571 г.) въ числѣ образцовъ славянскихъ нарѣчій. Пѣсня эта—„Дунаю, Дунаю, чому смутенъ течешъ“—повѣствуетъ о томъ, какъ на берегу Дуная сражались три арміи, турецкая, татарская и волоская. Стефанъ, воевода волоскій, не можетъ жениться на любящей его дѣвушкѣ, потому что она не ровня ему, и не можетъ бросить ее, потому что любитъ ее. Дѣвица бросается въ Дунай, и Стефанъ ее спасаетъ (причемъ предполагается и женитьба). Комментаріи раздѣляются на четыре главы: 1) о языкѣ, 2) о размѣрѣ, 3) о началахъ пѣсенъ и 4) о главномъ содержаніи пѣсни о Стефанѣ. Въ первой главѣ отмѣчены чехизмы и случаи дательнаго на *ми* и *ти*, *намъ*, *вы*, *оамъ*, во второй—о размѣрѣ пѣсни о Стефанѣ въ 12 слоговъ въ стихѣ и о цезурѣ. Эта маленькая глава представляетъ зародышъ тѣхъ обширныхъ изслѣдованій о размѣрѣ пѣсенъ, какія вошли въ рецензію на сборникъ пѣсенъ Головацкаго (1878 г.) и въ сочиненія о малорусскихъ и сродныхъ пѣсняхъ (80-хъ годовъ). Въ этой главѣ Потебня высказываетъ слѣдующее положеніе, подробно развитое въ упомянутыхъ его трудахъ: „Говорить здѣсь о ямбахъ, хоряхъ и проч., хотя бы и тоническихъ, нѣтъ другаго основанія кромѣ шеклярной рутины. Единственный метръ есть именно полустипіе. Размѣръ народной пѣсни первоначально возникаетъ вмѣстѣ съ напѣвомъ, почему синтаксическое дѣленіе стиха совпадаетъ съ естественнымъ дѣленіемъ напѣва“. Въ краткой четвертой главѣ говорится о символическомъ значеніи героическаго средства дѣвицы броситься въ Дунай. Главная сила статьи заключается въ обширной третьей главѣ (14—50); трагующей о народной поэзіи съ новой стороны. Здѣсь Потебня „безъ притязаній на полноту“ отмѣчаетъ слѣдующіе приемы: 1) на-

чала пѣсенъ безъ приступа, съ событія или рѣчи дѣйствующаго лица, или съ краткаго и сухаго обозначенія мѣста и времени; 2) начала съ непосредственнаго воспріятія пѣвца; 3) начала съ символа; 4) начала, изображающія дѣйствія пѣвца и приводящія его къ извѣстнымъ наблюденіямъ, составляющимъ содержаніе пѣсни; въ силу того, что такія начала характеристичны для заговоровъ и причитаній надъ мертвыми, Потебня посвящаетъ нѣсколько страницъ заговорамъ и плачамъ; 5) начала съ подробнаго описанія мѣстности дѣйствительной или идеальной, описанія, равнаго основному содержанію пѣсни или даже переростающаго это содержаніе; 6) начала, въ которыхъ не самъ пѣвецъ видитъ поле, море и пр., а птица съ высоты полета, причемъ широкая сцена, какъ и въ началахъ предыдущаго №, представляетъ иногда тройственное дѣленіе; къ этимъ началамъ подходятъ начала со звѣздами или съ животныхъ, и 7) начала, въ которыхъ разрабатывается внутреннее содержаніе пѣсни и мысль пѣвца внутри самой пѣсни находитъ новое движеніе мысли по спирали къ центру, своего рода *einschachtelung*. Такія начала встрѣчаются въ величальныхъ пѣсняхъ. Эти положенія снабжены многими примѣрами.

Въ статьѣ „Малор. пѣсня по списку XVI в.“ Потебня неоднократно обращается къ „Слову о Полку Игоревѣ“. Въ началѣ статьи есть замѣтки о языкѣ Слова, въ концѣ—о запѣвѣ автора Слова“. Очевидно, что Потебня въ это время обстоятельно изучалъ *Слово о Полку Игоревѣ* въ связи съ народной поэзіей, преимущественно южнорусской. Результатомъ этихъ изученій было обширное изслѣдованіе о Словѣ, напечатанное въ „Филол. Запискахъ“ 1878 г. (были оттиски). По существу дѣла, этнографическій матеріалъ, приведенный въ обилии, имѣетъ здѣсь служебное значеніе, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ, имѣющихъ общее этнографическое значеніе, наприм., замѣтокъ о молоткѣ, саблѣ съ очами и о вѣщихъ перстахъ (12—14), Велесѣ, вилетѣ и пр. (22), образахъ Дива, Гора, Обиды (28—31, 36, 69, 97), сравненій князя съ солнцемъ (44), разныхъ эпитетовъ (41, 45), значеній словъ свѣчай и

обычай (48—50), символъ битвы (62), символъ гибели (79, 94), символахъ печали и слезъ (84—90), толкованіе собственныхъ именъ Ромень (городъ по рѣкѣ, ромень=литов. gamus, тихій, спокойный) и Освелъ (105), толкованія словъ буй, буево и др. (112), о символѣ разлуки (114), символахъ битвы (125), символѣ любви и брака (148), о пѣннн лебедей (151). Замѣтки о символахъ, повторяющія общія мнѣнія, высказанныя въ магистерской диссертациі 1860 г., обставлены примѣрами изъ народной словесности, что придадо символическимъ толкованіямъ прочную опору.

Въ 1878 г. въ Отчетѣ объ уваровскихъ преміяхъ было напечатано одно изъ крупныхъ сочиненій Потебни—*рецензія на сборникъ галицкихъ пѣсенъ Головацкаго* (89 стр.). Это сочиненіе извѣстно лишь немногимъ специалистамъ. Малая извѣстность его обусловлена помѣщеніемъ въ такомъ изданіи, которое имѣетъ очень ограниченныи кругъ читателей. Оттиски были, но, кажется, въ небольшомъ количествѣ и въ продажу не поступали. Затѣмъ, эта статья Потебни съ трудомъ читается; она состоитъ изъ отдѣльныхъ замѣтокъ; встрѣчаются отступленія; прокладываются новыи пути для изученія пѣсенъ, требующіе отъ читателя усиленнаго вниманія, рѣчь сжатая, сильная и мѣстами тяжелая. А между тѣмъ—это единственное сочиненіе Потебни, гдѣ на ряду съ научными деталями высказались общіе взгляды и убѣжденія автора по вопросамъ объ отношеніи народности къ цивилизаціи, о значеніи денационализаціи и др. т. п. Самъ Потебня дорожилъ этимъ трудомъ преимущественно съ этой стороны, какъ видно изъ слѣдующихъ его словъ въ автобіографіи: „Изъ того, что мнѣ приходилось говорить о народности, заимствованіи и т. п. въ печать попадали только строки, напр., въ разборѣ пѣсенъ Головацкаго“. Самыя характерныя страницы (29—34), нашедшія мѣсто въ академическомъ изданіи, въ настоящемъ случаѣ могутъ быть переданы лишь въ сокращеніи. Основная мысль автора достаточно отчетливо высказана въ слѣдующихъ строкахъ:..... „Отжествленіе народности со стариною и мнѣніе о ложности западной цивилизаціи можетъ подорвать довѣріе къ націонализму

въ тѣхъ, для кого это учение не стоитъ крѣпко и не связано неразрывно съ самымъ предметомъ ихъ занятій... Если бы постороннее вліяніе на народность было само по себѣ пагубно, то новыя народности не возникали бы вовсе..... Ошибка состоитъ здѣсь въ представленіи народности только содержаніемъ. На дѣлѣ народность реальна по отношенію къ своему прошедшему; но какъ условленная имъ совокупность способовъ воздѣйствія на новыя вліянія, она формальна до такой степени, что съ сохраненіемъ ея совмѣстимо даже полное, лишь бы постепенное, отрицаніе прежняго содержанія. Языкъ, согласно съ этимъ, есть не только одна изъ стихій народности, но и наиболѣе совершенное ея подобіе. Какъ немыслима точка зрѣнія, съ которой видны были бы всѣ стороны вещи... такъ невозможна всеобъемлющая безусловно-лучшая народность. Если бы объединеніе человѣчества по языку и вообще по народности было возможно, оно было бы гибельно для общечеловѣческой мысли, какъ замѣна многихъ чувствъ однимъ, хотя бы это одно было не осязаніемъ, а зрѣніемъ. Для существованія человѣка нужны другіе люди; для народности—другія народности“..... Въ этихъ словахъ заключается примиреніе цивилизаціи и націонализма и сознательное служеніе обѣимъ великимъ силамъ новаго времени. Въ этихъ словахъ выразился тотъ Потебня, какимъ онъ былъ въ жизни, на каедрѣ, во мнѣніи своихъ учениковъ—Потебня гуманистъ и мыслитель.

Рецензія Потебни на сборникъ пѣсенъ Головацкаго состоитъ изъ двухъ главъ. Въ первой главѣ, послѣ краткихъ историческихъ замѣчаній о Галичинѣ, Угорщинѣ и Буковинѣ и объ этнографической картѣ Головацкаго, слѣдуютъ замѣтки о названіяхъ горъ, перешедшихъ изъ Галиціи на сѣверъ и сѣверо-востокъ (бескѣди, грунь, дилованія и щелопокъ), племенныхъ галицко-русскихъ названій (гуцулы, бойки и лемки), о словахъ, свидѣтельствующихъ объ инородныхъ вліяніяхъ на галичанъ (румын. брындза, вурда, вглявгъ, струнка, греч. бескиды, колиба, пѣмец. плекати). Далѣе слѣдуетъ объясненіе обычаевъ и названій ихъ: мѣшенъе (пробное доеніе коровъ, отъ корня ма—мѣрить, откуда мѣсяць, какъ измѣритель времени),

лещадь (бирки, счетныя палочки, расколотыя съ одного конца), токма (установленіе цѣны на овецъ на сходкѣ сельскихъ старшинъ, срав. съ точно, притча, приткнути, ровно, справедливо), эти замѣтки (21, 25) любопытны по существу, въ частности, по обстоятельной аргументаціи. На 24 стр. Потебня привелъ сказку о томъ, какъ „попъ тельвся“, которую слышалъ въ Пенз. губ. Въ послѣднее время издано нѣсколько вариантовъ этой сказки, въ I т. „Смоленскаго Сборника“ Добровольскаго (бѣлорусская), въ „Сборникѣ“ Манжуры (малорусская, на стр. 94), въ Крѣпѣди въ I т. (великорусскія). Потебня объясняетъ этой сказкой ту насмѣшливую пѣсню, гдѣ говорится, что Бойко отца своего съѣлъ, что, однако, весьма сомнительно. Сказка сама по себѣ, а насмѣшка надъ Бойками сама по себѣ, и между ними не видно ничего общаго. Галицкая пѣсенка отличается вполне мѣстнымъ колоритомъ.

Вторая глава имѣетъ самостоятельное научное значеніе. Здѣсь находится оцѣнка сборника Головацкаго по полнотѣ, правописанію и распредѣленію пѣсенъ. Въ эту главу вошло обширное и цѣнное изслѣдованіе о формальныхъ основаніяхъ дѣленія пѣсенъ. Относительно величины сборника г. Потебня говоритъ: „Изъ наличныхъ сборниковъ галицко-русскихъ пѣсенъ сб. I. бѣльшій и лучшій; всѣ его отдѣлы въ настоящее время незамѣнимы, а отдѣлы колядокъ и щедровокъ по количеству поэтическихъ мотивовъ и красотѣ образовъ значительно превосходятъ соответствующій отдѣлъ сборника Чубинскаго“. Потебня принятое Головацкимъ этимологическое правописаніе признаетъ неудобнымъ, по недостаточности его научнаго опредѣленія. „Изданіе произведеній устной словесности, говоритъ Потебня, должно быть закрѣпленіемъ ихъ грамотою прежде всего въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ застаютъ наблюдатель. Смѣшеніе этого чисто-научнаго дѣла съ дѣломъ практическимъ, каково образованіе объединяющаго письменнаго языка, вноситъ неправду въ то и другое... Если нѣтъ средства записывать фонетически вѣрно, т. е. нѣтъ нужнаго для этого знанія, досуга, вниманія, то на нѣтъ и суда нѣтъ. Лучше блѣдный и даже искаженный образъ народнаго слова, чѣмъ никакого. Но извиненіе не есть оправданіе, и въ принципѣ стоитъ крѣпко,

что сборникъ образцовъ устной словесности долженъ удовлетворять и требованіямъ языкованія. Съ этимъ согласно только правописаніе, систематически избѣгающее иносказаній, умышленно ничего не маскирующее, не объединяющее, а представляющее раздѣльно то, что и существуетъ раздѣльно, не преслѣдующее другихъ цѣлей, кромѣ научныхъ“.

Въ статьѣ о формальной систематизаціи пѣсенъ Потебня исходитъ изъ того положенія, что разряды малорусскихъ и др. сродныхъ пѣсенъ характеризуются прежде всего напѣвомъ и размѣромъ. Опредѣленіе пѣсенъ по напѣву дѣло очень трудное, требующее знанія музыки. „Для того, чтобы это дѣло могло у насъ пойти впередъ, нужны прежде всего многочисленные собиратели, руководящіеся эстетическими побужденіями; развитіе же образованнаго общества въ этомъ направленіи встрѣчаетъ у насъ не только внутреннія, но и внѣшнія препятствія“. Немного иначе обстоитъ дѣло съ размѣромъ, какъ болѣе простой и легче доступной формой пѣсни. Потебня предполагаетъ, что съ опредѣленіемъ размѣра опредѣлятся широкіе потоки пѣсеннаго преданія и облегчено будетъ отыскиваніе развѣтвленій и слияній болѣе узкихъ теченій, образующихъ генеалогическую сѣть. Внѣшнія основанія распредѣленія поведутъ къ болѣе внутреннимъ основаніямъ подраздѣленій, именно, по сродству поэтическихъ образовъ. По формулѣ, гдѣ въ скобкахъ заключенъ стихъ, дѣленія котораго по слогамъ означены цифрами, и гдѣ поставлено число передъ скобками, обозначающее сколько разъ повторяется стихъ для составленія куплета, — по этой формулѣ Потебня указываетъ на слѣдующіе выдержанные размѣры: колядки—³[5+5], веснянки—³[5+5] или ³[5+3], коломыйки—³[8+6], талалайки—²[6+6]. Свадебныя пѣсни и думы отличаются неопредѣленнымъ количествомъ слоговъ. Опредѣленіе размѣра безъ привычки дѣло мѣшкотное и утомительное, тѣмъ болѣе, что практическіе результаты представляются проблематичными. Потебня производилъ эту работу легко: произнося въ слухъ стихъ, онъ выстукивалъ по столу пальцами; и размѣръ быстро опредѣлялся до числа ударовъ въ зависимости отъ числа слоговъ. Въ науцѣ, сколько мнѣ извѣстно, только

польскій этнографъ Нейманъ усвоилъ предложенный Потебней способъ опредѣленія размѣра и съ успѣхомъ приложилъ его въ сборникѣ малорусскихъ пѣсенъ въ VIII т. „Zbiór Wiadomości do antrop. krajowej“.

Нѣсколько интересныхъ страницъ посвящено началамъ пѣсенъ, указывающимъ на личность слагателя, преимущественно гуцульскихъ пѣсенъ. Эти начала (со звона, съ крика кукушки и др.), по словамъ Потебни, отвѣчаютъ выраженіямъ газетъ: „намъ сообщаютъ“, „упорно держится слухъ, что“... На этихъ же страницахъ (64—80) разбросаны замѣтки о символическомъ значеніи рѣчи—рѣчи, дождя—слуховъ, купаться—жениться, пить—любить и др., замѣтки, восполняющія примѣрами то, что уже было высказано въ диссертациі 1860 г. о нѣкоторыхъ символахъ.

Сочиненіе Потебни „Къ исторіи звуковъ русскаго языка“ (4 части) представляетъ рядъ этимологическихъ статей и замѣтокъ, написанныхъ съ 1878 г. по 1883. Въ этнографическихъ изслѣдованіяхъ рѣдко встрѣчаются ссылки на это сочиненіе, и этнографы легко могутъ упустить его изъ виду, отнести въ разрядъ сочиненій специально филологическихъ, по имени автора, извѣстнаго филолога, по общему заглавію, указывающему исключительно на фонетику и въ особенности потому, что самая крупная по объему часть изслѣдованія — первый выпускъ — имѣетъ исключительно лингвистическій характеръ. Въ этнографическомъ отношеніи значительный интересъ представляютъ 2, 3 и 4 части. Отмѣтимъ здѣсь все существенно важное по части фольклора, выдѣляя главное на первое мѣсто и относя къ концу статьи мелочи.

На первомъ мѣстѣ по величинѣ и научной цѣнности стоитъ статья: „Село, деревня и т. п.“ (IV, 1—48), статья важная для филолога, этнографа, историка быта и права. Содержаніе статьи, въ короткихъ словахъ, съ пропускомъ всѣхъ лингвистическихъ деталей и всѣхъ выписокъ изъ древнихъ юридическихъ памятниковъ, состоитъ въ слѣдующемъ: Село не позже чѣмъ въ половинѣ X вѣка имѣетъ уже значеніе населеннаго мѣста, съ жилищами и хозяйственными постройками. Между прочимъ, бытовое значеніе села, какъ усадьбы, согласно съ нынѣшнимъ малорус.

оселя—дворъ, самое жилье. Основными значеніями села П. считаетъ поле, участокъ земли. Мѣстами, напр. въ Новгородскомъ краѣ, подъ названіемъ „село земли“ могъ разумѣться участокъ земли опредѣленной мѣры. Синонимомъ села въ древнихъ юридическихъ памятникахъ служитъ земля въ узкомъ значеніи слова, участокъ объединенный владѣніемъ. Съ такимъ же значеніемъ встрѣчаются слова селище („пооралъ моего селища полосу“), участокъ, выть, обжа, волока; гоны (земля разной величины, пахатная, сѣнокосная, лѣсная). Слово деревня отъ корня дар, драти—пахать лѣсную новину первоначально означало очищенное отъ лѣса мѣсто для нивы, потомъ пахатное поле, участокъ земли съ однимъ дворомъ, причемъ говорилось: жить на деревнѣ, а не въ деревнѣ и, наконецъ, сельцо, небольшое поселеніе безъ церкви. Въ малорусскомъ языкѣ слово деревня означаетъ: 1) домъ, 2) въ собирательномъ смыслѣ—бревна и деревянные издѣлія (возы, плуги, арма, грабли, оси), за исключеніемъ посуды. Съ великорусской деревней (въ значеніяхъ рощисти, нивы, поселенія) сходны: дерюга (рощисть), доръ (сѣнокосъ, пастбище), дорище (земля съ покосомъ), подсѣва (рощисть), пасѣва (нива на пасѣкахъ, огороженный или заповѣдный лѣсъ, пчельникъ въ рощѣ и потомъ вообще), осѣвъ (ограда изъ срубленныхъ деревьевъ, рощисть подъ пашню), сѣча (=осѣвъ, укрѣпленіе—запорожская Сѣча, рощисть подъ пашню и подъ жилье), чертежъ (рощисть), околodoкъ (дворы близъ пасѣки), пожега, починокъ (новая пашня въ лѣсу, дворъ, выселокъ), застѣнокъ. При словѣ застѣнокъ находится этюдъ объ архаическихъ формахъ крестьянскаго землевладѣнія. Въ этотъ этюдъ вошли объясненія словъ и понятій волость, ополье, вругъ, круговая порука, дикая вира, сябры, волоки (пашни), стѣны (границы волокъ), и замѣтки о юридическихъ терминахъ, связанныхъ съ полѣвскимъ или волынскимъ селомъ XVI в. (чиншевые волоки, обрубъ, застѣнки—отдѣльныя нивы—рощисти=велик. дерюги, поля—большой обрубъ полей, предназначенныхъ къ раздачѣ, безъ поселенія). Нынѣ застѣнокъ, заісіанек—хуторокъ съ дворомъ.

Къ отмѣченнымъ случаямъ перехода значеній въ село, деревня, починокъ, застѣнокъ отъ незаселеннаго мѣста къ засе-

ленному Потебня добавилъ еще два слова: корчма (домъ, дворъ на корчмѣ, на корчевѣ), *dorf* (др. вн. *thorp*, теревить, корчевать и пр.).

Сдѣлавъ обзоръ словъ село, деревня и родственныхъ, Потебня замѣчаетъ, что нѣкоторыя черты общиннаго землевладѣнія представляются болѣе древними, чѣмъ обособленіе славянскаго племени, именно: свобода волости, т. е. то, что права волости на свою землю съ угодьями ограничены только правами сосѣднихъ волостей (*die freie markt*). Въ волости сочетались три способа пользованія землей: а) земля дѣлимая повѣтно, поля, обрубъ въ стѣнахъ волокъ, б) особина, починки, дерюги, застѣнки и в) немѣренная земля: угодья, уходы, ухажан и пр. Величина выти (въ поляхъ) полномочнаго земледѣльца была приблизительно одинакова въ Россіи, Англіи и Германіи.

Въ видѣ прибавленій помѣщено два небольшихъ этюда: 1) о величинѣ и протяженіи села по свидѣтельству Тацита, Прокопія, русскихъ лѣтописей, въ связи съ тѣмъ какъ расположены села въ настоящее время въ нѣкоторыхъ глухихъ мѣстахъ Россіи, гдѣ старина уцѣлѣла. Села растянуты въ линію на большомъ протяженіи и состоятъ изъ многихъ раскинутыхъ деревенекъ, и 2) о величинѣ и дѣлимости семьи въ зависимости отъ вышшняго положенія сель. При разбросанности дворовъ и трудностяхъ подсѣчнаго хозяйства только большая семья, представлявшая нѣсколько работниковъ, обеспечивала существованіе, а при извѣстномъ душевномъ строѣ удовлетворяла и душевнымъ потребностямъ. Съ увеличеніемъ населенія возникло съ одной стороны стремленіе въ селамъ, съ другой—къ дробленію семей, въ Малороссіи составляющему правило. Нѣкоторыя побужденія того и другого выразились довольно ясно въ малорусскихъ нравахъ и пѣсняхъ. „Малорусскому простолюдину, говоритъ Потебня, столь же ясна хозяйственная польза большихъ нераздѣленныхъ семей, какъ и образованнымъ людямъ, писавшимъ объ этомъ; но не менѣе ясна ему несовмѣстимость такихъ семей съ душевнымъ миромъ“. Далѣе приводено нѣсколько малорусскихъ и великорусскихъ пѣсенъ о положеніи молодой замужней женщины въ семьѣ мужа и ея желаніяхъ,

напр. въ малорусской пѣснѣ дѣвушка требуетъ: „збудуй хату зъ лободы, та въ чужую не веды! Чужа хата такая, якъ свекруха лихая. Хочъ я буду сама жить, абы людямъ не годить“, а замужня женщина проситъ своего мужа любить ее, потому что она не наймычка, а вгаздыня. „Только село въ новомъ смыслѣ слова (а при болѣе сложныхъ формахъ жизни только городъ) удовлетворяетъ и любви къ личной независимости, и потребности въ обществѣ... Недаромъ село, конечно въ новомъ смыслѣ, сопоставляется (въ пѣсняхъ) съ весело. Женщинѣ можно по крайней мѣрѣ „ійты до сусиды огню“ и отвести душу.

Второе мѣсто по величинѣ, обилію фактическихъ данныхъ и научной обработкѣ ихъ занимаетъ статья „*Слѣпорода, ślepy Magur, Случить*“ (въ III, 68—83). Потебня сначала приводитъ указаніе Гримма о названіи гессенцевъ и швабовъ слѣпыми, Вельфовъ — щенятами, затѣмъ болѣе подробныя данныя изъ статьи Либрехта „*Zur Sage vom Romulus und den Welfen*“ о преданіяхъ римскихъ, турецкихъ и др. о вскормленіи праотца волчицей. Далѣе слѣдуетъ самостоятельный подборъ славянскихъ фольклорныхъ фактовъ: 1) польскія повѣрья и пѣсни о слѣпородахъ псахъ мазурахъ; 2) великорусскія повѣрья и сказки о слѣпородахъ вятичахъ и пошехонцахъ; 3) германскія (съ XIII в.) и русскія бранныя выраженія—*zohen sun*, с..... сынъ, суча дочка и пр. т. п., свидѣтельствующія о томъ, что времени презрѣнія къ животнымъ предшествовало время, когда человѣкъ ставилъ ихъ въ уровень съ собою; 4) краткій обзоръ сказокъ о подмѣнѣ чудесныхъ дѣтей щенятами; 5) подробный разборъ сказокъ о Сучичѣ и его близкихъ родственникахъ (Иванъ Попяловъ, Поповичъ дурень, Кошкинъ, Бурхраберъ, Семилитокъ и др.). Со сказками о Сучичѣ сближены сказки о бросаніи богатыремъ сапога и свидѣтельства южнорусскихъ писателей XVII в. Эриха Ласоты и Кальнофойскаго о богатырѣ Чоботѣ; 6) сжатый, но весьма содержательный обзоръ сказочныхъ мотивовъ о другомъ героѣ животнаго происхожденія Медвѣдѣ, Медвѣжьемъ ухѣ и пр.

Въ статьѣ Потебни затронуто много важныхъ фольклорныхъ вопросовъ и для рѣшенія ихъ подобранъ богатый факти-

ческий матеріалъ; но матеріалъ этотъ можетъ быть еще значительно расширенъ. На с. 77 Потебня замѣчаетъ, что слово богатырь есть послѣ-татарскій переводъ болѣе древняго слова съ тѣмъ же значеніемъ: хоробръ. Это мнѣніе подробно развито *М. Е. Халанскимъ* въ диссертациі о великорусскихъ былинахъ кievскаго цикла (1885 г.) на стр. 15—24 (много подтвержденій изъ письменныхъ памятниковъ и былинъ). О чоботѣ см. замѣтки г. *Халанскаго* въ соч. о былинахъ с. 101—102 и г. *Калаша* во II кн. Этногр. Обзорѣнія 1890 г. с. 256—257. Обширную литературу о Медвѣдѣ, указанную въ выноскахъ Потебни, мы можемъ дополнить слѣдующими указаніями: *Coswin*, *Contes populaires de Loggaine I № 1* (франц. сказка), *Chelchowski*, *Powiesci № 34* (польск.); *Манжура*, 43; *Kolberg* *Roscucie IV*, 177 (малор.); *Добровольскій*, Смолен. Этногр. Сборн. с. 405 (воровій сынъ), 410 (вобылячій), 416 (собачій), *Hahn*, *Grieh. und alb. Märgchen № 14* (козій), 31, 41, 100 (змѣи) *Верещанинъ* 133 (вотяцкая сказка); *Садовниковъ*, сказки и преданія самарск. края § 34; *Вукъ Караджичъ* припов. № 1; *Потанинъ*, Очерки сѣв.-зап. Монголіи II 161—164 (сынъ ослицы, свиньи, быка); *Сборн. матер. о нар. Кавказа IX*, 189 (воровій сынъ).

Во II 3—12, III 123—129 *объясненіе пѣсни о соколѣ и конѣ* (споръ о быстротѣ и объясненіе, почему соколъ замѣшкался), обширный и цѣнный этюдъ по сравнительной литературѣ. Съ великор. пѣсней о соколѣ и конѣ, взятой изъ рукописи *М. Е. Халанскаго*, сопоставлены мал., серб., болгар., польск. и нѣкот. др. Потебня высказываетъ предположеніе, что мотивъ о посольствѣ орла (сокола) и коня и мотивъ о спорѣ коня съ соколомъ стоятъ въ тѣсной связи съ мотивомъ о смерти козака (героя вообще), находятся въ зависимости отъ послѣдняго мотива. Въ доказательство приведено много пѣсенъ изъ печатныхъ источниковъ и частныхъ неизданныхъ сборниковъ. Мотивы весьма распространены и, судя по этому, глубоко древни. Ранѣе Потебни пѣснями о соколѣ и конѣ интересовался *Новицкій*, напечатавшій въ 76 № *Кievскихъ Губерн. Вѣдомостей* 1871 г. три варианта малорусской

пѣсни о состязаніи коня съ орломъ. Новицкій относилъ эту пѣсню къ козацкому періоду южнорусской исторіи. Замѣтка Новицкаго осталась Потебнѣ неизвѣстной. По новизнѣ вариантовъ и дѣльнымъ примѣчаніямъ издателя эта замѣтка до настоящаго времени сохранила научное значеніе и можетъ служить полезнымъ дополненіемъ къ дѣвному этюду Потебни.

Во II 13—22 и въ III ч. 16 *объясненіе веснянки „Тума танокъ разводитъ“*. (Т. не видитъ въ числѣ танцующихъ Рожиспѣжи. Мать чесала Рожу и совѣтовала ей не довѣряться тумѣ). Веснянка записана Потебней на родинѣ, въ с. Перекоповѣ роменск. уѣзда. Указаны сходные варианты малорус., великор., сербскіе и болгарскіе (III 16—18). Приведены разныя значенія сл. тума: человекъ, происшедшій отъ помѣси татарской и русской крови, ненадежный, полуумный, придурковатый. Объясненіе значенія сл. Рожа-спѣжа (Роза госпожа). Любопытный подборъ малор., великор. бѣлор. и сербскихъ народныхъ пѣсень на мотивъ: *чесаніе и заплетанье косы и завиванье кудрей, какъ обычный образъ материнской любви*. Къ мѣсту приведены повѣрья, что домовой, любя лошадь, завиваетъ ей косы, и гаданія на завитье волосъ. Потебня веснянку „Тумѣ танокъ разводитъ“ и пр. сначала рассматриваетъ съ исключительно малорусской точки зрѣнія, какъ величанье дѣвицы, а потомъ привлекаетъ къ сравненію бѣлор. и серб. пѣсни и склоняется къ мысли, что въ разбираемой пѣснѣ можетъ заключаться предсказаніе замужества дѣвицы.

Въ статьѣ о веснянкѣ „Тума и пр.“ находится маленькая, но любопытная деталь: объясненіе начальнаго образа пѣсни „Ой ты, селезню, косы части! Кто жъ тоби косыци завивавъ?—Завивала мини утинка“... природнымъ явленіемъ, отмѣченнымъ С. Аксаковымъ въ „Зап. руж. охотника“, что дикая утка, чтобы усыпить селезню, тихо и долго щекочетъ его спину: народъ думаетъ по примѣненію къ себѣ, что селезень любитъ исцаться въ головѣ.

Во II 1—2 *замѣтка о пѣснѣ „якъ не женився, то и не журывся“*, записанной Потебней въ волчанск. у. харьк. губ. (мужъ покупаетъ корабль и пускаетъ на немъ жену въ море,

вскорѣ просить вернуться, накормить сына; жена отказывается за побой). Потebня указываетъ на сходную великорус. пѣсню. Замѣтка краткая. Потebня, вопреки своему обычаю, не останавливается на деталяхъ пѣсни, въ числѣ которыхъ есть два характерныхъ выраженія: „ни до звичаю до йобычаю“, „мила сидыть-якъ свѣча горыть“. Любопытно слѣдующее общее замѣчаніе Потebни въ началѣ замѣтки: „Смежность населеній великорусскаго и малорусскаго, напр., въ харьк. и курск. губ., какъ извѣстно, не осталась безъ вліянія на пѣсенность того и другаго. Не говоря объ исконномъ сродствѣ и о явныхъ заимствованіяхъ, есть пѣсни, которыя до дальнѣйшаго изслѣдованія могутъ быть отнесены къ третьему разряду, не представляющему несомнѣнныхъ признаковъ ни исконнаго сходства, ни заимствования. Изъ этого разряда иное можетъ быть современемъ отнесено къ первому, иное—къ второму, но кое-что и окончательно сочтется образованіемъ промежуточнымъ, заимствованіемъ не буквы, а духа, возникшимъ именно въ сумезьѣ“.

Въ IV 79 находится интересная замѣтка о малорусскихъ пѣсенныхъ *выраженіяхъ чистоты* (хаты, постели), именно: „Ой не -литай, мудрагелю, по пидь чорну стелю, не пороши миленькому чистую постелю“. „Милый образъ, поясняетъ Потebня, постель такой бѣлизны, что на ней будетъ замѣтна даже пылинка сажки, отбитая отъ потолка курной хаты врыломъ ночнаго мотылька“; вариантъ: „прилетивъ шершень зъ стели, та впавъ на постели“. Къ хатѣ некурной относится изображеніе чистоты вѣнча и стели (якъ паперъ била).

Въ III 21—24 о *различеніи зари и свѣта*, вообще разныхъ степеней утренняго свѣта—рядъ примѣровъ изъ пѣсенъ малор., ведикор., серб., словац., болг., литовскихъ. Сюда вошло объясненіе малор. загадки: „одно каже свитай Боже“ и пр. Отмѣчено нѣсколько любопытныхъ деталей въ народныхъ опредѣленіяхъ свѣта, напр.: „въ малор. различается не только заря-аугога отъ свить, бильй день; но и въ самой зарѣ ея начало: „ще тилько зоріе“. Эти объясненія приурочены къ выраженію Слова о п. Игоревѣ „заря свѣтъ запада“, которое П. читаетъ: заря свѣтъ заповѣдала. Комментарій выходитъ за предѣлы ча-

стнаго случая, приподнимаетъ крайчигъ завѣсы съ народнаго міросозерцанія, освѣщая цѣлый рядъ прекрасныхъ пѣсенныхъ мѣстъ.

Въ IV 83 находится *объясненіе поговорки* „онъ собаку съелъ“ существованіемъ сказки о косарѣ, съѣвшемъ собаку на восовицѣ. Сказка записана Потебней въ Кочеткѣ змиевскаго у. (Харь. губ.). Объясненіе сомнительное. Ранѣе не было отмѣчено сказки такого рода, и м. б. сказка сложилась подъ вліяніемъ поговорки, а не наоборотъ.

Въ IV 84—85 объясненія *поговорки* „пропасть ни за чашу души“ (т. е. даромъ). Четыре возможныхъ толкованія, и всѣ сомнительны.

Въ IV 86 объясненіе выраженія „за чистую бляху“ (пропасть)— за настоящую цѣну. Воспоминаніе о томъ времени, когда бѣличій мѣхъ замѣнялъ еще металлическую монету.

Въ III 19—20 *замѣтка о повѣрьѣ, что каня проситъ дожда*, прагніе як каня дзѣду. Исходя изъ славян. названій для коршуна пилухъ, П. находитъ возможнымъ объяснить повѣрье жалобнымъ крикомъ коршуна піи или пію. Такъ какъ этотъ крикъ чаще слышится въ сухую погоду, когда коршуну больше добычи (онъ кричитъ паря), то изъ этого одного могло родиться распространенное повѣрье, что каня проситъ дожда, такъ какъ пьетъ только ту воду, что ей канетъ въ ротъ, а съ земли не беретъ. Но далѣе П. говоритъ, что повѣрье это не должно быть объясняемо изъ однихъ славянскихъ данныхъ, ибо подобное повѣрье многократно упоминается въ памятникахъ санеритскихъ относительно чатака (*cuculus melanoleucus*) и павлина (слѣдуютъ примѣры). Жажда, приписываемая этимъ птицамъ, легко могла быть понята, какъ тоска, горе. Крикъ орла въ томъ же родѣ, но только рѣзче (затѣмъ у П. слѣдуетъ прекрасная малор. пѣсня „Ой летивъ орелъ та по надъ моремъ“). Этотъ этюдъ любопытенъ, какъ одинъ изъ многихъ характерныхъ образцовъ методологическаго приѣма Потебни отъ частнаго лингвистическаго факта восходить къ цѣлому ряду народныхъ психологическихъ и литературныхъ явленій.

Во II ч. на стр. 5 находится интересна замѣтка о *названіи извѣстнаго созвѣздія Возомъ и Большой Медведицей*.

Потебня полагалъ, что названіе созвѣздія произошло отъ скр. арка—лучъ солнца, огня, хвалебная пѣснь, арчати—испускать лучи, восхвалять пѣснею. Въ силу ли забвенія этимологическаго значенія свѣта въ названіи созвѣздія (мнѣніе М. Мюллера) или, что П. считаетъ болѣе вѣроятнымъ, въ силу апіорнаго заключенія отъ однозвучности словъ къ сходству обозначаемыхъ имъ предметовъ (ркша-медвѣдь), созвѣздіе, первоначально представлявшееся возомъ у грековъ, римлянъ, германцевъ, славянъ, литовцевъ и, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, индійцевъ, стало представляться медвѣдемъ или медвѣдицей, къ коимъ греки прибавляли еще жожака (Арктуръ). Если вѣрно мнѣніе Потебни, что Большая Медвѣдица первоначально называлась Возомъ, то замѣна названія во всякомъ случаѣ относится къ очень древнему времени, такъ какъ названіе созвѣздія *ἄρκτος* (медвѣдь) встрѣчается уже у Гомера, наряду съ болѣе народнымъ и быть можетъ болѣе древнимъ названіемъ *ἀμαξ*—возъ (*Pictet, Les orig. indoeurop. II 581*), малор. Визъ, нѣм. Wagen. Въ параллель къ объясненію названія созвѣздія Б. М., предложенному Потебней, приведу старинное объясненіе, вычитанное мною у *Bailly Histoire de l'astronomie 1781* изд. 2, т. I стр. 426, 441: Созвѣздія Большой Медвѣдицы и Малой Медвѣдицы имѣли большое значеніе для грековъ и въ особенности для финикіянъ во время мореплаваній. У грековъ М. М. называлась финикійскими звѣздами, какъ постоянный компасъ финикійскихъ мореплавателей. Финикіяне Б. М. называли доведе или доиве, что значитъ говорящее; такъ какъ слово доиве въ финикійскомъ языкѣ означало и медвѣдицу, то произошло смѣшеніе названій и предметовъ, и греки приняли названіе Б. М. У арабовъ и въ настоящее время созвѣздіе это называется *dubbel*—медвѣдица. Это объясненіе названія созвѣздія Б. М. представляется болѣе вѣроятнымъ. Если принять его, то часть объясненія Потебни—санскритское корнесловіе—устраняется, а часть—о первоначальности названія созвѣздія Возомъ остается. Въ обоихъ случаяхъ украинское и др. тожественныя названія созвѣздія Возомъ сохраняютъ большую древность.

Во II на стр. 15—17 находится гипотеза Потебни о значеніи и происхожденіи слова *Русь*. П. говоритъ, что корень этого слова принадлежит корнямъ или совѣмъ забытымъ, или крайне затемненнымъ. Принимая, что ру—ар передъ согласною, Потебни слова Русь, Русинъ сближаетъ, за исключеніемъ суффиксовъ, съ санскр. ршабна—быть (=арсабна), зенд. аршан, аршана—самецъ, мужъ, греч. ἄρσεν—мужескій, мужественный. При такомъ толкованіи русинъ значить мужъ, а русь—собирательное мужи, и оба слова представляются вполне туземными. Далѣе Потебни высказываетъ мнѣніе, что лѣтописное сообщеніе подъ 6370 г. о призваніи Руси заключаетъ въ себѣ глоссу составителя лѣтописнаго свода. Возможно, что Варяги, пришедши въ Русь, стали называться Русью, т. е., такими же мужами, воями, какъ и туземные... Во всякомъ случаѣ вѣроятно, говоритъ П., что лѣтописное свидѣтельство о призваніи, какъ это принимаетъ Д. И. Иловайскій, нѣкогда звучало иначе, напр., такъ, какъ читается въ лѣтописцѣ патріарха Никифора: „при сего (Михаила) царствѣ придоша Русь: Чудь, Словенѣ, Кривичи къ Варягомъ“, которые стало быть не были Русью. По моему гаданію, продолжаетъ Потебни, и на югѣ не было племени съ именемъ Руси до того времени, когда многія племена объединились подъ этимъ именемъ и появился народъ русскій. Русь въ смыслѣ мужей, т. е. воевъ и гостей, выходила изъ разныхъ племенъ, но преимущественно изъ крайнихъ, болѣе сталкивавшихся съ иноземцами. Переходъ слова Русь отъ значенія состоянія къ значенію народа, отъ представителей къ представляемымъ, есть предположеніе, напоминающее былое. Такъ изъ козаковъ, бывшихъ первоначально людьми малыми въ смыслѣ количества, но не въ смыслѣ бродила, вышелъ въ XVII в. „людь козаکورусскій“...

Въ другомъ смыслѣ толкуется лѣтописное мѣсто о призваніи Руси въ статейкѣ г. Соболевскаго „Нѣсколько мѣстъ въ начальной лѣтописи“, помѣщенной въ V кн. „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ лѣтописца Нестора“. Г. С. читаетъ такъ: „Рѣша Руси (т. е. Варягамъ) чудь, словѣне и кривичи вся: земля наша велика“. Очевидно, что это филологиче-

свое толкованіе ведетъ къ совсѣмъ другимъ историческимъ комментаріямъ.

Въ IV 71—80 о названіяхъ болѣзней: *дна, усовъ, юстець*. Дѣна упоминается въ лѣтописи подъ 1152 г. Потебня указываетъ на сходныя славянскія названія: польск. *дна*—*ломота*, чеш., слов., хорв. и хорут. *дна*—*колика*, серб. *бедено*. Не стоитъ ли въ родствѣ съ этими словами малор. *дань*? *Усовъ* сближена съ *сути*, *сулица* и др.—означаетъ колотье. При объясненіи гостця принято во вниманіе демоническое значеніе этой болѣзни, въ связи съ повѣртіями въ домового, *der Mahr, der Alp*. Въ 1891 г. вышло сочиненіе *Зибрта „Skfitek v lidovem rodani staročeskem“*. Здѣсь на стр. 22—31 собрано много новыхъ матеріаловъ о демонѣ колтуна въ повѣртіяхъ чеховъ и поляковъ. Приведены народныя лѣчебныя средства отъ колтуна, старинныя и современныя. Демоническія повѣртія о колтунѣ у народовъ Западной Европы, чеховъ и поляковъ изложены со многими выписками изъ старыхъ памятниковъ. Статья Потебни г. Зибрту была неизвѣстна. Статьи Потебни и Зибрта дополняютъ одна другую; въ обѣихъ статьяхъ матеріалъ богатый, новый и оригинальный. При этихъ статьяхъ моя краткая замѣтка о гостцѣ въ „Культурныхъ переживаніяхъ“ не имѣетъ значенія.

Во II ч. на стр. 18, 21 и въ III 122 находятся объясненія нѣкоторыхъ темныхъ словъ въ думѣ о *блгствѣ трехъ братьевъ изъ Азова*; именно: *мелюсъ*—искаженіе собственнаго имени *Миусъ*; поле *лиліе*—блестить, виднѣется; *опрани* кульбаки—органе *kulbaki*—дорогія сѣдла, съ золотой или серебряной отдѣлкой; *китици* замѣна менѣе понятнаго *кити*, а *кити*—искаженное *китай*, *kitaĵ* (польск.)—бумажная ткань; сонце *обитріе*, не *обигріе*, какъ у Ант. и Драг., и не *обвиріе*, какъ читаетъ Кулишъ, а, по объясненію Потебни, *обутрѣть*. При этомъ II. приводитъ выраженіе народное „мы обвечерѣемъ тамъ—то“ въ значеніи будемъ находиться вечеромъ, обечеретися—*vespere deprehendi*, серб. *осванути*; въ старинныхъ переводахъ Св. Писанія „*обутрѣвъ же Геденъ за утра*“, „*обутрѣвъ Ааронъ на утри*“. Итакъ, сонце *обитріе*—когда появилось на востокѣ, „*када свине и огрине сунце*“.

Въ III 61—67 находится этюдъ о значеніяхъ словъ *ворпсти*, *воропъ* и др. въ слав. языкахъ рвать, прять, дыривить, бросать, нападать, веретено, вихорь (въ литов.). Съ этнографической точки зрѣнія интересными представляются двѣ детали. Первое названіе воропаемъ коровая въ малор. свадебныхъ пѣсняхъ. Этотъ эпитетъ, по мнѣнію П., указываетъ, что въ короваѣ символизируется женихъ, овладѣвающій невѣстою, превращающій ее изъ дѣвицы въ жену, что стоитъ въ связи съ представленіемъ коровая быкомъ въ малор. пѣсняхъ, согласно съ римскимъ „ubi tu Cajus, ibi ego Cajs“ (гдѣ ты быкъ, тамъ я корова). Возможно и другое объясненіе названія коровая быкомъ, если вѣрно мое предположеніе, высказанное въ соч. „Хлѣбъ въ обр. и пѣсняхъ“ (1885), что короваѣ—замѣна животнаго жертвоприношенія, коровы или быка. Вторая деталь: сближеніе церк.-слав. *врпсти* — рвать, пожинать, драть съ литов. *вагра* колось, по предположенію, что сжинанію или кошенію хлѣба предшествовало срѣзываніе однихъ только колосевъ, съ ссылкой на обычай грузинскій срывать одни колосья и оставлять солому на корнѣ для скота и удобренія и на свидѣтельство Самовидца, что при Хмельницкомъ въ 1637 г. „рвали збожѣ“; но послѣднее обстоятельство зависѣло отъ неурожая и повторяется въ такомъ случаѣ и въ новое время. П. приводитъ при этомъ извѣстное сказаніе о стокосѣ, но сказаніе это выходитъ за предѣлы славянскаго міра. Вообще, всѣ этнографическія замѣтки Потебни по этимъ двумъ деталямъ вызываютъ сомнѣнія, и собранный П. фактическій матеріалъ можетъ быть объясняемъ съ другихъ научныхъ точекъ зрѣнія.

Во II ч. на с. 27—31 о *нѣмецкихъ словахъ въ малорусскомъ языкѣ*. Потебня раздѣляетъ вопросъ о нѣмецкихъ словахъ въ малорусскомъ на два: А) о заимствованіяхъ черезъ польскій, какими считаетъ слова бавовна (*bawoŃna*, *baumwolle*), бѣкусъ (*beguss*), бляха, броварь, ваги, вирша, галунъ, гаптуваты, гетьманъ, голдуваты, груба, гунство (*hundsfoŃt*), ганокъ (*gang*), вгнить, дробина, дякуваты, дзигликъ, жартуваты, карбуваты, вахля, коштуваты, крамъ, бухоль, кушниръ, кучервасть, ляда, лехъ, лихтаръ, любистокъ, малюваты, мандруваты, мирку-

ваты, можджиръ — муциръ (mörser), мордуваты, муроваты, му-
ситы, набиръ (na-barg, borgen), обценьки (hufzange), орчикъ
(ortscheit), паля (pfahl), пановка (pfanne), паньчоха (bunds Schuh)
парахвія, плиндроваты, пляшка, прасъ (утюгъ), ратуваты, ря-
хуваты — рахуба, римарь, ринва, риштування, саквы, смакъ,
смалець, спижь (glockenspeise, бронза), списъ, стельмахъ, сту-
санъ, ухналь (hufnagel), шинокъ, шкода, шляхъ, шмаруваты,
шоруваты, шпаруваты, шпикгуваты, цямрина, и В) о заимство-
ваніяхъ помимо польскаго языка непосредственно отъ нѣмцевъ,
селившихся на Руси изстари (приведены лѣтописныя указанія
подъ 1259, 1268, 1287, 1288 гг.), къ такимъ словамъ П. съ
нѣкоторыми оговорками и сомнѣніями относятъ барма-пѣна на
меду, вареньѣ (bärme), бендюги-ропуски (bindwagen), рептухъ
(reiftuch), рундукъ (ründung), швидко (geschwindigkeit), лингварь ов-
чина (linde waage), чмырь — табачный сокъ (schmiere), ширит-
васъ—кадка (schrotfass), бешкетъ—павость, стыдъ.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ нельзя опредѣлить,
какимъ путемъ зашло то или другое нѣмецкое слово въ мало-
русскій языкъ. Кромѣ Потебни, на такихъ лингвистическихъ
вопросахъ останавливался, какъ извѣстно, Миклошичъ, преиму-
щественно въ словарѣ Die Fremdwörter in d. slav. Spr. Для
исторіи культуры и этнографіи представляетъ большое значеніе
подборъ инородныхъ словъ, чѣмъ занимались М. и П., и въ осо-
бенности, распределеніе ихъ по историко-культурнымъ рубри-
камъ, по разнымъ отдѣламъ народной жизни (жилище, одежда,
ремесла и пр.), чѣмъ никто, кажется, не занимался. А между
тѣмъ научная работа такого рода, одинъ подборъ словъ от-
крылъ бы любопытныя стороны иноземныхъ вліяній. Не слу-
чайно же, напримѣръ, съ малорусской хатой связаны такіа на-
званія, какъ дахъ, грубка, шибка, кганокъ. Названія эти ука-
зываютъ на извѣстныя культурныя вліянія; если бы опредѣлить
по древнимъ памятникамъ первые случаи появленія этихъ на-
званій, то можно намѣтить хронологическія опредѣленія относи-
тельно возникновенія тѣхъ или другихъ инородныхъ вліяній.
Что касается до порядка группировки словъ, то полезныя
указанія можно найти въ статьѣ г. Тихова о болгарскомъ

домъ въ IX т. „Извѣст. Казанскаго Общества истор. и арх.“ 1891 года.

Кромѣ отмѣченныхъ нѣмецкихъ словъ въ малор. яз. Потебни приводитъ съ комментаріями еще слѣдующія: личманъ—человѣкъ низшаго состоянія (leisten), квачь (quast), верщлягъ (verschlag—молотъ у мѣдниковъ), химорода (неудачное объясненіе сл. geheime rath, geheime kunst; если не ошибаюсь, это слово цыганское и означаетъ кузнечное ремесло); не до шмыги не-до дѣла, собственно не по угольнику (schmige).

Кромѣ того, въ соч. „Къ исторіи звуковъ“ разбросаны еще краткія замѣтки о слѣдующихъ малорусскихъ словахъ и выраженіяхъ: „лысый дидько“—лысый чортъ въ значеніи лукавый, хитрый (II 3); „лушь вхопыла“ (7, и въ соч. „О мифъ знач. нѣкот. обряд.“ 98, въ значеніи мифологическомъ лушь вхопыла—смерть взяла—умеръ); рѣка *Рось* (санск. арш, рш—течь, оплодотворять 15); фамилія южнорусскаго писателя XVII в. *Кальнофойскаго* изъ сл. Кально—хвостскій (II 21), *левенець*—малодецъ и др. значенія въ связи съ родственными словами въ др. языкахъ (II при объяс. пѣсни о соколѣ и конѣ, 8); *на чудъ* къ думѣ про Алексѣя Поповича—на чердакъ (II 23); *Холобзда*—имя сказочнаго лица, въ родѣ Вернигоры, Обьедѣла, „що снйгомъ на двирь ходыть“, отъ холода, какъ остатокъ глубокой старины (III 8); *гарный*—хорошій, по предположенію П., заимствовано отъ южныхъ славянъ, а послѣдними отъ грековъ *χαρειс*, *χαρειν*; *шля!*—кликъ гусей—болг. ела, греч. ёла—ступай сюда; *нищъ*—нисколько=болг. и тур. хиг—вовсе нѣтъ; *бешиха*—роза отъ румынск. beşike; *бшме* (у Котляревскаго и въ народ. пѣсняхъ)=серб. бог-ме; *кйрадина*—огородъ на полѣ=серб. градина—садъ; *паланка*—серб. паланка—городъ; *душманъ*—ворогъ отъ сербовъ, болгаръ, волоховъ или прямо изъ турецкаго, въ который вошло изъ персидскаго (III 14—15); *продажа*, *промыто*, и др. *юридическія слова* (III 43—54; замѣтка важная для исторіи рус. права); *зась* (въ значеніи: нѣтъ дѣла отъ за съ—за себя, назадъ и прочь, III 55); *цуръ тобі*—некъ тобі (опако, назадъ, III 57), *потороча*, *мавки*, *потерча* (бѣгущее вслѣдъ за..., потерчата—дѣти, умершія безъ креще-

нія, серб. трчати—бѣжати, III 58—60); *веремія крутыты* (сомнительное сближеніе съ верепаемъ, III 67); Прудусь (искаженіе прудумусь, усачь съ растопыренными усами III 120); *маточникъ* (у Мицкевича), островъ *булянь, преі* (IV, 51—55); *Щавидубъ* (сказочный богатырь, отъ зчавити—сдавить, IV, 64); названія рѣвъ *Сула, Осколъ, Мжа* (значеніе течь, IV, 67).

Главный трудъ А. А. Потебни по этнографіи—это „Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ“ въ двухъ большихъ томахъ. Если бы Потебня ничего другаго, кромѣ этихъ двухъ томовъ, не издалъ, то и этого труда, при самой строгой и придирчивой критикѣ, вполне достаточно, чтобы поставить Потебню первымъ научнымъ дѣятелемъ въ малорусской этнографіи въ томъ смыслѣ, какъ по отношенію къ собранію матеріаловъ первыми по величинѣ дѣятелями представляются Чубинскій и Головацкій. Съ этими тремя именами связывается представленіе о рѣдкомъ трудолюбіи въ накопленіи матеріала и глубокомъ образцовомъ изученіи его. Достоинство „Объясненій“ увеличивается по мѣрѣ углубленія въ нихъ, и нашъ обзоръ содержанія и сильная оцѣнка этого труда рассчитаны на то, чтобы обратить на него вниманіе читателя и облегчить пользование имъ.

Въ 1881 г. я защищалъ въ харьковскомъ университетѣ магистерскую диссертацию о свадебныхъ обрядахъ. Моими официальными оппонентами были А. А. Потебня и А. И. Кирпичниковъ. Изъ возраженій Потебни составилось въ печати нѣсколько статей, вошедшихъ въ первый томъ его „Объясненій малор. пѣсенъ“ (Возраженія г. Кирпичникова вошли въ его критическую статью въ Журн. Мин. Нар. Просв.). „Объясненія малор. и сродныхъ пѣсенъ“—капитальный этнографическій трудъ, безусловно лучший въ малорусской этнографіи. Веснянки и въ особенности колядки здѣсь подвергнуты глубокому и разностороннему изученію. Кромѣ того, въ обоихъ томахъ „Объясненій“ разбросано множество цѣнныхъ этимологическихъ замѣтокъ и этнографическихъ этюдовъ. Это подвигъ научный, нравственный, патріотическій, подвигъ глубоко назидательный, какъ высшій образецъ безпристрастнаго, объективно-научнаго служенія родинѣ.

Сочиненіе Потебни о малорусскихъ и сродныхъ съ ними пѣсняхъ заслуживаетъ полной и мотивированной оцѣнки по частямъ. Общая высокая оцѣнка этого капитальнаго труда дана В. И. Ламанскимъ, по предложенію Географ. Общества, которое въ силу этой оцѣнки, дало Потебнѣ высшую награду—Константиновскую медаль. Я имѣлъ случай коснуться первыхъ главъ 2 тома „Объясненій“ въ статьѣ „Научное изученіе колядокъ“ (1886 г.), но трудъ Потебни тогда не былъ еще законченъ. Галицкая газета „Зоря“, по поводу моей статьи о колядкахъ, обѣщала обстоятельный разборъ „Объясненій“ Потебни; но обѣщаніе это, кажется, осталось невыполненнымъ. Какъ трудно справиться съ обширнымъ изслѣдованіемъ Потебни, видно изъ рецензій г. Неймана на 1 т. „Объясненій“, напечатанной въ IV кн. „Кіев. Старини“ 1884 г. Рецензентъ отчетливо передаетъ содержаніе первыхъ 15 стр. труда Потебни, слѣдующія затѣмъ 19 стр. переданы уже неясно, сбивчиво, а отъ изложенія и оцѣнки остальныхъ 230 стран. рецензентъ отказывается и ограничивается нѣсколькими замѣчаніями о принятой Потебней группировкѣ пѣсенъ по размѣру. Г. Нейманъ—серіозный этнографъ, авторъ нѣсколькихъ хорошихъ трудовъ по малорусской этнографіи, и отъ него можно было ожидать если не всесторонней оцѣнки 1 т. „Объясненій“, то, по крайней мѣрѣ, яснаго обзора его содержанія. „Дѣло въ томъ, говоритъ г. Нейманъ, что этотъ трудъ (Потебни), подобно другимъ (?) его трудамъ неудобочитаемъ, да, просто неудобочитаемъ въ прямомъ смыслѣ этого слова.... Потебня до того скупъ на слова, что выражается иногда чуть не знаками, формулами. Я не говорю уже о томъ, что онъ не признаетъ твердыхъ знаковъ въ концѣ словъ (въ этомъ случаѣ П. подчинялся правописанію Рус. Фил. Вѣст.) и дѣлаетъ массу необычныхъ сокращеній, что тоже затрудняетъ чтеніе; но онъ излагаетъ свои мысли такъ сжато, что весь его трудъ похожъ скорѣе на рядъ замѣтокъ автора, которыя онъ дѣлалъ про себя, съ массою ссылокъ и цитатъ, изъ которыхъ читателю приходится съ трудомъ отгадывать значеніе всего прочитаннаго и самому связывать одну мысль съ другою. Хотя эстетическій стиль и не важенъ въ серіозномъ

научномъ изслѣдованіи, но манера изложенія Потебни, по мнѣнію г. Неймана, много мѣшаетъ ознакомленію съ его научными наблюденіями и выводами, дѣлаетъ его труды недоступными для большинства читателей и понятными только для тѣхъ, кто упорно съ напряженными усиліями будетъ добиваться въ нихъ намѣченныхъ авторомъ заключеній. При этомъ г. Н. замѣчаетъ, что „всѣ работы Потебни отличаются большой содержательностью, мѣткостью сопоставленій, оригинальностью выводовъ“. „Я не знаю другого автора, говоритъ г. Н., который въ такой степени соединялъ бы въ себѣ и замѣчательную эрудицію, и удивительную память, сохраняющую неуловимыя почти мелочи, и способность такъ умѣло владѣть богатымъ и разнообразнымъ матеріаломъ“. Въ этихъ замѣчаніяхъ г. Неймана есть много справедливаго. Не только разборъ и оцѣнка „Объясненій“, но и самое чтеніе этого труда П. требуетъ отъ читателя большой научной подготовки и умственныхъ усилій. Приходится вчитываться въ детали, чтобы опредѣлить нить мысли автора, тѣмъ болѣе, что самъ авторъ ничего не выдвигаетъ и не подчеркиваетъ. Таковъ способъ изложенія можно было бы поставить Потебнѣ въ упрекъ при другомъ матеріалѣ, болѣе цѣльномъ. Въ области же мелкихъ поэтическихъ мотивовъ осторожность Потебни представляется вполне умѣстной. Эта осторожность вытекаетъ изъ образцовой научной добросовѣстности автора, тщательно устранившаго всякую личную односторонность и тенденціозность не только въ научномъ объясненіи фактовъ, но даже въ распредѣленіи ихъ. Потебня не допускалъ насилія надъ научнымъ фактомъ, хотя бы насиліе это производилось съ благими намѣреніями. Результаты могли не отвѣчать этимъ намѣреніямъ; могла получиться безобразная, фальшивая постройка. Потебня, встати замѣтить, не любилъ драпироваться въ тогу ученаго и говорить *ogbi et urbi* отъ имени какой-то цѣльной и непогрѣшимой науки. Онъ терпѣть не могъ и строго осуждалъ тѣхъ людей, которые вѣщаютъ отъ имени „науки“, точно ея уполномоченные; „наука, молъ, такъ говоритъ“, „по выводамъ современной науки“ и пр. За этими вѣщаніями Потебня усматривалъ личное самохвальство, непониманіе значенія науки,

наглое стремленіе къ самозванству и къ ограниченію свободы мысли и критическаго пониманія.

Въ „Объясненіяхъ“, заключается масса гѣсеннаго матеріала всѣхъ славянскихъ и нѣкоторыхъ неславянскихъ народовъ, преимущественно нѣмцевъ и литовцевъ. Съ фольклоромъ романскихъ народовъ П. не былъ знакомъ и не пользовался имъ, что обусловлено было главнымъ образомъ большими пробѣлами университетской библіотеки по филологіи и фольклору романскихъ народовъ, пробѣлами, лишь въ послѣднее время отчасти устраненными соединенными усиліями нѣсколькихъ преподавателей историко-филологическаго факультета. А. А. Потебни заботился объ облегченіи читателя въ пользованіи его трудами и потому снабдилъ свои изслѣдованія 80-хъ годовъ, въ частности „Объясненія“, подробными оглавленіями и еще болѣе подробными предметными указателями. Въ самомъ объемистомъ трудѣ „Колядкахъ“ (II т. „Объясненій“) указатель выдается по полнотѣ и детальности, причемъ поэтическіе мотивы и образы отмѣчены однимъ прифтономъ, а объясненія отдѣльныхъ словъ— другимъ. При такомъ указателѣ матеріалъ спеціально лингвистическій отдѣленъ отъ матеріала собственно этнографическаго, слитыхъ въ самомъ изслѣдованіи по ихъ внутреннимъ родственнымъ отношеніямъ. Составленіе этихъ указателей снимаетъ вполне съ Потебни обвиненіе въ невниманія къ читателю. Трудность изученія „Объясненій“ зависитъ отъ существа предмета, тонкости и глубины анализа, обилія фактовъ и глубины соображеній автора. Всѣ же частныя справки очень имъ облегчены.

Первая статья написана въ *разъясненіе пѣсенныхъ выраженій мысли „что къ чему идетъ“*, начиная съ гѣсеннаго символическаго выраженія „сосновое видеречко, дубовое донечко, ходимъ, повинчаймось мое сердечко“. По мнѣнію Потебни, это выраженіе создано лицомъ, которое видѣло передъ собою или вспоминало только что видѣнное озеро съ плавающимъ на немъ ведромъ. Символизмъ состоитъ въ мысли: мы пристали другъ къ другу, какъ дубовое дно къ сосновому ведру. Такимъ образомъ, „сосновое видеречко, дубовое донечко“ есть символическій образъ любви дѣвицы къ парню ровнѣ. Затѣмъ Потебня удачно

выясняетъ разные символы взаимности любви: обвиваніе дерева нитью, шелковинкой, хмѣлемъ, сопила и денце, скрипка и струны. Невѣста уподобляется бочкѣ или чашѣ меду, причеиъ бондарь-любовникъ, „зробыть на коновку денце“ — полюбить дѣвицу. Вслѣдствіе обычности этого образа онъ сталъ запѣвомъ многихъ свадебныхъ пѣсенъ, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ ихъ содержанію, но представляющимъ лишь формальное ихъ опредѣленіе, напр., „у тій чапенци солодовъ медоѣ“. Потебня считаетъ глубоко-древнимъ сходство въ малор. и великор. свадебныхъ пѣсняхъ мотивовъ о золотой чарѣ, золотомъ кубочкѣ. Эта статья обнимаеъ 15 стр. Она очень цѣнна для уразумѣнія символизма народной поэзіи.

Вторая статья посвящена объясненію выраженій „*лелю-но-лелю*“, „*диди-ладо*“. (16—38). Потебня собралъ массу этихъ выраженій въ пѣсняхъ и старинныхъ памятникахъ, причеиъ во многихъ случаяхъ обнаруживаетъ поддѣлку. Мнѣніе В. О. Миллера, Н. О. Сумцова и др. о миѣическомъ значеніи *леля* и *лады* подвергается сильному сомнѣнію. Авторъ склоняется къ мнѣнію, что *лель* и *диди-ладо* были когда-то обыкновенными словами и затѣиъ утратили свое значеніе и стали припѣвами. Сомнѣнія сильны; но положительные выводы неясны, и авторъ, по шаткости матеріала, не рѣшается на точныя опредѣленія. Достаточно ясно и опредѣленно только то, что говорится о *полею* (17—18). Заслуживаетъ полнаго вниманія мнѣніе Потебни, что *полею* могло явиться вслѣдствіе частаго повторенія въ пѣсняхъ *лелю*, какъ усиленіе его, въ виду случаевъ повторенія глагола съ приставкой предлога *но* для выраженія повторенія дѣйствія (ходить—походить и др.). На значеніе слова *ладо* брошенъ лучъ свѣта преимущественно на стр. 32 въ сближеніи съ нимъ великор. ладони, малор. игры въ ладки и въ указаніяхъ на жалобы Стоглава, игум. Памфила (1505 г.) и Густынской лѣтописи на ночныя „плесканія“ на игрищахъ 23 іюня, „рувами о руки или о столъ плещуще, ладо-ладо приплетающе“.

Третья статья *объ иирѣ* „*Спяньє проса*“ (39—45). Отмѣтимъ здѣсь прежде всего автобіографическую замѣтку Потебни въ примѣчаніи на 42 стр., что его магистерская диссертация

„О нѣкот. символахъ“ 1860 г. написана подъ вліяніемъ соч. Костомарова „Объ истор. знач. рус. нар. поэз.“ 1843, что такимъ образомъ вполне подтверждаетъ наше предположеніе, высказанное на одной изъ предыдущихъ страницъ, о вліяніи диссертациі К. на диссертацию Потебни. Итакъ за соч. Н. И. Костомарова „Объ истор. знач. нар. поэзіи“ нужно признать еще одну заслугу: оно опредѣлило въ значительной степени общее символическое направленіе въ этнографическихъ трудахъ Потебни.

Въ статьѣ о сѣяніи проса П. мимоходомъ въ одномъ подстрочномъ замѣчаніи устанавливаетъ слѣдующее методологическое правило: при изученіи народной поэзіи нужно распредѣлять символы не только по образамъ, но и по представленіямъ въ ихъ связи, т. е. по параллельнымъ рядамъ представленій. Насколько это легко и удобно въ практическомъ отношеніи—другой вопросъ. Мнѣ лично исполненіе этого правила представляется весьма труднымъ, сопряженнымъ съ глубокимъ проникновеніемъ въ поэзію въ связи съ языкомъ, и что это мнѣніе не совсѣмъ личное, видно изъ того, что въ наукѣ до сихъ поръ не видно такихъ трудовъ, въ которыхъ было бы примѣнено методологическое правило Потебни. „Объясненія“ Потебни представляются единственнымъ сочиненіемъ, въ которомъ поэтическіе мотивы распредѣлены по образамъ и отчасти по представленіямъ; но даже и въ этомъ трудѣ опредѣленіе параллельныхъ рядовъ представленій имѣетъ случайный, эпизодическій характеръ и встрѣчается изрѣдка (съ наибольшей ясностью на стр. 43).

Изображеніе въ пѣснѣ о сѣяніи проса земледѣльческой работы съ перваго ея шага (расчистки сѣчи, лѣсной земли), родъ хлѣба—просо, бывшее въ древности главнымъ хлѣбнымъ растеніемъ, припѣвъ „ой диди-ладо“, широкое распространеніе пѣсни (у русскихъ и чеховъ)—все это въ совокупности привело А. А. Потебню къ мысли, что веснянка „сѣянье проса“ представляетъ остатокъ глубокой старины. Потебня отмѣчаетъ при этомъ попытку Сахарова усилить еще архаичность пѣсни передѣлкой нѣкоторыхъ выраженій, и затѣмъ говоритъ объ уподобленіи пѣсни другимъ хороводнымъ, въ коихъ дѣвичья сторона выдаетъ мужской дѣвицу, что внесло въ пѣсню о сѣ-

яни преса запутанность, причём ассимилирующими нѣснями, по предположенію П., были пѣсни о воротахъ. Наиболее древней чертой П. считаетъ, что сѣютъ просо дѣвицы, а топчуть парни, причёмъ сила пѣсни заключается въ символикѣ: конь—молодецъ, садить, сѣять—любить, и отсюда собирать посѣянное или „жито жаты“, „братъ лень“ значить бракъ, „замижъ даты“. Ближайшая затѣмъ статья (45—54) объ игрѣ и пѣснѣ „ворота“ не имѣетъ самостоятельнаго значенія и тѣсно связана съ предыдущей статьёй, по сходству пѣсенъ въ размѣрѣ и отчасти по мотивамъ. Выводъ тотъ, что въ весенней игрѣ отворянье воротъ связано было съ мыслью о выходѣ замужъ, при символикѣ: ворота—дѣвица, отворять—любить, затворять—забывать.

Обширная статья о малорусской весенней *шртъ въ Воротаря* или въ передѣланномъ названіи „Володаря“ (55—126) относится всецѣло къ мѣологiи. Это одна изъ самыхъ трудныхъ статей, по массѣ матеріала, массѣ ссылокъ, массѣ отступленій и экскурсовъ. Нѣкоторыя изъ мѣологическихъ обобщеній автора поражаютъ своею неожиданностью и вызываютъ большое сомнѣніе. Всю статью можно озаглавить иначе—„о солнцѣ и преимущественно зарѣ въ веснянкахъ и заговорахъ“, и это заглавіе не исчерпывая всей сущности статьи, полнѣе указываетъ на ея главное содержаніе, чѣмъ заглавіе „Воротарь“. Игра въ воротаря состоитъ въ томъ, что играющія дѣлятся на два хора, изъ коихъ второй изображаетъ городъ, а поднятыя руки одной пары—ворота, въ которыя пробѣгаетъ первый хоръ. Первый хоръ проситъ воротаря пустить въ городъ, называя себя людьми князя Романа, панскими, царскими, вообще людьми того, кому принадлежитъ и городъ. Второй хоръ требуетъ дара. Первый предлагаетъ серебро и золото (или пчелъ и медъ), затѣмъ предлагаетъ „мизинее дитя“, которое играетъ на золотой дудочкѣ и даритъ золотые перстни, и тогда слѣдуетъ пропускъ въ ворота.

А. А. Потебня указываетъ на мнѣніе Антоновича и Драгоманова, что въ игрѣ скрывается память о князѣ Романѣ Мстиславичѣ Галицкомъ и на медовую дань, и далѣе на мнѣ-

ніе Костомарова, что въ игрѣ находится символическое изображеніе наступающаго земледѣльческаго года. Потебня допускаетъ, что въ пѣснѣ могло сохраниться имя русскаго князя XII в., но считаетъ эту черту несущественной для объясненія самой игры и замѣчаетъ, что въ сходной сербской пѣснѣ говорится о войскѣ Стефана. Болѣе важными П. считаетъ черты, допускающія мифологическое объясненіе игры, намекающія на сватанье и бракъ. „Мизинное дитя“, по обстоятельному доказательству Потебни, дѣвушка, невѣста, а въ болѣе древнемъ значеніи—солнце, причемъ и всѣ атрибуты этой мифической личности—яблочко, золотое яичко, золотой перстень—суть образы солнца. Далѣе на 40 страницахъ идутъ разные экскурсы, побочныя детали, которыя мы упомянемъ отдѣльно, а въ настоящемъ случаѣ, въ интересахъ пониманія главнаго содержанія статьи, перейдемъ сразу съ 58 на 93 страницу къ слѣдующему какъ бы заключительному выводу: „Первоначальная сцена здѣсь (въ игрѣ въ Воротаря) не земля, а небо. Ворота—суть небесныя ворота, въ которыя восходитъ и заходитъ солнце и другія свѣтила. Ихъ отпираетъ и запираетъ, отмываетъ ключами и замыкаетъ заря (а можетъ быть и мужескій образъ того же явленія), выпуская при этомъ росу, отождествляемую по одному воззрѣнію съ ключами зари, по другому съ медомъ. Это послѣднее воззрѣніе восходитъ ко временамъ гимновъ Ведъ—явленіе не болѣе странное, чѣмъ то, что самое слово медъ даже по своему склоненію (тема на у) непрерывно и независимо отъ посторонняго вліянія сохраняется отъ временъ еще болѣе отдаленныхъ“.

Такова основная часть статьи, съ положеніями своеобразными, оригинальными. Затѣмъ слѣдуютъ многочисленныя детали и отступленія, большею частью имѣющія самостоятельное значеніе и мало уясняющія главное содержаніе статьи. Соображенія весьма вѣроятныя чередуются съ соображеніями сомнительными. Не входя въ подробное изложеніе этихъ деталей, мы отмѣтимъ ихъ здѣсь по возможности кратко: на с. 58—62 говорится о *символахъ солнца*—золотомъ яблочкѣ, перстнѣ, яйцѣ; на с. 62—78 объ отраженіи въ пѣсняхъ, заговорахъ и сказ-

кахъ (преимущественно литовскихъ) представленія, что *солнце мать снаряжаетъ свою дочь и выдаетъ ее замужъ*; на страницахъ 69—74 находится цѣнный этюдъ о бытовомъ основаніи пѣсеннаго выраженія „крыть лѣса алымъ бархатомъ“, какой мотивъ встрѣчается въ веснянкахъ, пѣсняхъ свадебныхъ и купальскихъ, въ былевой пѣснѣ о Ксеніи Борис. Годуновой, записанной Р. Джемсомъ въ 1619 г., наряду съ мотивомъ о потерѣ перстня въ морѣ въ пѣсняхъ великор., малор., серб., что говорить о глубокой древности этихъ мотивовъ; на с. 74—78 о *небесныхъ воротахъ и трехъ воротахъ* въ связи съ свадьбой; на 79—92 въ видѣ отступленія разборъ встрѣчающагося въ болг. и серб. пѣсняхъ мотива „*Вила строитъ юродъ, женитъ сына, выдаетъ дочь*“, который, по объясненію П., принадлежитъ къ величальнымъ пѣснямъ; на с. 93—99 объ ассоціаціи въ славянской народной поэзіи представленій *зоря, ключи, роса, медъ*; на с. 99—103 о томъ, что *зоря даетъ долю* (сомнительно); на с. 103—107 этюдъ: „*оттиранье небесныхъ воротъ и утробы матери при родахъ*“ (сближеніе маловѣроятное; факты, взятые изъ заговоровъ, очень шатки); на с. 107—11 *обращеніе къ зорѣ въ заговорахъ отъ разныхъ болѣзней* (интересный подборъ фактовъ), и на 111—126 рядъ выписокъ изъ пѣсенъ о близости представленій *росы* (медовой) и *косы* (дѣвства), о противоположеніи „дивоцькой“ и „парубоцькой“ красы и о *соколѣ*, какъ символѣ жениха.

На с. 124—125 находится замѣтка Потебни по вопросу о *литературныхъ заимствованіяхъ* въ пѣсняхъ. Нужно замѣтить, что Потебня не долюбивалъ теорію литературнаго заимствованія, и сужденія его по этому поводу не всегда убѣдительно. Такъ, Потебня говоритъ, что мифологи, начиная съ Гримма и Вольфа, всегда признавали вліяніе церковнаго преданія, что, не устраняя теоріи заимствованія, нужно опредѣлить ассимилирующую силу народа при помощи преждепознаннаго, что симпатіи къ той или другой теоріи, „становятся ли изслѣдователь на сторону вѣтра, или же на сторону лозъ, которыя онъ клонитъ“, зависятъ отчасти отъ свойства научныхъ данныхъ, частью отъ „пристрастій и отвращеній, навяз-

зывается впечатлѣніями всей жизни, принадлежностью къ известному народу, литературному и ученому направленію и пр.“. Потебня несомнѣнно склонялся на сторону лозъ, не вѣрилъ въ большую силу внѣшнихъ литературныхъ давленій, признавалъ за народнымъ преданіемъ значительную устойчивость и допускалъ довольно высокую культуру въ праславянской и даже дославянской древности, когда сложилась символика народныхъ представлений. Признаніе церковнаго преданія мифологами положеніе спорное, въ нѣкоторыхъ ученыхъ, (напр., въ Шварцу) неприложимое. Потебня находилъ, что „прямолинейность объясненія въ смыслѣ литературнаго заимствованія столь же мало вынуждена свойствомъ данныхъ, какъ и противоположная, которая состояла бы въ признаніи устойчивости лишь за однимъ туземно-языческимъ преданіемъ“ (стр. 125). Мысль несомнѣнно вѣрная; но также вѣрно и то, что чрезвычайно трудно, да и прямо невозможно пройти между этими прямолинейностями такимъ образомъ, чтобы не уклониться въ ту или другую, и А. А. Потебня, при всей осторожности въ пользованіи фактами, при величайшей научной добросовѣстности, иногда слишкомъ склонялся на сторону туземно-языческаго преданія. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, уважемъ на мифологическія толкованія колядокъ христіанскаго склада (65, 75—78); веснянки „церковь одмытана. А кто въ тій церковци? золотее дитятко.—А що жъ воно робить? Золотого ножика держить.—А що жъ воно крае? Срибнее яблочко“ (на 64 стр.); свадебной пѣсни (точнѣе колядки) о томъ, какъ подъ воскресенье открылось небо и „та выдно церкви и монастыри и святыи престолы, а конецъ престола Маты Христова“ и пр. А. А. Потебня говоритъ при этомъ, что небо, рай представляются церковью. А не будетъ ли вѣрнѣе другое предположеніе (отъ лозъ къ вѣтру), что въ основѣ этихъ и сходныхъ пѣсенъ лежитъ прямое, непосредственное знакомство съ церковью и словесное воспроизведеніе главныхъ и обычныхъ изображеній, церковнаго потолка или купола въ видѣ неба со звѣздами, престола и пр.

Статья о малорус. весеннемъ хороводѣ „мосты“ (127—152) представляетъ развитіе замѣтки о мостахъ, какъ символѣ

любви, въ диссертациі „О нѣкоторыхъ символахъ“ 1860 г. и статьи „Переправа черезъ воду, какъ представленіе брака“ 1868 г. Игра и пѣсня „мосты“ взяты у Чубин. III 83. Игра изображаетъ сватовство и бракъ. По припѣву (ладо мое) и содержанию эта игра того же разряда, что и „просо“. Потебня приводитъ много вариантовъ пѣсни и игры „мосты“, малор., польск., словен., хорут. и др. Кромѣ того, приведено много малор. свадебныхъ пѣсень, въ которыхъ невѣста въ ожиданіи жениха моститъ мосты, кладетъ кладки. Отсюда эти образы переходятъ къ значенію ожиданія молодою своей родни и къ значенію родственной связи вообще. Потебня подробно развиваетъ ту мысль, что въ основаніи этого символизма лежитъ мифическое представленіе о солнцѣ, опускающемся въ море. Мифологическое толкованіе игры „мосты“ развито главнымъ образомъ въ ближайшей затѣмъ статьѣ объ игрѣ „вербовая дощечка“ (153—171), причѣмъ получается сочетаніе „дѣвица-верба“, „дѣвица-солнце“ и „солнце-верба“. Въ статьѣ „мосты“ и „вербовая дощечка“ вошли мотивы: „невѣста сама идетъ черезъ мостъ“; „женихъ переводитъ невѣсту черезъ мосты калиновые (калиновый мостъ—дѣвство) или черезъ кладку“ (при этомъ приведены гаданія о мостѣ и свадебный обрядъ перехода черезъ воду); „женихъ строитъ мостъ для невѣсты“; „собираніе рассыпаннаго (жемчуга и пр.) съ милымъ“; „милый и рассыпаетъ“; „соколы (милый) просыпаетъ жемчугъ“; „соколы похищаютъ просыпанный жемчугъ“. По этимъ мотивамъ сгруппировано множество пѣсень великор., серб., болг., польскихъ, преимущественно малорусскихъ.

Статьи о весеннихъ играхъ „*въ юртудуба*“ и о веснянкахъ, въ которыхъ „*дѣвица тонетъ*“ (172—230), также построены на мифическомъ толкованіи и также заключаютъ въ себѣ массу пѣсень на мотивы: „дубрава горитъ и дѣвицы ее тушатъ“; „превращеніе утонувшей“ (тѣло въ рыбы, волосы въ траву и пр.); „о выростаніи дерева изъ утонувшей дѣвицы“; „превращеніе убитой или сгорѣвшей“. Исходными пунктами при объясненіи *юртудуба* служатъ символическія объясненія: огонь—

любовь, горѣть—любить, жаръ—жаль (отъ любви и вообще), сырыя дрова—горе, гасить—утѣшать.

Въ концѣ сочиненія разсмотрѣно нѣсколько петровочныхъ и купальскихъ пѣсенъ, подходящихъ по размѣру и содержанію къ веснянкамъ, причемъ наибольшій интересъ представляетъ разборъ двухъ пѣсенъ: „Ой не стый, вербо, надъ водою“ (Чуб. III 205) и „Ой ты, ремезе, ремезеньку“ (Гол. IV 38). Объясненіе пѣсни о ремезѣ сопровождается превосходнымъ историко-литературнымъ и этнографическимъ комментариемъ (251—258). Не останавливаясь на этомъ экскурсѣ Потебни, подробное изложеніе котораго заняло бы слишкомъ много мѣста (мы уже пользовались ранѣе этимъ экскурсомъ въ „культурныхъ переживаніяхъ“ § 161), я въ массѣ фактическаго матеріала и сближеній выберу двѣ детали, важныхъ по существу и характерныхъ для автора, для обрисовки его нравственной личности. Для удобства пониманія передаю эти детали вкратцѣ, съ устраненіемъ мелочей, вариантовъ:

1) *Веснянка и купальская.*

Ой нестий, вербо, надъ водою,
Не пускай гнила по Дунаю:
Ой Дунай море розбивае,
И день и ничъ прибывае
Та въ верби корень лядивае,
Изъ верху вершокъ усыхае.
Ой ставъ, вербо, ва риночку
У хрещатому барвиночку,
У запашному василечку...

Щедровка, спротно, изъ веснянки.

Ой ты, ремезе, ремезеньку,
Та не виѣ гниада на ледоньку,
Бо ся ледонько буде розбивати,
Твое гниадо петопати.
Виѣ си гниадонько на явороньку,
Явиръ ся буде розвивати
Твое гниадонько покривати.
Ой ты Васялю, Василеньку
Не ставъ свитлоньки у тесенька...
Ставъ ся свитлоньку у батеньки и пр.

Эти пѣсенные образы, различные по происхожденію, сближены между собою, и въ народной словесности, и въ литературныхъ передѣлкахъ или подражаніяхъ у двухъ писателей малорусскаго происхожденія, Сковороды († 1794) и Капниста († 1824), съ весьма различными приуроченіями, у Сковороды въ пользу положенія, что „Господь гордымъ противится, смиреннымъ даетъ благодать“, у Капниста для выраженія недовольства „низкимъ предѣломъ“ въ жизни.

Стихотвореніе Г. С. Сковороды.

Ой ты птычка желтобока,
 Не клади гнизда висока;
 Клади на зеленой травѣ,
 На молоденькой муравѣ.
 Вотъ истребь надъ головою
 Висить, хочеть ухватить;
 Вашу жаветь онъ кровью.
 Вотъ-вотъ ногти онъ остритъ

Стоять яворъ надъ горюю,
 Все киваетъ головою.
 Буйницъ вѣтры повѣвають,
 Руки явору ломають.
 А вербочки шумятъ низко,
 Волокутъ мене до сна;
 Тутъ течеть поточокъ близко,
 Видно воду ажъ до дна.

На что жъ мечъ замышляти,
 Что въ селѣ родила мати?
 Нехай у тѣхъ мозокъ рвется,
 Кто високо въ гору дмется;
 А я буду себѣ тихо
 Корататы ишии вѣтъ:
 Такъ минеть мене все лихо,
 Щастливъ буду человекъ.

Стихотвореніе В. В. Калныста.

Къ верху жаворѣнокъ вьется,
 Надъ горой летать соколъ,
 Выше облаковъ несется
 Къ солнцу дерзостивый орелъ.
 Но летаетъ надъ землею
 Съ мягкой травки на цвѣтокъ
 Нѣжной цыль золотомъ
 Отягченный мотылекъ.

Такъ и мнѣ судьбою вѣчно
 Низкій положень предѣлъ:
 Въ урнѣ розовой, конечно,
 Жребій мой отяжелѣлъ.
 Случай какъ ни погрисаетъ
 Урну, все успѣха нѣтъ,
 Какъ жезломъ въ ней не мѣшаетъ
 Жребій мой на дно падеть.

Такъ и быть! Пусть на вершинѣ
 Дубы гордые стоятъ;
 Вѣтры буйные въ долинѣ
 Низкимъ лозамъ не вредятъ.
 Если жъ рокъ и тутъ осянется,
 Что осталось?—Терпѣть!
 Болѣе счастливый боится,
 Чѣмъ несчастный умереть.

2) Вторая интересная деталь состоитъ въ объясненіи пѣсенъ „Ой кудро, кудро кудрявая“ (на с. 247) и пѣсни „Ой шли чумаки зъ Украины“ (на 267). Промежуточные матеріалы (отъ 247—266) опускаемъ. Объясненіе этихъ пѣсенъ бросаетъ свѣтъ, съ одной стороны, на высоко-моральное достоинство малор. народной поэзіи, съ другой—на философское къ ней отношеніе самого комментатора. А. А. Потебни, умѣвшаго открывать въ народной пѣснѣ глубокую мысль и доброе гуманное чувство. Громадная масса сыраго фактическаго матеріала не поглотила всего вниманія Потебни и не обратила его въ сухого схоластика. За сухимъ матеріаломъ, самая сухость котораго обусловлена тщательностью научнаго анализа, вносящаго мелкое дробленіе пѣсенъ, за этимъ сухимъ матеріаломъ мѣстами выступаетъ гуманная личность автора, живое чувство симпатіи къ народу вообще, къ человѣку въ частности.

Ой кудро, кудро кудраваа,
 Ой ты, вербице зеленаа!
 Кто-жь тоби, кудро, кудри мзавъ,
 Ктожь-жь тоби, вербѣ, корни підмивъ?
 — Ой звыли мене темни луги.
 Темни луги, крути береги;
 Звыла кудрата темна ничка,
 Обмыла корни бистра ричка,
 Обмыла корни бистра вода...
 Ой я молода, якъ ягода,
 Непйду замивъ за годъ, за два,
 Та пйду замивъ ажъ пятого...
 За пляниченку проклятого.
 Ой кажуть люде, що винъ несье,
 Ажъ що вечера зъ корчмы иде.
 Та пропывъ коиа вороного,

Иде до дому по другого,
 А я молода протывъ его
 Несу рублика золотого
 Выкуплять коиа вороного.
 „Ой якъ выкупивъ, люблю тебе.
 Якъ невыкупивъ, убью тебе!“
 Ой не разъ, не два выкупяла,—
 Мени молодой одна шана:
 Зъ хаты виконцемъ утнеала,
 Въ вышивенимъ саду ночувала
 Съ соловейкомъ розмовляла:
 Соловеечко якъ техъ, такъ техъ!
 А я молода якъ охъ, такъ охъ!
 А зозуленька куку! куку!
 За що жъ я терплю таку муку?

„Какъ веснянка, говоритъ А. А. Потебня о приведенной прекрасной пѣснѣ, это—предчувствіе; какъ непріуроченная ко времени, это—сознаніе наступившей доли. Такая молодая и прекрасная и такая несчастная! Завила будри дѣвичья воля (лугъ-берегъ=батько-мату); подмыла корни горькая доля. Не-доля настигла, какъ ни отеладывалось замужество, сколько ни тратилось замужемъ любви, смиренія, предупредительности. *И за что?* Характеристичный для малорусской пѣсни вопросъ безъ отвѣта“. Дальнѣйшее замѣчаніе Потебни по поводу этого вопроса отнесено къ другой пѣснѣ, заключающей въ себѣ та-кой же вопросъ, „Ой шли чумаки“, съ 5 строки:

Ой навару я хмѣлю зеленого,
 Накладу я вогню жаркенького,
 Та наварю пива пльненького,
 Та позову сестру багатую,
 А вбога-небога сама прйде;
 Посажу багату въ кинци стола,
 А вбогу-небогу край порога,
 Напою багату медомъ-выномъ,
 А вбогу-небогу гирнемъ пивомъ.
 Стала сестра сестру частувати,
 Стала сестра сестри вымышляти:
 „Сестро жъ моя, сестро убога?
 Коли бъ ты, сестро, така якъ я;

То бъ ты смипла де теперь я;
 Коли бъ ты, сестро, такъ робила,
 Ты бъ въ такихъ латахъ не ходила.
 Що я раненько уставаю,
 По два починки напрядаю,
 Та свои скрини наповняю,
 Та свои дѣты зодягаю“.
 — Сестро жъ моя, сестро багатая!
 Що я равій тебе уставаю.
 По три починки напрядаю,
 Та чужи скрини наповняю,
 Та чужи дѣты зодягаю!

„Здѣсь, говоритъ Потебня, какъ и въ построенной анало-гично съ этою пѣснею „Ой кудро“ обнаруживается стремле-

ніе возвыситься отъ созерцанія личной участи къ болѣе широкому весьма мрачному міросозерцанію. Личная доля ставится на мировую сцену, при обзорѣни которой можно въ ряду причинъ и слѣдствій найти отвѣтъ на вопросъ „почему“, нѣтъ отвѣта на вопросъ „для чего“ и находится отрицательный отвѣтъ на вопросъ „за что“. Родственнаго воззрѣнія надо исвать не въ христіанствѣ“. Далѣе у Потебни находится нѣсколько выписокъ изъ Книги Іова и Экклезіаста, между прочимъ, слѣдующее: „И обратился я и видѣлъ подъ солнцемъ, что не проворнымъ достается успѣшный бѣгъ, не храбрымъ побѣда и не искуснымъ благорасположеніе; но время и случай для всѣхъ ихъ. Ибо человекъ не знаетъ своего времени. Какъ рыбы попадаютъ въ пагубную сѣтъ и какъ птицы въ силки, такъ сыны человеческіе уловляются въ бѣдственное время, когда оно неожиданно находитъ на нихъ“.

Веснянки „просо“, „воротарь“, вербовая дощечка, „мосты“, дѣвица танецъ“ и др. рассмотрѣны по общности размѣра (4+3+3), (5+3) и (5+4); на основаніи этого размѣра съ веснянками сближено много другихъ пѣсень, свадебныхъ, петровочныхъ, купальскихъ, въ предположеніи, что нѣкоторые изъ послѣднихъ вышли изъ круга веснянокъ. Все существенное въ группировкахъ матеріала дано, однако, фактическими мотивами пѣсень, въ особенности символикой веснянокъ. Размѣръ представляетъ весьма шаткую почву для классификаціи пѣсень, шаткую въ особенности потому, что стяженіе и растяженіе размѣра встрѣчаются въ пѣсняхъ весьма часто. Одинъ и тотъ же размѣръ можетъ служить самымъ разнообразнымъ пѣснямъ и напѣвамъ, и одинъ и тотъ же напѣвъ, какъ замѣтилъ уже г. Нейманъ въ рецензіи на I т. „Объясненій“, можетъ требовать разнородныхъ размѣровъ, оставаясь пріуроченнымъ къ одному содержанію, въ особенности въ бытовыхъ пѣсняхъ.

Вторая часть „Объясненій малор. пѣсенъ“—громадный томъ въ 800 страницъ—посвященъ колядкамъ и щедровкамъ, а въ связи съ ними и по поводу ихъ сдѣлано много цѣнныхъ сличеній и соображеній о пѣсняхъ свадебныхъ, царинныхъ, лазарскихъ, купальскихъ, зажиночныхъ, малорусскихъ думъ, великорусскихъ бы-

ливъ, сербскихъ и болгарскихъ юнацкихъ пѣсенъ. В. И. Ламанскій въ некрологѣ Потебни (въ 1 кв. Журн. Мин. Нар. Просв. 1892 г.) говоритъ: „Вообще этотъ обширный и капитальный трудъ заключаетъ въ себѣ обильный запасъ новыхъ наблюдений и важныхъ соображеній и потому надолго останется необходимою настольною книгою для всѣхъ занимающихся изученіемъ народной поэзіи, ея формъ и содержанія, религиозныхъ и бытовыхъ древностей, этнографіею русскою, общеславянскою и литовско-латышскою“.

Научное изученіе колядокъ представляетъ большой и разнообразный интересъ. Исслѣдователи прошлыхъ судебъ народной жизни, прошлаго народнаго быта останавливаются на различныхъ наслоеніяхъ въ колядкахъ: одни на религиозно-миѳическихъ остаткахъ древняго язычества, другіе на христіанско-легендарныхъ элементахъ колядокъ. Исслѣдователя современнаго состоянія народной жизни естественно интересуеетъ вопросъ, какую роль играетъ колядка въ бытовой жизни народа и въ его нравственныхъ понятіяхъ о добромъ и прекрасномъ. На изученіи колядокъ и щедривокъ отражались всѣ главныя измѣненія въ направленіи историко-литературныхъ работъ, главныя успѣхи историческихъ и филологическихъ знаній. Съ развитіемъ научной разработки мифологіи, и къ объясненію колядокъ была приложена мифологическая теорія происхожденія повѣрій, сказаній и обрядовъ. Затѣмъ, когда въ наукѣ возобладала теорія заимствованія повѣрій, пѣсенъ и обрядовъ, въ цѣломъ или въ частяхъ, въ отдѣльныхъ подробностяхъ, теорія эта также была приложена къ объясненію колядокъ и, не объясняя ихъ вполнѣ, тѣмъ не менѣе во многомъ помогла опредѣлить ихъ внутренній составъ. Разсматривали колядки, какъ матеріалъ историческій, опредѣляющій отраженіе въ народной памяти и фантазіи нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ древне-русской жизни. Были попытки выдѣленія изъ колядокъ житейскихъ бытовыхъ явленій крестьянской жизни, напримѣръ—почитанія и прославленія хлѣба. Во II кв. Кіевской Старины 1886 г. я представилъ уже историческій очеркъ изученія малорусскихъ колядокъ (труды Антоновича и Драгоманова, Н. П., Аванасьева, О. Миллера, Алек-

сандра Веселовскаго). и потому здѣсь не буду останавливаться на этой сторонѣ дѣла.

Во всѣхъ научныхъ изслѣдованіяхъ о колядкахъ говорится преимущественно о малорусскихъ колядкахъ. Такъ, въ главномъ явленіи литературы этого предмета, „Обзорѣ поэтическихъ мотивовъ колядокъ“ А. А. Потебни, разсмотрѣніе всякаго колядочнаго мотива начинается съ малорусскаго варианта. Нѣкоторое исключеніе представляетъ лишь сравнительно-литературное изслѣдованіе о колядкахъ А. Н. Веселовскаго, гдѣ выдвинута на первое мѣсто румынская колядка, не въ силу, однако, какихъ-либо свойственныхъ ей преимуществъ, а въ силу прежде всего наклонности почтеннаго автора сводить рождественскіе обряды и пѣсни къ предполагаемому греко-римскому источнику, и затѣмъ въ силу того обстоятельства, что А. Н. Веселовскій въ данномъ случаѣ опирался преимущественно на румынскаго ученаго Теодореску. Особенное вниманіе ученыхъ въ малорусскимъ колядкамъ объясняется ихъ многочисленностью, полнотою и художественными достоинствами.

Прежде (до Потебни) колядка служила средствомъ, пособіемъ: изученіе колядокъ обусловливалось желаніемъ опредѣлить религіозно-миѳическое міросозерцаніе народа или отыскать въ современной жизни народа воспоминанія о давно прошедшихъ историческихъ лицахъ и событіяхъ, или, наконецъ, указать вліяніе на славянскіе народы греко-римской поэзіи и обрядовъ. Въ изслѣдованіи А. А. Потебни колядка поставлена цѣлью изученія, и уже различіе въ точкѣ зрѣнія на предметъ и въ отношеніи къ предмету изслѣдователя повело къ новымъ выводамъ и умозаключеніямъ, такъ сказать, углубившимъ и расширившимъ фарватеръ научнаго изученія колядокъ. Въ изслѣдованіи Потебни колядки и щедривки разложены на составные элементы, разобраны по мотивамъ и разобраны съ большою эрудиціей и съ образцовой научной строгостью въ обоснованіи выводовъ внимательно провѣренными фактами.

Въ первой главѣ изслѣдованія говорится о размѣрѣ колядокъ и щедривокъ. За немногими исключеніями, отчасти объясняемыми смѣшеніемъ и взаимодѣйствіемъ поэтическихъ формъ,

стих малорусской колядки есть (5+5) съ припѣвомъ. Встрѣчаются небольшія уклоненія размѣра отъ нормы, или увеличеніе числа слоговъ до 6, или уменьшеніе до 4. По размѣру, при сходствѣ содержанія, къ одному разряду съ малорусскими колядками относятся галицкія весеннія (царинныя), бѣлорусскія волочebныя, или великоднія и великорусскія „виноградья“, или колядки съ припѣвомъ „виноградѣ красно-зеленое“. Щедривкамъ преимущественно свойственъ размѣръ (4+4). Изрѣдка четырехсложная стопа замѣняется пяти и шестисложной. Размѣръ греческихъ колядоѣ (8+7) не сходенъ съ славянскими, а размѣръ румынскихъ (5+5, 4+4, 6+6) указываетъ на связь ихъ съ славянскими.

Во второй главѣ говорится о времени колядованья и щедрованья. Малорусская колядка—рождественская величальная пѣсня, затѣмъ славленіе, самый обходъ съ такими пѣснями—примыкаетъ къ малорусскому-же тѣсному значенію слова коляда—вечеръ 24 декабря. Это значеніе древнѣе восточно-малорусскаго обычая начинать колядованье съ вечера перваго дня Рождества Христова. Гоголь („Ночь подъ Рождество“) могъ еще въ полтавской губерніи зазнать обычай начинать коляды съ „багатою кутьи“, т. е. 24 декабря, существованіе коего подтверждается старинными сѣверными и южными и новыми свидѣтельствами, Стоглавомъ, царскими и патриаршими указами, густинскою лѣтописью, этнографическими статьями Купчанки, Шейна.

Изъ словъ, относящихся къ колядованію, въ этой главѣ объяснены—самое слово коляда въ разныхъ его значеніяхъ, малорусское слово ралець, встрѣчающееся въ старинныхъ царскихъ грамотахъ и нынѣ въ Галиціи, слово полазь, названія Усень, Овсень, Авсень, Таусень, Бауцень. Считаю названія Овсень, Таусень производными изъ пѣсеннаго произношенія Усеня: ой Усень, та Усень, А. А. Потебня за основную форму принимаетъ Усень и сближаетъ слово *усень* по корню съ литовскимъ *ausra*, латинскимъ *aurora*, санскритскимъ *usra*, *usha* утренняя заря, утро, заря, какъ божество. Такое объясненіе Усеня представляетъ тотъ, такъ сказать, практический интересъ, что разъясняетъ свойственное многимъ колядкамъ начало съ восхода солнца: „ой

рано, рано солнце сходило“, или съ однихъ словъ: „ой рано“, „ой раненько“.

Въ третьей главѣ излагается цѣль колядокъ и щедривокъ, согласно съ тѣмъ, какъ она опредѣлена въ самихъ пѣсняхъ, въ послѣсловіяхъ, или „поколядяхъ“. Цѣль эта— „димъ звеселити“. „Хотя иные поэтическіе мотивы колядокъ и щедривокъ, говоритъ А. А. Потебня, между прочимъ, взяты изъ христіанскихъ легендъ, первоначально ничего общаго съ величаньемъ не имѣютъ; но и они въ значительной степени подчинены главной цѣли этихъ пѣсней, именно величанью, возведенію лица, къ коему обращена пѣсня, къ идеальнымъ положеніямъ: къ значенію міровому, къ высокому общественному положенію, къ блеску богатства, мудрости, благочестія, удали, красоты... На всѣхъ ступеняхъ развитія потребность счастья, блеска, могущества требуетъ удовлетворенія хоть въ мечтѣ. Тѣмъ болѣе способно на время утолить эту жажду нѣчто столь объективное, какъ пѣсня. Даже нынѣшній культурный человѣкъ не могъ-бы подавить свѣтлой улыбки, если-бы ему и о немъ спѣли:

На коня садится, подъ нимъ конь бодрится;
Ой по лугу ѣдетъ—лугъ зеленѣетъ;

но несравненно важнѣе значеніе величальной пѣсни для людей прежнихъ. Чѣмъ далѣе въ старину, тѣмъ обычнѣе и крѣпче вѣра въ способность слова однимъ своимъ появленіемъ производить то, что имъ означено. На такой вѣрѣ основаны всѣ поздравленія и провѣстія. Они и до нынѣ держатся не только одною инерціею, но и самой этой вѣрой“... Указавъ далѣе на различныя проявленія внесенія поэтическаго образа въ объясняемое и на важное значеніе въ жизни и въ поэзіи заключенія по почину, т. е. наклоности человѣка настоящее, какъ начало ряда событій, считать образомъ будущаго, А. А. Потебня замѣчаетъ, что обрядныя величанья пережили время господства миѣческаго мышленія, сохранивъ лишь ту практичность, которая составляетъ неотъемлемое свойство поэзіи. „Вѣра въ непосредственную силу слова, какъ явленіе господствующее, могла остаться далеко позади, и тѣмъ не менѣе колядка могла остаться при практическомъ значеніи другаго рода, какъ пожеланіе, какъ

попытка водворить „въ челоуѣцѣхъ благоволеніе“. Отсюда естественно вытекаетъ, что колядки изображаютъ свѣтлую, желанную сторону жизни, и колядники—„гости любви, угодные“.

Въ той-же главѣ находятся спеціальныя замѣтки по детальнымъ вопросамъ, о сочетаніи понятій и словъ „свѣтъ, зелень, веселье, слава“ въ приложеніи къ колядкамъ, о значеніи словъ чары и ворожба, о частныхъ случаяхъ безсилія мысли разграничить воспріятіе, съ одной стороны, и его пониманіе—съ другой, о припѣвѣ „ой лелю“ и родственныхъ съ нимъ литовскихъ и румынскихъ припѣвахъ.

Въ IV главѣ, начальной въ разсмотрѣніи мотивовъ, рѣчь идетъ о мотивѣ: колядники будятъ господара и сказываютъ ему радость на дворѣ. Въ однѣхъ колядкахъ мотивъ этотъ изложенъ ясно и опредѣленно, въ другихъ онъ затемнился; обращенія „чи чуешь“, „встань гори“ и проч. теряютъ связь съ дальнѣйшимъ содержаніемъ колядокъ и становятся припѣвомъ, какъ-бы формальнымъ опредѣленіемъ категоріи этихъ пѣсенъ. Особенно подробно разобрано встрѣчающееся въ началѣ болгарскихъ пѣсенъ выраженіе „Станенине“, съ разясненіемъ его происхожденія изъ „въ(з)стани нынѣ“. При разсмотрѣніи означеннаго мотива приняты во вниманіе тѣ случаи, когда господара будитъ „ластивка“, „зозуля“, „соловей“.

Въ V главѣ разсмотрѣнъ мотивъ: „зоря (утренняя звѣзда) зоветъ, связываетъ вѣсть, радость“, въ зависимости и въ связи съ народно-поэтическими представленіями мѣсяца и звѣзды денницы, ихъ видимой близости и видимаго удаленія, какъ любовнаго свиданія и брака; ссоры и разлуки.

Въ VI главѣ рѣчь идетъ о мотивѣ „Три радости: Богъ, царь или панъ зовутъ, дарятъ“, насколько проявляется этотъ мотивъ въ колядкахъ, волочесныхъ пѣсняхъ и свадебныхъ величаньяхъ. Между прочимъ здѣсь высказано замѣчаніе, что баллада Мицкевича „Будрысь и его три сына“ въ общемъ представляетъ величальный мотивъ: „съ трехъ дорогъ три корысти“, причемъ дорога понята въ тѣсномъ смыслѣ, какъ путь, военный походъ.

Въ VII главѣ разсмотрѣно величаніе воловъ, сохи, плуга, оранья и сѣянья. Величаніе этихъ предметовъ и дѣйствій есть

величаніе хозяина, его радость. Съ величаньемъ плуга связаны различные обряды, обходъ съ плугомъ, символическое паханіе и т. п., а также различными поэтическія сказанія, въ родѣ скиѳскаго сказанія о Таргитаусѣ и трехъ его сыновьяхъ.

Въ VIII главѣ, съ связи съ предыдущимъ мотивомъ, разсмотрѣнъ мотивъ „Богъ оретъ, святые помогаютъ“, въ результатѣ котораго урожай, сборъ хлѣба; въ концѣ главы приведены нѣкоторыя относящіяся сюда апокрифическія сказанія.

Въ IX главѣ говорится о мотивѣ: „сѣяніе, вѣяніе золота, серебра“, съ ссылкой на латышскія пѣсни, гдѣ солнце сѣетъ чистое серебро. По этому мотиву царинныя пѣсни (у Лемковъ) сближаются съ колядками, причемъ самый образъ „засѣванія золотомъ“ имѣетъ прямое отношеніе къ урожаю. Видоизмѣненіемъ мотива сѣянія золота и серебра представляется мотивъ объ ораніи копьемъ или мечемъ и сѣяніи стрѣлами, мотивъ, восходящій по времени къ „Слову о Полку Игоревѣ“.

Въ X главѣ говорится о мотивѣ: „Господь обходитъ дворъ величаемаго, считаетъ скотъ, мѣряетъ деньги“ и пр.

Въ XI главѣ мотивъ: „Господь со святыми или святые обходятъ хозяйское поле“.

Въ XII главѣ мотивъ: „Господарь готовится встрѣчать, угощать годовыхъ гостей, колядниковъ, Бога или святыхъ“. Въ этой главѣ, между прочимъ, указано на сближеніе въ колядкахъ гостя и Бога, Бога и Доли и указано на значеніе словъ „молить“ въ смыслѣ приносить въ жертву, зарѣзать, и „молитва“, въ смыслѣ каши, кутыи, жертвеннаго блюда. „Такія черты колядокъ, какъ обходы Бога и святыхъ, умноженіе ими добра, приглашеніе ихъ въ домъ и угощеніе, изображеніе урожая, ведутъ къ сближенію колядокъ съ обжиночными пѣснями“,—говоритъ Потебня и рассматриваетъ при этомъ обряды съ снопомъ „дѣдомъ“ и съ хлѣбомъ „врачуномъ“. Особенный интересъ представляетъ новое объясненіе встрѣчающагося въ бѣлорусскихъ обжиночныхъ и въ малорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ слова „рай“. Принимая во вниманіе сходство свадебныхъ пѣсенъ съ обжиночными по размѣру и содержанію, А. А. Потебня допускаетъ переходъ свадебныхъ пѣсенъ въ до-

жиночныя и тожественность нѣкоторыхъ встрѣчающихся въ нихъ образовъ и выражений, въ частности рая, причемъ слово „рай“ въ свадебныхъ пѣсняхъ служитъ эпитетомъ коровай, а въ обжиночныхъ пѣсняхъ—эпитетомъ жатвеннаго вѣнка или снопа. Происхожденіе-же самаго эпитета „рай“ объяснено изъ свадебныхъ пѣсенъ, гдѣ коровай посланъ отъ Бога, „зъ раю“, и изъ свадебнаго-же наименованія обряднаго деревца „гильца или вильца“ райскимъ деревцомъ, рай-деревцомъ или только рай. Выходитъ въ данномъ случаѣ, что существительное атрибутивное, вытѣснивъ свое опредѣляемое, стало на его мѣсто.

Въ XIII главѣ разобранъ мотивъ: „Обходъ съ козою“, въ связи съ относящимися сюда святочными обрядами и въ связи съ дожиночнымъ завиваніемъ бороды (Волосу, Ильѣ, Спасу). И пѣсни, и обряды, сюда относящіеся, представляютъ остатокъ вѣрованія, что душа нивы, сѣножати и растенія вообще есть „козло“ или козообразное существо (какъ и Фавнъ, Сильванъ), преслѣдуемое жнецами и скрывающееся въ послѣдній несжатый пухъ колосевъ или послѣдній снопъ.

Въ XIV главѣ рассмотрѣнъ мотивъ: „солнце, мѣсяцъ и дождь, или два святые и Богъ спорять о силѣ“, въ связи съ подобными сказочными мотивами, причемъ указано на связь мѣсяца съ морозомъ въ пѣсняхъ, повѣрьяхъ и загадкахъ. Далѣе разобранъ мотивъ: „три овчаря или одинъ овчаръ съ тремя трубами“, съ указаніемъ, что въ колядкахъ съ этимъ мотивомъ заключена апопееоза овчаря и его трубы, причемъ до-христіанскіе образы небесныхъ музыкантовъ и пастуховъ, каковы, между прочимъ, Панъ, Аполлонъ, Гандарвы, замѣнены Богомъ и святыми—Николаемъ, Юріемъ и др.

Въ XV главѣ разобранъ мотивъ: „чудесное дерево; съ него три корысти“, съ указаніемъ, между прочимъ, на моравскій обычай носить во время колядованія „счастье“—березовую или хвойную вѣтку, украшенную яблочами и кусочками сукна. „Отождествленіе чудеснаго дерева (колядокъ), говоритъ А. А. Потебня, съ вѣтвистыми облаками не только не противорѣчитъ земному происхожденію этого образа, но прямо предполагаетъ его. Человѣкъ, заключая отъ близкаго и извѣстнаго къ дале-

кому и неизвѣстному, переносить на небо свою земную обстановку и затѣмъ, когда этимъ она измѣнена, освящена и возвеличена, приписываетъ ей, въ ея земномъ видѣ, свойства, полученные ею на небѣ. Такъ устанавливается идеальная связь мірозданія... Трудность изслѣдованія заключается между прочимъ въ опредѣленіи того, на какой точкѣ своего пути отъ близкаго къ далекому и обратно мысль захватила тѣ или другіе признаки". При разсмотрѣніи коляднаго мотива о чудесномъ деревѣ подробно разобраны многія сюда относящіяся пѣсенныя детали: „птица на верху дерева, кипарисное дерево, гусли, райское дерево плыветъ, дерево везуть". Указывая на основное религиозно-миѣническое происхожденіе обрядовъ и пѣсенъ разсматриваемаго мотива, Потебня выдѣляетъ возможные апокрифическіе элементы, заимствованные изъ „Бесѣды Іерусалимской" и изъ „Сказанія о крестномъ деревѣ".

Въ XVI главѣ разсмотрѣнъ мотивъ: „орелъ или соколъ сидитъ на деревѣ и говоритъ съ рыбой; орелъ перо ронилъ".

Въ XVII главѣ—мотивъ: „три сокола; добыча ихъ (перепелъ, рыба и проч.)—пану корысть". Обобщеніемъ добычи соколовъ служитъ то, что они приносятъ господину радость, „здравіе и веселіе".

Въ XVIII главѣ—мотивъ: „соколъ, хортъ и конь"; соколъ несетъ рыбу, хортъ вунцу, конь ведетъ стадо—все на радость пану, домохозяину.

Въ XIX главѣ—мотивъ: „соколъ или орелъ переноситъ невѣсту черезъ воду. Соколъ—сватъ". Въ этой главѣ находятся замѣтки о присутствіи разсматриваемаго мотива въ былинахъ о Михаилѣ Казарянинѣ, указаніе возможнаго происхожденія слова Казарянинъ отъ личнаго имени Козаринъ и разложеніе былинъ о Казарянинѣ на составныя части (описаніе коня, полонянка, кровосмѣшеніе и проч.). Остановиваясь на запѣвѣ: соколъ видитъ то-то, запѣвѣ, обусловленномъ стремленіемъ пѣвцовъ къ конкретности образа, А. А. Потебня разбираетъ малорусскую думу объ Олексіи Поповичѣ, причѣмъ разсматриваетъ сначала запѣвъ ея: „на Черномъ морѣ, на камнѣ сидитъ соколъ и поглядаетъ на море", гдѣ начинается буря, затѣмъ,

„въ видѣ отступленія“, останавливается на нѣкоторыхъ другихъ чертахъ думы, на обычномъ дѣленіи идеальнаго поля зрѣнія на три части (судна козацкія буря разбила на три части и разнесла на три стороны) и выкупѣ головою. Не находя повода производить малорусскаго Алексѣя Поповича отъ былиннаго Алеши Поповича, А. А. Потебня находитъ возможнымъ происхожденіе основныхъ мотивовъ думы изъ пѣсенъ южныхъ славянъ, причемъ вниманію читателя предлагается замѣчательная болгарская пѣсня про Станковича Дуку (изъ сборника Миладіновыхъ, стр. 65), гдѣ изъ стихій малорусской думы находятъ: буря на морѣ, исповѣдь грѣшника, главный его грѣхъ противъ матери и сестры и поздравленіе слушателямъ.

Въ XX главѣ разсмотрѣны мотивы объ оленѣ и турѣ: лань указываетъ охотнику невѣсту; олень обѣщаетъ стать въ пригодѣ; олень или туръ N—у корысть; на рогахъ оленя величаемая дѣвица или молодець. Въ изображеніи охоты „за чернымъ туромъ“ въ малорусскихъ колядкахъ А. А. Потебня усматриваетъ древнія бытовья черты, напоминающія охоты Владиміра Мономаха, причемъ тѣ малорусскія колядки, въ которыхъ говорится, что „газдыня“ посылаетъ слугъ поймать въ шелковыя сѣти „дивнаго звиря тура—олена“, относятъ ко времени гораздо раньше конца XVI ст., когда туръ, большой дикій быкъ, черный, съ свѣтлою полоскою вдоль спины, былъ еще обычной дичью.

Въ XXI главѣ: „Куня въ деревѣ, дивка въ теремѣ“. По поводу этого колядочнаго мотива приведены свадебныя пѣсни и приказки съ кунницей, въ особенности обычныя при сватовствѣ. Мимоходомъ дано объясненіе пѣсеннымъ „Болоховцамъ—ловцамъ“ (переходъ отъ собственнаго къ нарицательному). Потебня опредѣляетъ по пѣсеннымъ выраженіямъ, какъ изъ образовъ охоты, ловли взяты представленія ума и т. п. мѣткостью (стрѣлы), быстротою (въ преслѣдованіи звѣря). При этомъ рядъ примѣровъ значеній словъ хитрый, сочити—suchen—искать по слѣду. Замѣтки объ охотничьихъ первоначально выраженіяхъ „по горячимъ слѣдамъ“, „и слѣдъ простытъ“. Цѣнная историко-юридическія замѣтки о „сокъ, отсочить“ въ Русской

правдѣ, Судебникѣ Казимира Ягеловича и др. памятникахъ. Опредѣленіе въ былинахъ объ Иванѣ Годиновичѣ мотивовъ: охота—сватанье, звѣрь—сватъ. Разборъ частнаго пѣсеннаго мотива: куницу привозятъ тестю. По мнѣнію Потебни свадебная куница ведетъ начало не отъ куна, мн. куны въ смыслѣ разнѣнной цѣнности, а отъ спеціального значенія куница, шкурка *mustelae*, какъ плата тестю и всему роду.

Въ главѣ XXII находятся аналогичные съ XIX и XX мотивы, болѣе свадебные, чѣмъ колядочные, о змѣѣ сватѣ, причемъ подробно рассмотрѣнъ былинный эпизодъ о купаньѣ Добрыни Никитича. Сюда же отнесенъ пѣсенный образъ о „переплытіи рѣки (Дуная, моря)“ и сродные съ нимъ „перескочить“, „перейти“, „брестъ“, „плыть“, которые имѣютъ отношеніе къ любви и браку. Эта богатая фактами глава составляетъ развитіе положеній, высказанныхъ въ предыдущихъ трудахъ Потебни.

Въ XXIII гл. рассмотрѣнъ встрѣчающійся въ сербскихъ и болгарскихъ пѣсняхъ мотивъ, какъ юнакъ поймалъ вилу, мотивъ величальный и свадебный.

Въ XXIV гл. величальный мотивъ о семистахъ молодцахъ, помогающихъ добыть невѣсту. Услуга ихъ сходна съ услугою сокола, переносящаго невѣсту, и змѣи (въ XXII гл.). Краткія замѣтки о пѣсенныхъ „Блудцахъ“ (напоминаютъ Бродниковъ) и о связи орла и оранія въ пѣсняхъ (созвучіе).

Въ XXV гл. указано нѣсколько пѣсень на мотивъ: „молодецъ ѣдетъ въ горы или за горы по дѣвицу“, и

Въ XXVI гл. указаніе въ одной пѣснѣ добавочнаго мотива о посольствѣ впередъ пословъ къ матери, что-бы она приготовила пива и меду.

Въ XXVII гл. разобраны колядки и свадебныя пѣсни на тотъ мотивъ, что сама невѣста ѣдетъ къ жениху запросто, или тучей и дождемъ, или зорею, росю.

Въ XXVIII гл. мотивъ: „дѣвица въ деревѣ“; въ сербской пѣснѣ дѣвица вышла изъ-подъ коры сосны и засіяла, какъ солнце. Замѣтка о вилахъ—древесныхъ нимфахъ и о названіи самовила (вила—*дрѡѡс*, самовила—*ѡмѡ-дрѡѡс*).

Въ XXIX гл. рассмотрѣны пѣсни на мотивъ: дѣвица не ровня молодцу; у нея знатная (небесная) родня; пѣсни о молодцѣ съ знатной родней; мифологическія основанія этихъ пѣсенъ—солнце мать, мѣсяць отецъ, звѣзды—сестрицы.

Въ главахъ XXX—XLVII сгруппированы пѣсни на мотивы: дѣвица въ плѣну; дѣвица кони пасла и погубила (=вышла замужъ); дѣвица „лѣвъ зоря“; дѣвица мостить мостъ милому; перевозъ черезъ рѣку (молодецъ перевозитъ дѣвицу; дѣвица перевозитъ); золотая ряса (украшеніе) или роса; садъ—виноградъ, яблоки и пр. (дѣвица собираетъ съ милымъ), дѣвица стережетъ огонь; „тroyкій напій“; „дивча шиньарка“; три свата; дѣвица танецъ (срав. т. I Объясненій 190 и сл.); дѣвица въ лѣсу заблудилась; дѣвица ведетъ танецъ; дѣвица сгубила перстенъ; паванный вѣнокъ; вѣтеръ уноситъ вѣнокъ; три рыболова, молодець, доставая вѣнокъ, тонетъ. Изъ отдѣльныхъ замѣтокъ, вошедшихъ въ эти главы, значительный интересъ представляютъ замѣтки о терновомъ огнѣ (стр. 434—437), о значеніяхъ рясы, росы, золотой коры (465—468), о значеніи слова грабоваты (497) и о мифическомъ значеніи пѣсенъ о сожженіи дѣвицы (506—523).

Въ XLVIII гл. разобраны пѣсни—загадки (что растеть безъ кореня? горить безъ пламени? цвѣтетъ безъ синецвѣта? и т. п. съ отвѣтами: камень, золото, папоротникъ и др.). Потѣбня останавливается на характерныхъ свойствахъ пѣсенъ—загадокъ. Къ этой главѣ примыкаетъ небольшая XLIX глава о мотивѣ „Диво дивное“ и болѣе обширная L—о неисполнимыхъ задачахъ (соткать полотно безъ берда, выорать поле безъ плуга, вымыть безъ воды, мыла и валька, построить мостъ изъ одной вѣтки, сосчитать звѣзды и др.). Въ концѣ L главы находится интересный этюдъ о повѣсти о Петрѣ и Февроніи въ связи съ мнѣніями Ѳ. И. Буслаева и А. Н. Веселовскаго, съ указаніемъ на одну весьма сходную индійскую сказку.

Въ главахъ LI—LXXI сгруппированы и рассмотрѣны пѣсни на мотивы: золотыя ворота; дворъ на столбахъ; мѣсяць, солнце и звѣзды въ терему (и построеніе церкви); молодець въ чолнѣ; рада (муживъ громада) рѣшаетъ плыть на службу къ доброму пану; молодець добываетъ городъ, причѣмъ горо-

жане откупаются золотомъ, серебромъ, конемъ, дѣвицей (замѣтки о словахъ хоробръ, поляница); молодецъ за выслугу получаетъ скотъ или саблю, коня, дѣвицу; молодецъ выигрываетъ коня и дѣвицу; молодецъ играетъ и поетъ (въ былинахъ и свад. пѣсняхъ); дѣвица вышиваетъ три ширинки; молодецъ хвалится конемъ, стрѣлою, лугомъ; похвала коню; молодецъ съ конемъ говоритъ; конь чуетъ бѣду; мать (или тесть) узнаютъ N по коню, по платью (величальный мотивъ, встрѣчающійся, между прочимъ, въ былинѣ про Ивана Гостинаго сына); вдова отправляетъ сына на войну; вдовина дочь отправляется на войну, поединокъ съ турскимъ царемъ (замѣчаніе о пѣсенномъ „стеречи бродовъ“); отраженіе набѣга и отбитый полонъ; умная жена, вдова (прославленіе); N суды судить; переборъ (N перебираетъ конями, дѣвицами—величальная пѣсня). При разсмотрѣніи этихъ мотивовъ Потебня ограничивается группировкой пѣсенныхъ данныхъ.

LXXII—LXXIV главы посвящены тремъ мотивамъ: девять сыновъ разбойниковъ убиваютъ зятя и входятъ въ кровосмѣшеніе съ сестрой; мать проклиняетъ сына; смерть молодца и горе матери, сестры, милой. Эти мотивы составляютъ исключеніе по печальному своему содержанію. Колядка изображаетъ обыкновенно радостную, желанную сторону жизни. Въ этихъ исключительныхъ мотивахъ пѣсня дѣлаетъ, что можетъ, для смягченія непоправимаго зла, вѣчной разлуки.

Послѣднія LXXV—LXXXVIII главы посвящены христіанско-апокрифическимъ мотивамъ колядокъ: начало свѣта; „чому не такъ е, якъ було здавна?“; Рождество и преслѣдованіе Христа жидами; Богородица съ Младенцомъ спасается отъ жидовъ при помощи чуда (быстро созрѣвшей пшеницы); рожденіе и наименованіе Христа; вдова ищетъ сына; Пречистая ищетъ Сына; N ищетъ дороги въ рай; обрѣтеніе честнаго креста; три гроба; воскресеніе; ожившій пѣтухъ; установленіе постовъ; мученіе Христа; грѣхъ ивы, осины; изъ крови—вино, изъ тѣла—церковь; рѣва изъ крови, росы, слезы; купанье Христа; Его споръ съ Петромъ; Пречистая (или Богъ) отмыкаетъ пекло и выпускаетъ грѣшныя души, кромѣ одной; св. Петръ и его мать

въ пеклѣ; разлука души съ тѣломъ; грѣшная душа. Всѣ эти мотивы разсмотрѣны кратко.

Изслѣдованіе Потебни о малорусскихъ пѣсняхъ затрогиваетъ массу народно-поэтическихъ мотивовъ. Какъ ни обширно это сочиненіе, нѣкоторые его отдѣлы, нѣкоторыя частныя замѣчанія Потебни могутъ быть снабжены дополненіями, особенно съ привлеченіемъ къ дѣлу сказокъ, апокрифовъ и легендъ. Въ настоящее время можно уже указать на многія мелкія статьи и обширныя изслѣдованія, вышедшія послѣ 1887 г. и восполняющія отчасти капитальный трудъ Потебни. Здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо упущеніяхъ со стороны Потебни. Собрать и сгруппировать такую массу пѣсенъ, какую представилъ Потебня—это такой грандіозный трудъ, который могъ явиться только результатомъ многолѣтней добросовѣстной научной дѣятельности при громадной эрудиціи, при необыкновенной, почти феноменальной памяти. Не въ упущеніяхъ дѣло, а въ ростѣ науки. Фольклоръ, весьма быстро развивающійся, вноситъ почти ежедневно такую массу новыхъ матеріаловъ, что было бы странно, если бы теперь, 5 лѣтъ спустя по выходѣ „Объясненій“, нечего было сказать въ дополненіе къ нимъ. Ограничиваемся здѣсь нѣсколькими указаніями: Въ I т. „Объясненій“ на стр. 23 въ примѣч. Потебня упоминаетъ о радостномъ восклицаніи въ латышскихъ купальскихъ пѣсняхъ *ligo*. По поводу этой случайной замѣтки Потебни г. *Вольтерг* въ VII т. „Archiv fur slav. Philologie“ помѣстилъ интересную статью „Was ist ligo?“ Замѣчанія Потебни объ Усенѣ (II, стр. 35—45) могутъ быть еще болѣе подкрѣплены „Материалами для этнографіи латышскаго племени“ г. *Вольтера*, вышедшими въ 1890 г. Статьи о пѣсняхъ съ загадками и неразрѣшимыми задачами (II гл. XLVIII и L) могутъ быть расширены многими сказочными мотивами въ сборникахъ *Манжуры* (стр. 40—41), *Караджича* (148), *Zbìdòr wiadomości* XII 50, *Cosquin* № 32 и др. Въ особенности много дополненій можно сдѣлать въ послѣднихъ 14 главамъ (LXXV—LXXXVIII), посвященнымъ христіанскимъ мотивамъ волядокъ. Такъ, укажемъ здѣсь на прекрасное изслѣдованіе г. *Батюшкова* „Споръ души съ тѣломъ“

(1891 г.), обширную статью г. *Драгоманова* „Славянскитѣ сказанія за пожертвуваніе собственно дѣте“ (въ Сборникѣ за народни умотворенія I—II), громадное изслѣдованіе американскаго ученаго *Child'a* „The english and scotish popular ballads“ въ 7 томахъ (1882—1890 г.); въ I т. подъ § 22 собраны западно-европейскіе варианты сказанія объ ожившемъ пѣтухѣ¹⁾. Вышли эти сочиненія, по изданіи колядокъ, вышли тогда, когда Потебня лежалъ на смертномъ одрѣ, и сколько бы ни вышло въ ближайшіе годы сочиненій на темы, затронутыя Потебнею въ „Объясненіяхъ“, этотъ трудъ долго еще будетъ висѣться въ видѣ грандіознаго созданія русской науки, образцоваго въ смыслѣ научной добросовѣстности, трудолюбія и эрудиціи.

Оставляя въ сторонѣ прекрасную статью Потебни о значеніяхъ множественнаго числа (въ Филолог. Запискахъ и отдѣльно) и небольшое предисловіе къ стариннымъ малорусскимъ лѣчебникамъ въ Кіев. Старинѣ, какъ статьи, неимѣющія прямого отношенія къ этнографіи, останавлиюсь еще на послѣднемъ небольшомъ этнографическомъ трудѣ Потебни — „*Этимологическихъ замѣтокъ*“ въ III вып. Живой Старины 1891 г. (стр. 117—128). Въ статьѣ говорится о словахъ: багачъ, багачья; Бѣлая Русь; буртальникъ, волоть, подоприсвѣтъ, ягуны, ярчукъ, и о сказочныхъ мотивахъ и повѣрьяхъ о кобыльей головѣ, бычкѣ-дристункѣ, и русалкахъ и петрушкѣ. Къ малорусской этнографіи относятся замѣтки:

Багачья—горячіе уголья; въ малор. въ значеніи богатства это слово („кажется“) утратилось, но сохранилось въ бѣлорусскомъ; сближеніе жара (горячихъ угольевъ) съ золотомъ. Выписки изъ малор. актовъ о названіи огня богачомъ. Параллель изъ Ригъ-Веды.

Бѣлая Русь—объясненія слова бѣлая въ значеніи вольная.

Бычекъ-дристункъ малор. сказокъ; указаніе на такового же бычва въ Естест. Исторіи Плинія.

Волоть, велетень производится изъ волотръ и сопоставляется съ санск. Вритра.

¹⁾ Легенда объ ожившемъ пѣтухѣ, зап. въ Олонѣц. губ., нап. въ IV т. Этногр. Обзор. 1891 г. стр. 197.—Прим. Н. С.

Кобыля голова, какъ остатокъ стариннаго обряда освященія и укрѣпленія межи.

Русалки не любятъ петрушки; указано сходное повѣрье у Плинія.

Яуны отъ яго (какъ чакавцы, штовавцы).

Ярчукъ—марчувъ, песь, рожденный „въ Марцю“ (въ мартѣ), вѣроятно, въ какіе-либо задущные дни.

По поводу двухъ толкованій Потебни (Соловей на дубахъ и Бѣлая Русь) редакторъ Ж. Старинны *В. И. Ламанскій* въ той же III кн. помѣстилъ двѣ обширныхъ статьи: 1) Прусскіе нѣмцы и суданскіе габери въ Кимре—„на дубахъ“ и 2) Бѣлая Русь. Въ послѣдней статьѣ, весьма богатой интересными фактами, находятся, между прочимъ, замѣчанія о названіи Малая Русь. Проф. *А. И. Смирновъ* въ III кн. Русскаго Филол. Вѣст. 1891 г. высказалъ нѣсколько критическихъ замѣчаній на замѣтку Потебни о волотѣ, считая ее маловѣроятной.

Этими трудами исчерпывается дѣятельность Потебни, какъ этнографа. Въ бумагахъ его, сколько мнѣ извѣстно, не осталось статей по этнографіи. Въ лекціяхъ ничего не могло сохраниться, по той причинѣ, что Потебня, кажется, никогда не читалъ лекцій этнографическаго содержанія, въ родѣ перечисленныхъ здѣсь трудовъ. Лекціи университетскія за мою память (съ 1870 г.) были посвящены специально русской грамматикѣ и чтенію древнихъ русскихъ литературныхъ памятниковъ (по Христоматіи Буслаева); въ послѣдніе годы Потебня читалъ еще лекціи по теоріи поэзіи, и этотъ курсъ былъ для студентовъ болѣе понятенъ и болѣе ихъ интересовалъ, чѣмъ специально филологическія лекціи. При объясненіи Слова о Полку Игоревѣ Потебня указывалъ на пѣсни народныя, но далеко не въ такой полнотѣ, какъ дѣлаетъ это онъ въ своемъ печатномъ трудѣ о Словѣ. Кромѣ университетскихъ лекцій, Потебня одно время читалъ еще лекціи у себя на дому небольшому кружку дамъ, но, сколько мнѣ извѣстно, эти лекціи посвящены были исключительно нѣкоторымъ отдѣламъ теоріи поэзіи (о баснѣ, пословицѣ и пр.). Потебня очень рѣдко читалъ публичныя лекціи. За 20 лѣтъ моего знакомства съ По-

тебней я могу припомнить только пять таких лекцій. 18 ноября 1878 г. прочитана была лекція о Г. О. Квиткѣ, по случаю столѣтія со дня рожденія этого писателя. Лекція дала сбору 200 руб., которые пошли на изданіе сочиненій Квитки (въ счетъ 2812 р. 20 к. пожертвованій). Затѣмъ, были еще лекціи о Достоевскомъ (по его кончинѣ, какъ поминки) и о Гомерѣ (точного заглавія не припомню). Ни одна изъ этихъ лекцій не напечатана, и въ бумагахъ Потебни не сохранилось никакихъ записей. О лекціи П. о Квиткѣ была подробная корреспонденція въ кievской газетѣ „Трудъ“.

Потебня неоднократно высказывалъ мнѣніе, что въ русской наукѣ и литературѣ много скрывается такихъ силъ, которыми, по разнымъ причинамъ, общество не воспользовалось, и самъ Потебня несомнѣнно былъ такой силой; многое онъ могъ бы сказать, многое освѣтить, многихъ просвѣтить, при другихъ условіяхъ нашей общественности. Правда, самъ Потебня былъ очень скромнъ, сдержанъ, избѣгалъ популярности; но никто и ничто въ нашей глухой провинціальной жизни и не вызывало его къ широкой общественной дѣятельности; напротивъ, обстоятельства такъ складывались, что кабинетное уединеніе и суровое аскетическое отношеніе къ окружающему міру были для Потебни единственно возможнымъ существованіемъ, и только въ чистой области науки могли раскрываться прекрасныя стороны его глубоко-человѣчной души, чувство справедливости, желаніе правды, исканіе истины и добра.

Одинъ изъ учениковъ Потебни г. Горнфельдъ такъ закончилъ свою прекрасную статью о лекціяхъ Потебни въ 335 № „Харьк. Вѣд.“ 1891 г. ¹⁾: „Предо мною лежитъ его портретъ. Не знаю, какъ для другихъ, для меня это лицо полно необычайной красоты. Этотъ громадный, сильный лобъ, эта тонкая задумчивая улыбка, эта добрая складка рта и пытливый властный взглядъ, это „нездѣшнее“ спокойствіе—печать высшаго напряженія духа въ этомъ слабомъ старческомъ тѣлѣ. И это слабое тѣло еще усиливало впечатлѣніе этой исключительной

¹⁾ Перепечатана въ „Кievской Старинѣ“ 1892 г. № 2.

жизни духа, такъ часто напоминая слова Гегеля о Гете: „Какъ одежда восточнаго жителя едва держится на его станѣ и готова упасть съ плечь, такъ и тутъ вы видите, что тѣло готово отпасть, а духъ воспрянуть во всей славѣ и спокойствіи“. И оно отпало это слабое тѣло... Тяжело подумать, какъ много унесъ этотъ человѣкъ въ могилу, какъ много невысказаннаго, недоговореннаго ушло вмѣстѣ съ нимъ. Тяжело людямъ науки терять такого мыслителя; но намъ, имѣвшимъ счастье духовнаго общенія съ нимъ въ трудныя минуты безвременья, еще тяжелѣе потерять человѣка, который зналъ и умѣлъ учить, „чѣмъ люди живы“.

П. В. Ивановъ.

Въ новѣйшей малорусской этнографіи Петръ Васильевичъ Ивановъ занимаетъ видное мѣсто. Его этнографическіе сборники отличаются полнотой содержанія и ясной системой распределенія матеріала. Біографическихъ данныхъ о г. Ивановѣ у насъ нѣтъ, и дѣло г. Иванова, если онъ, по скромности, нигдѣ не далъ хотя бы краткихъ автобіографическихъ сообщений. Исследователю современной малорусской этнографіи нужно, однако, опредѣлить тѣ стороны въ личной обстановкѣ и дѣятельности нашего этнографа-собираателя, которыя объясняютъ своеобразный характеръ его этнографическихъ трудовъ. Нужно знать, на примѣръ, чѣмъ обусловлено то характерное обстоятельство, что г. Ивановъ ограничивается предѣлами одного уѣзда Харьковской губерніи и въ этихъ скромныхъ предѣлахъ опирается на многихъ полезныхъ сотрудниковъ изъ мѣстной среды, преимущественно, изъ народныхъ учителей и учительницъ. Дѣло въ томъ, что г. Ивановъ былъ инспекторомъ народныхъ училищъ и по выходѣ въ отставку, поселился на мѣстѣ своей прежней служебной дѣятельности въ г. Купянскѣ (въ 116 в. отъ г. Харькова) и сохранилъ связи со своими прежними сослуживцами—учителями и учительницами народныхъ школъ. Г. Ивановъ возбудилъ въ нихъ интересъ къ этнографическимъ работамъ, снабдилъ ихъ программами и сдѣлался средоточіемъ, объединителемъ и орга-

низаторомъ ихъ этнографической дѣятельности. На этнографическое поприще г. Ивановъ вступилъ недавно, въ 80-хъ годахъ. Ранѣе онъ былъ извѣстенъ своими трудами по изученію мѣстной фауны; сочиненія его по этой части печатались въ изданіяхъ харьковскаго общества естествоиспытателей.

Этнографическія изслѣдованія г. Иванова представляются весьма любопытными въ томъ отношеніи, что они являются, такъ сказать, результатомъ цѣлой школы мѣстныхъ этнографовъ; на нихъ лежитъ печать коллективнаго труда многихъ почтенныхъ дѣятелей, близко стоящихъ къ народу. Какъ важна такая общественная организація этнографическихъ изученій, краснорѣчивымъ доказательствомъ служатъ превосходные сборники г. Иванова. За четыре, пять лѣтъ г. Ивановъ далъ массу новаго, оригинальнаго и цѣннаго матеріала.

Если не ошибаюсь, первой этнографической замѣткой г. Иванова была „*Вирша на Рождество Христово*“ въ XI кн. Кіев. Старинны 1882 г.—текстъ вирши, записанный бывшимъ учителемъ купянскаго духовнаго училища Лавровскимъ и маленькій къ ней комментарий г. Иванова. Вирша—бурсацкое произведеніе и къ народной поэзіи не имѣетъ никакого отношенія. Она относится къ юмористическимъ схоластическимъ виршамъ объ Адамѣ и Евѣ. Въ IV кн. „Кіев. Старинны“ 1892 г. П. И. Житецкій подвергъ научному анализу эту и другія родственныя ей вирши объ Адамѣ и Евѣ.

Въ XII кн. „Кіев. Старинны“ 1885 г. П. В. Ивановъ помѣстилъ небольшую статью „*Знахарство, шептанье и заговоры въ старобѣльскомъ и купянскомъ уѣздахъ харьковской губерніи*“. Это сборникъ заговоровъ и шептаній съ интересными пояснительными бытовыми комментаріями. Въ краткомъ предисловіи г. Ивановъ говоритъ: „Живя долгое время въ одной и той же мѣстности и находясь въ частыхъ сношеніяхъ съ народомъ въ раіонѣ двухъ уѣздовъ харьковской губерніи, купянскаго и старобѣльскаго, я, съ помощью близкихъ мнѣ лицъ, успѣлъ собрать массу этнографическаго матеріала и въ томъ числѣ до 150 шептаній и заговоровъ, изъ которыхъ болѣе половины неизвѣстны въ печати, а остальные являются болѣе или менѣе

цѣнными вариантами"... Для образца и помещено около двух десятковъ заговоровъ и шептаній, именно, шептанія надъ водой, отъ сглазу и разныхъ болѣзней. Сборникъ этотъ составляетъ полезное дополненіе къ сборнику „Малорусскихъ заклинаній“ П. С. Ефименка. Литература заговоровъ весьма обширна, если считать не изслѣдованія, какихъ почти нѣтъ (Крушевскій, О. Миллеръ), а сборники, какихъ много (главные Майкова, Романова и Ефименка). На литературѣ предмета здѣсь не останавливаюсь, и отсылаю интересующихся этимъ дѣломъ къ моему библиографическому указателю заговоровъ, изданному въ 1892 г.

Въ 1890 г. П. В. Ивановъ представилъ свой *сборникъ заговоровъ* въ этнографическій отдѣлъ Географическаго Общества. Извѣстный этнографъ П. В. Шеннъ, разсматривавшій сборникъ г. Иванова, въ своемъ о немъ отзывѣ, между прочимъ, говоритъ: „Сборничекъ г. Иванова состоитъ изъ весьма дѣльнаго введенія и 122 заговоровъ и шептаній. Введеніе и первые 10 заговоровъ были уже напечатаны въ *Кіевской Старинѣ*... заговоры и шептанія можно раздѣлить на слѣдующія рубрики: 1) противъ разныхъ болѣзней у людей и домашняго скота, 2) обереги отъ воровъ, клеветы, змѣи, таракановъ и пр. и 3) на разные случаи, чтобы быть въ почетѣ, передъ судомъ и т. п. Къ заговорамъ присоединенъ весьма интересный свадебный обрядъ съ обстоятельнымъ при немъ изложеніемъ фактическихъ данныхъ... Многимъ заговорамъ предшествуетъ описаніе обстановки, условій или реальныхъ средствъ; заговоръ примѣняется къ больному или случаю и т. п. По своему содержанію заговоры, записанные г. Ивановымъ и его сотрудниками, отличаются двоевѣрнымъ характеромъ... Въ сборникѣ и помимо этого найдется много любопытнаго для изслѣдователей народнаго быта и старины...“ Въ заключеніе своей рецензій г. Шеннъ признаетъ сборникъ г. И. „цѣннымъ вкладомъ въ этнографическую науку“ и находитъ, что „трудъ этотъ вполне заслуживаетъ, чтобы его напечатали цѣликомъ“. Этнографическое отдѣленіе опредѣлило имѣть въ виду этотъ сборникъ для изданія и наградить г. Иванова серебряной медалью (*Живая Старина* 1891 III).

Въ VI кн. Киевской Старины 1886 г. П. В. Ивановъ помѣстилъ статью „*Кое-что о вовкулакахъ и по поводу ихъ*“. Авторъ знакомъ съ сборниками Аванасьева, Чубинскаго и Драгоманова и сообщенія его представляются дополненіями. Въ статьѣ приведено три свадебныхъ оберега и нѣсколько способовъ возвращенія вовкулакамъ человѣческаго вида. Далѣе, приведены народные рассказы, чѣмъ питаются вовкулаки. Статья небольшая, но полезная при довольно скудной и крайне разбросанной литературѣ о вовкулакахъ. Главные сборники и статьи о вовкулакахъ указаны мной въ „Культурныхъ переживаніяхъ“ § 121 и подробнѣе въ разныхъ мѣстахъ библиографическаго указателя статей о колдунахъ и вѣдьмахъ (1891 г.).

На ярославскомъ археологическомъ съѣздѣ 1887 г. покойный проф. О. Θ. Миллеръ доложилъ и разобралъ докладъ П. В. Иванова „*Краткій очеркъ воззрѣній крестьянскаго населенія купянскаго уѣзда харьковской губерніи на душу и на загробную жизнь, составленный по словамъ стариковъ и старухъ*“. Этотъ докладъ, сколько мнѣ извѣстно, не вошелъ въ изданные томы трудовъ седьмаго археологическаго съѣзда, и о содержаніи его мы можемъ судить по протоколу засѣданія 13 августа, когда этотъ докладъ былъ прочитанъ. Похваливъ г. Иванова за его начитанность въ избранномъ вопросѣ и за умѣніе записывать народныя сказанія, Миллеръ сказалъ нѣсколько словъ вообще о народныхъ воззрѣніяхъ на загробную жизнь, какъ они выражаются въ произведеніяхъ устной народной словесности, и затѣмъ перешелъ къ изложенію воззрѣній купянскихъ крестьянъ, нерѣдко весьма оригинальныхъ и доселѣ не отмѣченныхъ въ другихъ мѣстахъ Россіи. Онъ выяснилъ представленіе души въ образѣ крылатаго существа (пчелы) или въ видѣ пара. Такой образъ душа имѣетъ, пока не вселится въ тѣлесную оболочку. Войдя въ тѣло, душа растеть вмѣстѣ съ нимъ, питаясь паромъ отъ той пищи, какою питается человѣкъ. Хотя душа живетъ въ тѣсной связи съ тѣломъ, ѣсть, пьетъ, чувствуетъ жаръ, холодъ, наслаждается и страдаетъ, однако, при потерѣ какой-либо части тѣла, человѣкъ не теряетъ соотвѣтствующей части души. Родившійся съ ка-

кими-нибудь физическими недостатками имѣть и душу не вполне совершенную. Впрочемъ, въ будущей жизни, по мнѣнію крестьянъ, всѣ органическіе недостатки будутъ восполнены. Одни представляютъ себѣ душу существомъ, проникающимъ и наполняющимъ все тѣло; другіе считаютъ мѣстопребываніемъ ея грудь, третьи—утробу; иные представляютъ ея мѣсто въ горлѣ и, наконецъ, подъ правой рукой. У разбойниковъ и вѣдьмъ души нѣтъ: душа изъ нихъ вышла и ими овладѣлъ злой духъ. Родившіеся мертвыми или умершіе некрещеными младенцы превращаются въ русалокъ („лоскотовки“), представляемыхъ то въ человѣческомъ, то въ животномъ образѣ. Некрещенные младенцы принимаются Богомъ въ особый для нихъ назначенный рай, но отдѣльно отъ душъ дѣтей, умершихъ крещеными и живущихъ съ ангелами. Умирающаго кладутъ на землю, на которой умирать легче. Умершаго кладутъ на лавку, въ головахъ зажигаютъ свѣчу; на стѣнѣ вѣшаютъ рушникъ; на окно ставятъ воду или медъ. При смерти вѣдьмы дѣлаютъ отверстіе въ потолокъ для выхода души. Въ гробъ кладутъ деньги для покупки мѣста на томъ свѣтѣ; въ могилу ставятъ бутылку съ водкой; ленту, которой были связаны ноги покойника, берегутъ какъ лѣчебное средство. На томъ свѣтѣ живутъ мужчины съ мужчинами, женщины съ женщинами, а по мнѣнію другихъ, попарно. До 40 дней душа покойника посѣщаетъ домъ; за тѣмъ надъ ней совершается судъ, и она получаетъ опредѣленное мѣстопребываніе. На поминальные обѣды душа является и послѣ 40 дней. Душа скупаго на томъ свѣтѣ алчетъ и жаждетъ, а души праведниковъ имѣютъ во всемъ изобиліе. Есть адъ вѣчный, есть и временный, онъ подъ землею; въ немъ мракъ; души грѣшниковъ питаются въ немъ пепломъ. Рай—зеленый садъ, по которому течетъ рѣка. На томъ свѣтѣ мужъ не узнаетъ жены и наоборотъ, а родичей и знакомыхъ душа узнаетъ. Отецъ и мать не узнаютъ своихъ дѣтей, а крестные узнаютъ. Тамъ души не разговариваютъ между собою. Г. Ивановъ приводитъ рассказы „замиравшихъ“ старухъ о загробномъ мірѣ, рассказы крестьянъ о явленіи мертвецовъ и нѣсколько плачей.

Изложивъ передъ слушателями на съѣздѣ всѣ сообщенія г. Иванова, Миллеръ взвѣсилъ ихъ относительныя научныя достоинства, указавъ, что въ нихъ встрѣчается новаго и, сопоставивъ это новое съ прежними сообщеніями, призналъ собранныя г. Ивановымъ матеріалы въ высшей степени любопытными и важными для характеристики южно-русскаго крестьянства. (*Отчеты о засѣд. съѣзда*).

Въ отчетѣ о рефератѣ Миллера не указано, какія онъ упоминалъ „прежня сообщенія“. Можно догадываться, что были указанія на труды Котляревскаго, Афанасьева и Барсова. Малорусская похоронная причеть только въ новѣйшее время стала обращать на себя вниманіе этнографовъ. Въ видѣ полезныхъ дополненій къ статьямъ П. В. Иванова о душѣ (1887 г.), о вѣдьмахъ (1891) и о долѣ (1892 г.), гдѣ также разбросано много замѣтокъ и матеріаловъ относительно малорусскихъ народныхъ повѣрій о душѣ, могутъ еще служить замѣтки:

С. Брайловскаго, о похоронныхъ причитаніяхъ южнорусскаго края, въ „Русск. Филол. Вѣстникѣ“ 1884, т. XII.

С. Брайловскаго, „Малорусская похоронная причеть и мифическое ея значеніе въ Киевской Старинѣ 1885, IX, 74—84.

М. К. Васильева, О малорусскихъ похоронныхъ обрядахъ въ Киевск. Стар. 1889, VI, 635 и въ Киевск. Стар. 1890, VIII, 317—322.

Ziemba, Zwyczaj pogrzebowe w okolicach Uszycy na Podolu, w Zbiór Wiadomości 1888, XII, 227—230.

Хр. Яцуржинскаго, Малорусскія причитанія надъ умершими, въ Киевской Старинѣ 1888, I, 11—16.

Хр. Яцуржинскаго, Остатки языческихъ обрядовъ, сохранившіеся въ малорусскомъ погребеніи, въ Киев. Стар. 1890, I, 130—132.

Сравнительно болѣе подробная статья г. Брайловскаго въ Киевской Старинѣ не свободна отъ поспѣшныхъ мифологическихъ выводовъ. Такъ, на основаніи одного только выраженія „зашло мое сонечко красное“ г. Б. говоритъ о мифическомъ отождествленіи жизни человѣка съ солнцемъ. Можетъ быть, когда нибудь и было такое отождествленіе, но въ малорусской причети

оно не оставило слѣдовъ, и опровергаемое авторомъ мнѣніе Чубинскаго о бѣдности фактическаго содержанія въ малорусской причети сохраняетъ вполне свое значеніе. Напрасно также сдѣланъ Чубинскому упрекъ (на стр. 74) въ недостаткѣ „спеціальной подготовки“. Заслуги Чубинскаго, какъ изслѣдователя, заслонены его громадными заслугами, какъ собирателя.

Въ Харьковскомъ Сборникѣ 1888 г. (приложеніе къ Харьковскому календарю) г. Ивановъ напечаталъ небольшую статью (19 стр.) „Народныя представленія и вѣрованія, относящіяся къ вѣстному міру“—матеріалы для характеристики міросозерцанія крестьянскаго населенія Купянскаго уѣзда. Въ небольшомъ введеніи г. Ивановъ различаетъ въ народныхъ обычаяхъ, вѣрованіяхъ и сказаніяхъ двѣ стороны, оригинальную и заимствованную, причѣмъ высказываетъ слѣдующее основательное замѣчаніе: „при собираніи и изученіи этнографическихъ данныхъ, прежде чѣмъ обращаться къ далекимъ сближеніямъ и сравненіямъ, необходимо прочно установиться на родной почвѣ тщательнымъ изслѣдованіемъ мѣстнаго матеріала. Затѣмъ, кромѣ записыванія изъ устъ народа сказаній его и объясненій бытовыхъ подробностей, необходимо извлечь изъ напечатанныхъ уже памятниковъ древней письменности соотвѣтствующій матеріалъ. Онъ можетъ послужить къ болѣе правильному освѣщенію существующихъ народныхъ обычаевъ и міросозерцанія народа, вообще указаніемъ тѣхъ измѣненій въ нихъ, какія внесены на глазахъ исторіи въ бытовую жизнь народа временемъ и измѣнившимися условіями гражданственности.... Встрѣчаясь при изслѣдованіи народнаго міросозерцанія съ нелѣпыми и бессмысленными взглядами и понятіями, не должно относиться къ нимъ съ пренебреженіемъ, а слѣдуетъ, подобно естествоиспытателю, внимательно выслушивать, точно записывать и всесторонне изучать, потому что въ кажущейся нелѣпости могутъ иногда скрываться драгоцѣнныя для характеристики народнаго быта черты изъ первобытной культуры или фактъ, могущій содѣйствовать разрѣшенію одного изъ вопросовъ о древнихъ международныхъ сношеніяхъ“.

Замѣчаніе г. Иванова о необходимости извлеченія изъ старинныхъ памятниковъ письменности этнографическаго матеріала заслуживаетъ полнаго вниманія, особенно въ приложеніи въ старинной украинской письменности, почти не затронутой съ этой стороны. Я раза два—три предпринималъ съ такой цѣлью экскурсіи въ южнорусскую схоластическую литературу. Такъ, изъ „Лиооса“ Петра Могилы мной извлечены кое-какія черты о свадебныхъ обычаяхъ и бракосочетаніи первой половины XVII в. (напеч. въ Киев. Старинѣ 1883, XI, 510—514), изъ сочиненія Петра Могилы, Иоанникія Галатовскаго и Лазаря Барановича извлечено около двухъ десятковъ пословиць (напеч. въ VIII кн. Киевской Старины 1887 г.) и затѣмъ изъ старинныхъ актовъ кое-что извлечено о принесеніи разныхъ предметовъ въ церковь (въ Культ. переживаніяхъ § 2). Но предметъ этотъ настолько интересенъ, что заслуживаетъ полнаго вниманія и цѣльной монографіи. Несомнѣнно, что кое-что любопытное въ бытовомъ отношеніи можно извлечь изъ старинныхъ южнорусскихъ актовъ, напр., вѣтвы въ духовныхъ, названія одежды и жилищъ, религіозныя легенды и т. п. Не слѣдуетъ, однако, возлагать преувеличенныхъ надеждъ на старинную украинскую письменность. Большой поживы она не можетъ дать, наприм., такой поживы, каковую чешскій ученый Зибртъ въ послѣднее время извлекъ изъ памятниковъ старинной чешской литературы, обильной многими любопытными въ фольклорномъ отношеніи проповѣдями.

Г. Ивановъ представляетъ въ своей статьѣ сводъ мѣстныхъ повѣрій о небѣ, землѣ, громѣ, молніи, вѣтрѣ, о разныхъ животныхъ, птицахъ и растеніяхъ. Въ южнорусской этнографической литературѣ такого рода свѣдѣнія были ранѣе въ значительномъ числѣ подобраны въ сборникахъ Чубинскаго и Драгоманова, въ польской литературѣ — въ сборникахъ Густавича, Сяркоускаго и друг. Въ сборникѣ г. Иванова мало новаго. Значеніе этого сборника опредѣляется не обиліемъ и новизной записей, а мѣстной группировкой ихъ, на что указываетъ самъ собиратель. „Въ извѣстныхъ сборникахъ Чубинскаго и Драгоманова, говоритъ г. И., приведено весьма много подобнаго же матеріала, но, стекаясь съ огромнаго района, этотъ матеріалъ слишкомъ, такъ

сказать, расплывлется по обширному пространству, не дает поэтому яснаго представлѣнія о міровоззрѣніи малоросса опредѣленной мѣстности“. Служивая границы изслѣдованія матеріаломъ, собраннымъ въ двухъ—трехъ селахъ, г. И. даетъ довольно ясную картину міросозерцанія крестьянъ этихъ сель.

Въ сборникѣ г. И. есть любопытныя мелочи. Было бы долго перечислять ихъ здѣсь и опредѣлять ихъ научное значеніе. Ограничиваюсь двумя, тремя: „Солнце на гору зайцемъ бѣжитъ, а спускается тройкой коней“ — характерное во многихъ отношеніяхъ повѣрье, близкое къ литовскимъ повѣрьямъ о близости зайца къ солнцу, о чемъ подробно смотр. въ ст. *Н. Сумцова* „Заяцъ въ народной словесности“. Легенды о царѣ Папаримѣ— оригинальный вариантъ апокрифа объ избіеніи младенцевъ. Эта легенда вызвала специальное изслѣдованіе *г. Драгоманова* о сказаніяхъ на мотивъ о пожертвованіи своего ребенка въ „Сборникѣ за народни умотворенія“ 1890 г. Повѣрья о созданіи земли и горъ, отмѣченныя въ сборникѣ г. Иванова, представляютъ варианты космогоническаго сказанія, подробно разобранныя въ послѣднее время акад. *А. Н. Веселовскимъ* въ цѣломъ рядѣ статей. Весьма интересно, между прочимъ, сказаніе о Донѣ Ивановичѣ и Донцѣ Ивановичѣ, относящееся къ мало разработанному въ наукѣ циклу сказаній и пѣсенъ о южнорусскихъ рѣкахъ.

Въ „Харьковскомъ Сборникѣ“ 1889 г. П. В. Ивановъ помѣстилъ обширную статью „Народные обычаи, повѣрья, примѣты, пословицы и загадки, относящіяся къ малорусской хатѣ“ (30 страницъ). Несомнѣнно, это самый подробный, вообще лучший изъ существующихъ сборникъ повѣрій, связанныхъ съ хатой. Собранныя въ статьѣ матеріалы записаны въ Купянскомъ уѣздѣ г. Ивановымъ и сотрудниками его, учителями и учительницами сельскихъ училищъ. Въ началѣ статьи г. И. говоритъ о семейныхъ раздѣлахъ у малоруссовъ и объ участіи въ нихъ женщинъ, о выборѣ мѣста для хаты, гаданіяхъ „закладчинѣ“ и обхожденіи съ плотниками, обрядномъ подниманіи сволокѣ („сволокочинѣ“), о плотникахъ—знахаряхъ, о „клинцованіи“ (вбиваніи клинчиковъ и обмазкѣ глиной) и побѣлѣхъ хаты и о пе-

реходѣ въ новую хату. Далѣе идетъ весьма обстоятельный обзоръ частей хаты: печи, двери, порога, овна, и обзоръ повѣрій, относящихся къ мебели и посудѣ. Въ заключеніе приведено сто загадокъ, относящихся къ хатѣ и хозяйству малоросса. Въ статью вошло нѣсколько легендарныхъ разсказовъ, какъ Богъ научилъ людей строить хату, а ап. Петръ кузнечному ремеслу. Особенно много интересныхъ повѣрій о печкѣ, повѣрій, отчетливо отражающихъ въ себѣ древній культъ огня. При этомъ отмѣченъ рядъ лѣченій болѣзней—съ помощью печи. Въ числѣ загадокъ попадаются новыя или варианты извѣстныхъ, интересные по мифологической основѣ, напр., „поле немиряне, вивци нещитани, пастухъ рогатый“ (звѣзды и луна). Эта загадка легла въ основу прекраснаго стихотворенія В. А. Жуковского.

На пажити необозримой,
 Не убавляясь никогда,
 Скитаются несчастными
 Серебруныя стада.
 Въ рожекъ серебряный играетъ
 Пастухъ приславленный къ стадамъ;
 Онъ ихъ въ златую дверь выпускаетъ
 И счетъ ведетъ имъ по ночамъ.

И надочета имъ не знала,
 Пасеть онъ ихъ давно, давно.
 Стада поитъ вода живая
 И умирать имъ не дано.
 Они одной дорогой бродятъ
 Подъ стражей пастырской руки.
 И овны ихъ тамъ находятъ,
 Гдѣ находили старики.

Въ статьѣ г. Иванова нѣтъ внѣшняго описанія хаты, и въ этомъ отношеніи нужно обращаться къ 7 тому „Трудовъ“ Чубинскаго, а при широкихъ изученіяхъ и къ нѣкоторымъ другимъ сборникамъ, напр., къ I т. „Рокисіе“ Кольберга, къ изданному херсонскимъ земствомъ описанію с. Покровскаго (Балай-тожь) и др. Литература о хатѣ невелика и разбросана по разнымъ изданіямъ, большею частью малоизвѣстнымъ и малодоступнымъ. Особенно мало рисунковъ.

Малорусская хата не подвергалась историческому и сравнительно этнографическому изученіямъ. Если не ошибаюсь, мои замѣтки „Къ исторіи хаты“, Надписи на сволокахъ“, „засовка“, „Печь и огонь, какъ талисманы“—замѣтки, вошедшія въ „Культурныя переживанія“, представляются пока единственными попытками такого рода изученія хаты. Предметъ этотъ, однако, настолько интересенъ во многихъ отношеніяхъ, что заслуживаетъ спеціальной монографіи, въ которой были-бы собраны,

провѣрены и разобраны факты филологическіе, историческіе и сравнительно-этнографическіе, которые въ совокупности объяснили-бы, въ какой послѣдовательности и подъ какими вліяніями сложился типъ крестьянской малорусской хаты. Для такой работы матеріалъ и пособія подготовлены западно-европейскимъ фольклоромъ, давшимъ въ послѣднее время цѣлый рядъ статей и замѣтокъ объ устройствѣ жилищъ. Иностранная литература указана извѣстнымъ чешскимъ ученымъ г. *Зибромъ* въ 4 № „*Česky lid*“ 1892 г. (сочиненія Мейцена, Лася и Геннинга по исторіи нѣмецкаго дома, Гейкеля—о домѣ финновъ и черемисовъ, Беценбергера—о литовскомъ, Карловича—о польскомъ и др.). О польскихъ и литовскихъ хатахъ много замѣтокъ въ журналѣ „*Wisła*“ за послѣдніе два—три года, о французскихъ—въ журналѣ *Revue des traditions populaires*. На сочиненіе г. *Тихова* о болгарскомъ домѣ мы уже указывали при обзорѣ сочиненія А. А. Потебни „Къ исторіи звуковъ“.

Возвращаясь къ статьѣ г. Иванова о повѣрьяхъ, связанныхъ съ хатой, мы должны замѣтить, что въ этой спеціальной области, т. е. относительно повѣрій, этотъ трудъ г. Иванова отличается полнотой содержанія и представляетъ цѣннымъ вкладомъ въ этнографію.

Въ томъ-же 1889 году П. В. Ивановъ помѣстилъ въ III кн. Этнографическаго Обзорія статью „*Сила родительскаго проклятiя по народнымъ разсказамъ Куянскаго уѣзда Харьковской губ.*“ (41—53). Въ статьѣ приведено 11 народныхъ разсказовъ о силѣ родительскаго проклятiя. Проклятый быстро чахнетъ и умираетъ, или превращается въ дерево, или въ животное (волка); П. А. *Янчукъ* въ примѣчаніи къ статьѣ г. И. останавливается на двухъ мотивахъ о дѣвучкѣ—тополѣ и о томъ, что проклятаго сына земля не принимаетъ. При разсмотрѣніи перваго мотива г. Я. указываетъ на тѣ повѣрья о превращеніяхъ въ растенія, которые нашли мѣсто въ „*Метаморфозахъ*“ Овидія. О превращеніяхъ въ растенія см. еще замѣтку Н. Сумцова въ III кн. Этнограф. Обзорія 1889 г. (о розмай-зильѣ) и обширное сочиненіе г. *Мандельштама* „Опытъ объясненія обычаевъ“ (1882 г.). Г. *Янчукъ*

повѣрять о томъ, что земля не принимаетъ проклятаго родителями, сближаетъ съ польскимъ сказаніемъ, что дитя, осмѣлившееся поднять руку на родную мать по смерти выставляло изъ могилы руку, пока мать, по совѣту священника, не выскла розгою виновную руку. Розга, воткнутая въ землю, выросла въ большое дерево, причемъ все сказаніе приурочено было къ одной плакучей березѣ подъ Грыжиной близъ Косцяны въ Познани. Интересная статья г. Карловича объ этомъ сказаніи напечатана въ „Вислѣ“ 1888 г. Можетъ быть, это сказаніе проникло къ полякамъ отъ нѣмцевъ, у которыхъ сказаніе о рукѣ изъ могилы весьма популярно (*Ziebrecht, Zur Folkskunde, 343; Krause, Zeitschr. f. Ethnol. 1883 стр. 83, Decke, Lübsische Sagen § 153*).

Помимо частныхъ мотивовъ, заслуживаетъ вниманія общая мысль, проникающая всѣ рассказы, мысль о высокомъ значеніи родительской власти, въ особенности материнской молитвы или проклятiя. Въ народныхъ сказаніяхъ, сообщенныхъ г. И., отражается, очевидно, та-же мысль, которая ранѣе, въ періодъ расцвѣта народнаго поэтическаго творчества, выразилась въ превосходныхъ думaxъ объ Алексѣѣ Поповичѣ и бурѣ на Черномъ морѣ, о вдовѣ и трехъ ея сыновьяхъ, объ Ивасѣ Вдовыченкѣ (или Коновченкѣ)—это въ южной Руси, а въ Руси сѣверо-восточной—въ былинахъ объ отгѣздѣ Ильи Муромца, въ особенности характерно въ Повѣсти о Горѣ—Злосчастiи, безымянный герой которой наказуется за то, что не послушалъ наставленій родителей, ни добрыхъ людей, какъ Коновченко наказуется за то, что не послушалъ совѣтовъ ни матери, ни полковника. Этотъ народно-поэтический мотивъ былъ такъ силенъ, что наложилъ свою руку и на старинныя литературныя памятники, на Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ неизвѣстнаго автора и на современную ей духовную драму Симеона Полоцкаго о блудномъ сынѣ.

Въ 1890 г. П. В. Ивановъ помѣстилъ въ харьковскомъ сборникѣ—сборникѣ *народныхъ рассказовъ о кладахъ* (48 страницъ), записанныхъ сельскими учителями и учительницами въ Купянскомъ уѣздѣ. Малороссія—классическая страна кладовъ;

здѣсь дѣйствительно ихъ много и въ особенности много народныхъ рассказовъ о кладахъ. Эта любопытная область фольклора, гдѣ *wahrheit* и *Dichtung* переплелись между собой весьма тѣсно, впервые подробно разсмотрѣна г. Ивановымъ. До сборника г. Иванова было нѣсколько сообщеній у Чубинскаго, Рубликовскаго, Кольберга, Я. Новицкаго, Драгоманова (14 рассказовъ), Киев. Старинѣ, въ разныхъ газетахъ (напр. Харьк. Вѣд. 1887, № 146) и въ разныхъ провинціальныхъ этнографически-статистическихъ изданіяхъ (напр., въ Опис. Черниг. епархіи Филарета V, 218). Г. Ивановъ даетъ 75 рассказовъ, записанныхъ непосредственно изъ народныхъ устъ, причемъ рассказы эти распределены по яснѣйшей системѣ, вслѣдствіе чего этотъ трудъ г. И. заслуживаетъ вниманія не только любителей фольклора, но и вообще изслѣдователей мѣстной старины. Въ рассказахъ обнаруживается страсть малоруссовъ къ кладоискательству, раскрываются мѣстныя бытовыя особенности, историческія воспоминанія и кое-какія мифологическія черты.

Въ началѣ статьи г. И. говоритъ, что повѣрья и рассказы о кладахъ могутъ послужить основаніемъ для разнородныхъ соображеній, выводовъ и сближеній. Въ нихъ можно отмѣтить черты локализациі небесныхъ явленій, вѣры въ силу челоуѣческаго слова, анимизма и демонологіи. При этомъ г. И. доказываетъ мнѣніе, что нѣкоторыя повѣрья и сказки о кладахъ могли возникнуть подъ вліяніемъ изображеній на старинныхъ монетахъ на творческую фантазію народа. Такъ, на лицевой сторонѣ древнихъ киевскихъ монетъ находится изображеніе сидящаго старика, отъ шеи и отъ рукъ котораго идутъ ряды колець, принимаемыхъ нѣкоторыми нумизматами за украшающіе одежду жемчужные шнуры; они легко могли быть приняты за цѣпи, которыми прикованъ къ сидѣнію старикъ, и вызвать повѣрье, что это серебро старика, прикованнаго и стерегущаго кладъ. На другихъ древнихъ монетахъ княжескаго періода встрѣчаются изображенія разныхъ четвероногихъ животныхъ и птицъ, которыя также могли потомъ считаться охранителями кладовъ.

Обращаясь къ народнымъ рассказамъ, г. Ивановъ группируетъ ихъ въ такомъ порядкѣ:

1) Разказы о томъ, кто зарывалъ клады и какими обрядами сопровождалось зарываніе ихъ. Зарывали разбойники, или татары, или турки, съ заклятіями. •

2) Когда и въ какомъ видѣ выходятъ изъ земли клады. Выходятъ весной или подъ большіе праздники, они являются людямъ или въ видѣ дряхлаго старика, или въ видѣ животнаго. Въ видѣ старика кладъ является въ 7 разказахъ, причемъ въ однихъ случаяхъ старикъ служить прямымъ олицетвореніемъ клада, въ другихъ—даетъ деньги или совѣтъ, какъ вырыть кладъ. Въ 5 разказахъ кладъ является въ видѣ коня, въ 2—собаки, 2—быка, 2—барана, 2—свиньи, 4—пѣтуха, 10—квочки. Нѣсколько разказовъ о свѣчѣ надъ кладомъ, о томъ, что его можно взять только по назначенію, съ молитвою. Описаніе приемовъ, какъ взять кладъ. Перечень 12-ти страховъ, какими черти пугаютъ людей, намѣреющихся сорвать цвѣтъ папоротника. Отмѣчено нѣсколько случаевъ упорнаго исканія клада. Приведены народныя указанія на мѣста нетронутыхъ кладовъ.

Нѣкоторые разказы вызываютъ частныя сравненія, напр., разказъ о томъ, какъ мужикъ для полученія заклятаго клада долженъ былъ вспахать поле двумя пѣтухами.

Во II т. Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества (1890 г.) П. В. Ивановъ помѣстилъ „*Игры крестьянскихъ дѣтей въ Кулянскомъ уѣздѣ*“. Въ ряду другихъ сборниковъ малорусскихъ дѣтскихъ игръ сборникъ г. Иванова выдается по полнотѣ и подробности въ описаніи игръ. Всѣхъ игръ 95, именно: 15 игръ съ палками, 10 съ мячемъ, 4 съ ножичкомъ, 8 съ дощечками, камышками или косточками, 3 съ жгутомъ, 4 въ куплю-продажу, 21 съ ловлею (прятки, жмурки), 4 въ адъ и въ рай, 6 игръ съ гонкою и 13 игръ съ переговорами и припѣвками. Г. Ивановъ исключилъ воспроизводительныя игры, т. е. игры, въ которыхъ дѣти подражаютъ взрослымъ. Это исключеніе представляется неправильнымъ. На подражательныхъ играхъ можно прослѣдить, какія бытовыя и общественныя явленія въ настоящее время дѣйствуютъ на умъ и воображеніе дѣтей, что вносить школа.

Г. Ивановъ ограничивается замѣчаніемъ, что дѣвочки воспроизводятъ обыкновенно занятія и слова матерей, мальчики-отцовъ; иногда они воспроизводятъ явленія общественной жизни, судъ и расправу, церковныя процессіи. По наблюденіямъ г. И. для взрослой деревенской молодежи игры на воздухѣ потеряли свою привлекательность. Подъ описаніемъ каждой игры указано мѣсто, гдѣ она записана. Употребляемые при играхъ терминны, приговоры занесены въ текстъ буквально. Собиратель пользовался для сравненій сборниками Сахарова, Терещенка и Чубинскаго. Указываю здѣсь литературу предмета.

1) *Сахаровъ*, Сказанія русскаго народа, 1837; во 2 части помѣщено 62 игры.

2) *Терещенко*, Быть русскаго народа, 1848, въ IV томѣ масса игръ—223, въ томъ числѣ собственно дѣтскихъ 27.

3) *Чубинскій*, Труды этногр.-стат. экспед. въ зап.-рус. край, т. III (1872 г.) 58 игръ и въ IV (1877) 28, всего 86.

4) *Сементовскій* въ Маякѣ 1843 г. XI, дѣлаетъ обзоръ слѣдующихъ дѣтскихъ игръ въ полтавской и черниговской губерніяхъ: король, перепелка, галка, щитка, укравъ рипки, дробушка, воронъ (подробное описаніе); упоминаются игры въ хрещикъ, гуси, доволаза, горидубъ и шесть игръ въ мячъ (въ гилку, стѣнку, ваши, свинку, горобця и городка).

5) *Срезневскій* въ Маякѣ 1843, XI, подробно описалъ игру въ короля; упоминаются кривой танецъ, кострубоньки и нѣкот. др.

6) *Метлинскій* въ Маякѣ 1843, XI, упоминаетъ объ игрѣ въ крашанки или на-вбитки.

7) *Максимовичъ*, Дни и мѣсяцы украинскаго селянина (напеч. въ Русской Бесѣдѣ 1856 г., потомъ во 2 т. Собр. соч. 1877 г.). Здѣсь приведены слѣдующія дѣтскія и дѣвическія игры, съ превосходными историческими и бытовыми комментаріями: 1) дзвонця (съ приказкой о татарахъ), 2) танци, или ворогоды, круговые и ключевые, 3) перепелка, 4) залюшка, 5) выступецъ (съ историческимъ именемъ Вишневецкаго), 6) просо сѣять, 7) шумъ (эта игра связана съ Днѣпромъ), 8) дѣтская приказка при купаньѣ въ рѣкѣ, 9) завиваніе вѣнковъ (троицкое), 10) сухой дубъ, 11) дробушки (игра эта связана

съ русалками) и 12) кострубонько, (стр. 471, 474—479, 496, 505—509, 514, 521). Игры, запис. Максимовичемъ, относятся къ Кіевской губерніи, къ Наднѣпровью.

8) *Шейковскій*, бытъ Подолянъ 1860 (вып. I). Здѣсь приведено нѣсколько весеннихъ игръ и пѣсенъ, съ приложеніемъ мало идущихъ въ дѣлу замѣчаній о міросозерцаніи древняго человѣка.

9) *Свидницкій*, въ статьѣ „Великдень у подолянъ, нап. въ окт. и нояб. книжкахъ „Основы“ 1861 г., подробно описываетъ слѣдующія парубоцкія игры: 1) шила быты, 2) кашу варыты, или въ коня граты, 3) харлай, 4) довга лоза (парубоцкій и дѣвичій варианты игры), 5) чортъ, 6) дзвонця (то же, что „вежа“ Лозинскаго), 7) игры въ мячъ, 8) въ просо, 9) въ дзвена, 10) въ баштана, 11) въ нимця, 12) жмурки, или пжмурки (подробное описаніе), 13) кривой танецъ, 14) горошокъ, 15) зайнъва, 16) шумъ, 17) жельманъ (весьма подробное описаніе), 18) кострубонько, 19) колодій. Въ этнографическомъ отношеніи статья Свидницкаго (особенно сдѣланное имъ описаніе дѣтскихъ и парубоцкихъ игръ) представляется весьмацѣнной.

10) *Лозинскій* въ „Зорѣ Галицкой“ 1860 г. (львовское изданіе) описалъ слѣдующія весеннія (великодныя) игры галицко-русскихъ крестьянскихъ молодыхъ людей и дѣтей: 1) мала купа, 2) вежа (становятся другъ на друга), 3) проба писановъ, 4) млынокъ, 5) качало, 6) проба ланцюха, 7) гусакъ, 8) кручокъ, 9) воробчикъ, 10) мышка, 11) колесо, 12) дѣдъ, 13) чадо, 14) впускъ до раю, 15) галья. Кромѣ того, приложено 5 игорныхъ пѣсенъ, изъ коихъ одна относится къ игрѣ въ кострубоньку.

11) *Миркевичъ*, Обычаи и повѣрья малороссіянъ, 1860 г. На стр. 70—77 описаны игры: 1) воронъ, 2) перепелка, 3) король, 4) дурне колесо, или укравъ рипки, 5) дробушка, 6) галка, 7) щитка, 8) просо, 9) макъ, 10) деръ-деръ, и затѣмъ упоминаются горѣлки, бабки и кулачный бой. Описаніе помянутыхъ игръ почти дословно взято у Сементовскаго (изъ Маяка 1843 г.).

12) *Лисенко*, Молодоци, 1875 (Кіевъ). Здѣсь приведено нѣсколько игръ и приложены мелодіи веснянокъ и игорныхъ пѣсенъ.

13) *Bykowski* во 2 т. „Zbiór wiadom. do autrop. krajow.“. 1878 г. описалъ весеннюю дѣвичью игру „кусть“ въ окрестностяхъ Пинсва, приче́мъ привелъ 12 сопровождающихъ эту игру пѣсенъ. По языку пѣсни вполнѣ малорусскія. Объ игрѣ въ „кусть“ говорится, между прочимъ, въ соч. г. Мандельштама. „Опытъ объяс. обыч.“ с. 228.

14) *Moszynska*, Курајло, w Zbiór wiadom. do autrop. krajow. 1881. V. Здѣсь описаны: 1) вязаніе колодокъ (съ пѣснями), 2) володарь, 3) кривы́й танецъ, 4) шумъ, 5) ма́гъ, 6) зайчикъ, 7) нелюбчикъ, 8) царенко, 9) ввась, 10) краска, 11) пизмурокъ, 12) бжолы, 13) блохи, 14) жу́къ, 15) мышка, 16) жинка, 17) гри́бъ, 18) шулякъ, 19) гуси, 20) реготунъ, 21) хрещикъ, 22) карапусныця, 23) силь, 24) довга лоза, 25) верниголова, 26) воромысло и 27) шука. При многихъ описаніяхъ приведены игорныя пѣсни. Всѣ игры записаны въ окрестностяхъ Бѣлой Церкви кiev. губ.

15) *Kolberg*, Pokucie I 1882. Въ отдѣлѣ „Zabawy na Wielkden“ находятся описанія дѣвичьихъ игръ: 1) воробей, 2) огирокъ, 3) вербовая доска, 4) жу́къ, 5) мужъ и жинка, 6) ко-струбъ, 7) дидъ и баба, 8) рынокъ, 9) перепелочка, 10) диво-роюваты, 11) жельманъ, 12) жинка, 13) воротарь, 14) журыло, 15) круты́й рыдъ, 16) горщикъ, 17) сосненька, 18) ворота, 19) грушка, 20) сваты, 21) бильце, 22) билоданчикъ, и парубокія: 23) деркачъ, 24) дзвинъ, 25) хвистъ, 26) котъ, 27) лозы, 28) лубокъ, 29) перескички, 30) пынки, 31) шекало, 32) крамарь, 33) монастырь, 34) зграя, 35) Богъ и дидко, 36) дидъ, 37) шипорни, 38) плазъ, 39) вакъ и копецъ. Дѣвичьи игры сопровождаются пѣснями, къ которымъ приложены ноты. Игры №№ 1, 2, 3, 4, 9, 11, 13, 18, 23 приводятся въ нѣсколькихъ вариантахъ, такъ что всѣхъ №№ у Кольберга считается не 38, а съ вариантами 62. Описаніе игръ сдѣлано съ свойственной Кольбергу точностью.

16) *Потебня*, Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ, 1883 г. Здѣсь находятся обширныя и въ высокой степени цѣнныя въ научномъ отношеніи изслѣдованія слѣдующихъ весеннихъ игръ и пѣсенъ: 1) сѣянье проса, 2) во-

рота, 3) воротарь, 4) мосты, 5) вербовая дощечка и 6) горю-дубъ.

17) *Szablewska*—подробное описаніе игры „Кривой танецъ“ подъ Збаражемъ, въ *Zbiąg wiadom. do antrop. krajow.* 1883. VII.

18) *Сборникъ* матеріаловъ для описанія мѣстностей и племень Кавказа, изд. Управленія Кавказскаго учебнаго округа, т. V. 1886 г. Здѣсь описаны дѣтскія игры и забавы въ Кубанской и Терской областяхъ. Описаніе составлено учителями станичныхъ и городскихъ училищъ, по приглашенію Окружнаго начальства и по иниціативѣ д—ра Е. А. Покровскаго. Этотъ сборникъ дѣтскихъ игръ почти всецѣло вошелъ въ вышедшій вскорѣ сборникъ г. Покровскаго.

19) *Покровскій*, Дѣтскія игры, преимущественно русскія (съ 105 рисунками), 1887 г. Въ этомъ громадномъ и цѣнномъ сборникѣ дѣтскихъ игръ встрѣчаются изрѣдка и малорусскія. Огромное большинство—игры великорусскія; затѣмъ есть игры вотяцкія, калмыцкія, грузинскія. Въ обширномъ „введеніи“ г. Покровскій говоритъ объ историческомъ, этнографическомъ и педагогическомъ значеніяхъ дѣтскихъ игръ. Пѣсни исключены, поговорокъ почти совсѣмъ нѣтъ; отдѣльныхъ техническихъ словъ въ сборникѣ г. Покровскаго весьма мало.

20) *Исаевичъ* собралъ въ окрестностяхъ г. Переяслава значительное число дѣтскихъ игръ, которыя напечатаны были съ предисловіемъ г. Горленка въ іюньской книжкѣ „Кіевской Старины“ 1887 г. Здѣсь находимъ: 1) Игры въ мячъ: а) высокій дубъ, или горе-дубъ, б) гилка простая, в) гилка сложная, г) гилка матковая, или матка, д) чортючка, е) каша, ж) яйца пички (великорус. ямки), з) баранъ, и) стинка № 1, і) стинка № 2; 2) Игры въ карты: а) пьяныця, б) свиня, в) видьма, г) визъ, д) дурень, е) неvirный дурень, ж) хвалька, з) цыганъ, и) сыжь, і) хвиль, к) шистъ, л) хлюсть, м) нисъ, н) скубки, о) джгутъ, п) манахвейка, р) лава; 3) игры въ палки и кости: а) даровище, б) швайка, в) швайка съ цуркою, г) цурка, д) булка или бурда, е) школубъ или генъ-генъ, ж) тыкало, з) голый у голого, и) шапучка, і) шалахва, к) шкареберть, л) швандыбки, м) шуль, н) скравли, о) палочки, короли, п) пацц (бабви); 4) Игры „Зборная дружина:“ а) коромысло, б) рика, в)

таранъ, г) шуба, д) перевозить бабу, е) пукалка, ж) сивавка, з) плести лозу, и) довга лоза, і) сухій вовкъ, к) мала куча, л) тисна баба, или давить олію, м) куца баба, или ци-ци баба, н) квачъ, о) горилки, п) кони, р) ковзалка, репалка с) спускалка, т) крутилка, у) гуси, ф) воронъ, х) котики, ц) сучка, ч) кулачки. Итого въ короткихъ чертахъ описано 10 игръ въ мячъ, 17 игръ въ карты, 16 игръ въ палки и кости и 24 игры „Зборной дружины“, итого 67 игръ; игры въ карты составляютъ любопытную новинку въ малорусской этнографіи. Пѣсни и поговорки опущены. „Мнѣ едва ли удалось записать и четвертую часть игръ, обращающихся въ названной мѣстности“ (т. е. переславскомъ уѣздѣ), замѣчаетъ г. Исаевичъ въ концѣ своего сборника.

21) *Kopernicki* въ *Zbiór wiadom. do antrop. krajow. XI* 1887 г., въ этнографическомъ описаніи Волыни приводитъ весеннія игры: 1) жена, 2) зайчикъ, 3) нелюбъ и милый и 4) кривой танецъ и затѣмъ дѣтскія игры: 1) горобецъ, 2) рожа, 3) гуси, 4) деревце, 5) прижмурки и 6) основа.

22) *Сумцовъ*, въ сент. кн. „Кіевской Старины“ 1889 г. помѣстилъ краткія замѣтки о слѣд. играхъ: 1) водить тополи, 2) король, 3) вугиклы, 4) воротарь, 5) кострубонько, 6) кулачки и 7) пацы (бабки).

23) *Иксъ*, *Zabawy, gry i tance ludowe w okolicy Międzyzgesa podlasniego*, въ *Wisła* 1889; между прочимъ описаны малорусскія игры въ гуль (бѣгъ парубковъ въ перегонку), ката и щура, крука, войну и кругъ съ Полынкой (Пелагеей?).

24) *Wanke (Anna)*, *Halahicki*, въ *Zbiór Wiadomosci* 1889. XIII; 14 игръ парней и дѣвушекъ: мала купа, вѣжа, млынокъ, качало, проба ланцуха, гусакъ и кручокъ (парубочкія); воробчикъ, мышки, колесо, дидъ, чадо, впускъ до раю и галя (дѣвичья). Подробное изложеніе содержанія этихъ игръ сдѣлано въ I кн. „Живой Старины“ 1892 г.

Для широкихъ сравненій могутъ быть привлечены великорусскія дѣтскія игры въ статьѣ г. Хрущова въ „Извѣст. Геогр. Общ.“ 1885, въ сборникѣ г. Покровскаго 1887 г., въ сборникѣ г. Тиханова въ „Матер. для изуч. крест. быта“ 1889, сербскія

въ „Животерба селяка“ Миличевича III 1877 (30 игръ), болгарскія въ Сборникѣ за народ. умотв. I 1889 (14 игръ) польскія въ „Lud“ Кольберга, томы 2, 3, 5, 9, въ ст. Петрова во 2 т. „Sbiór wiadom. do antrop. krajow“, въ старинномъ соч. Голембювскаго „Gry i zabawky“; для болѣе широкихъ сравненій драгоцѣнный матеріалъ даютъ Либрехтъ въ соч. *Zur Volkskunde*, Тэйлоръ въ соч. „Первобытная культура“, особенно Плоссъ въ соч. „*Das Kind in Brauch und Sitte der Völker*“ 1884 г. и Роланъ въ соч. „*Rimes et jeux de l'enfance*“ и затѣмъ французскіе сборники Тарбе, Бюжо, Пюимегра, Арбо, сборники италіанскихъ дѣтскихъ игръ Анджелети, Форнари, Дальмедичо; еврейскія дѣтскія игры въ *Этногр. Обзор.* 1891 II.

О дѣтскихъ присказкахъ и поговоркахъ игорныхъ см. обильные матеріалы въ *Wisła* 1888 и 1889 годовъ (328, 660 и др.).

Научное значеніе дѣтскихъ игръ, собранныхъ г. Ивановымъ, съ трудомъ поддается общему опредѣленію. При изученіи тѣхъ или другихъ сторонъ фольклора можно пользоваться съ успѣхомъ этимъ сборникомъ. Я позволю при этомъ указать на свои статьи о воронѣ и зайцѣ (въ *Этнограф. Обзор.*), въ которыхъ нашли мѣста двѣ, какъ я думаю, весьма древнія игры, взятая изъ сборника г. Иванова. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ играхъ можно усмотрѣть остатки древняго почитанія силъ и явленій природы (дѣтскія приказки о дождѣ, обращенія къ божьей коровкѣ, или солнышку), можно подмѣтить слабыя историческія воспоминанія (набѣги татаръ), или историко-бытовыя культурныя переживанія (луэъ самострѣлъ, кулачки).

Въ III т. Сборника Харьк. Историко-Филол. Общества (1891 г.) г. Ивановъ помѣстилъ обширный *сборникъ народныхъ разсказовъ о вѣдьмахъ и утыряхъ*. Изъ краткаго предисловія г. И. видно, что сборникъ составлялся въ теченіе 14 лѣтъ изъ матеріаловъ, доставленныхъ учителями и учительницами сельскихъ училищъ. Въ началѣ сборника приведены общія народныя понятія о вѣдовствѣ; затѣмъ слѣдуютъ 14 пріемовъ опредѣленія вѣдьмы, раздѣленіе ихъ на родимыхъ и робленыхъ, о полетахъ ихъ на шабашъ, оберегахъ коровъ (нѣсколько разсказовъ о собакахъ ярчукѣ), много разсказовъ объ оборотничествѣ вѣдьмы чаще

всего въ бѣлую собаку, иногда въ свинью, клубокъ, кошку, колесо, муху, яблоко.—Далѣе слѣдуютъ разказы о томъ, какъ вѣдьмы обращали людей въ животныхъ, производили засуху, о смерти и посмертныхъ явленіяхъ вѣдьмы. Сборникъ оканчивается немногими разказами объ упыряхъ. Наиболѣе обширный и цѣнный отдѣлъ—сказки о превращеніяхъ. Многія сказки въ этомъ сборникѣ г. Иванова представляютъ историко-литературный интересъ, напр.: сказка о злой женѣ и ея мужѣ, весьма сходная съ сказкой „Диковина“ въ сборникѣ Манжуры, подробно разсмотрѣнной нами въ другомъ мѣстѣ, сказка о ѣздѣ парубка на вѣдьмѣ, смерти ея и чтеніи надъ ней въ церкви псалтыри—сказки типа Гоголевскаго Вія, уже разсмотрѣнной нами въ мартовской Кн. Кіев. Старины 1892 г., цѣлый рядъ сказокъ на тему „Гусара“ А. С. Пушкина и др.

Литература предмета весьма обширна. Въ томъ же III т. Сборника я помѣстилъ библиографическій указатель сочиненій о вѣдьмахъ и упыряхъ въ 408 №№ (204 соч. на русскомъ языкѣ, 83—нѣмецкомъ, 58—французскомъ, 33 польскомъ, 11 италіанскомъ, по 6 на англійскомъ и чешскомъ, 4 болгарскомъ, 2 сербскомъ и 1 на латинскомъ). Нѣтъ надобности здѣсь пояснять, что эта библиографія далеко не исчерпываетъ предмета, чрезвычайно сложнаго и обширнаго. Отсылая интересующихся фольклоромъ къ этому указателю, я отмѣчу здѣсь, что о малорусскомъ колдовствѣ съ наибольшей подробностью, не считая г. Иванова, говорятъ Кольбергъ въ III т. „Rokucie“ Антоновичъ въ 1 т. „Трудовъ“ Чубинскаго, Драгомановъ въ Малор. нар. преданіяхъ, Чубинскій въ 1 т. „Трудовъ“, Ефименко въ Кіев. Стар. 1883 VI и XI, Кулишъ во II т. „Записокъ о юж. Руси“, Подберескій въ IV т. „Zbiór Wiadomości“, Рокоссовская въ XIII т. „Zbiór Wiadomości“, Руликовскій (ibid. т. III) и Сумцовъ въ „Культурныхъ переживаніяхъ“.

Какъ минимальное условіе при изданіи новыхъ матеріаловъ о малорусскихъ вѣдьмахъ и упыряхъ, можно поставить предварительное сличеніе ихъ, по крайней мѣрѣ, съ двумя наиболѣе подробными сборниками Иванова и Кольберга.

Однимъ изъ лучшихъ трудовъ г. И. представляется рядъ его статей въ 2 и 4 кн. Этнограф. Обзор. 1890 г. и во 2 кн. 1891 г. подъ заглавіемъ „Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ“. Это сборникъ и въ то же время изслѣдованіе. И по содержанию и по приемамъ изложенія трудъ интересный, одинаково полезный и для этнографа и для изслѣдователя народной словесности, въ особенности по вопросахъ о воздѣйствіи на нее апокрифической литературы. Въ Россіи есть только одинъ сборникъ легендъ Аванасьева, да и тотъ попалъ въ *index librorum prohibitorum* и составляетъ нынѣ библиографическую рѣдкость. И въ настоящемъ случаѣ я не имѣю его подъ руками и сузу о его содержаніи только по обширной рецензіи А. Н. Пыпина въ „Современникѣ“. „Цѣнность всякаго человѣческаго произведенія, говоритъ г. Ивановъ, опредѣляется не только стоимостью матеріала и изяществомъ отдѣлки его, но также и тѣмъ, насколько отражается въ немъ характеръ времени и народнаго быта, насколько оно характерно вообще для своей эпохи и своего народа. Даже въ томъ скудномъ по количеству матеріалѣ, какой собранъ нами въ купянскомъ уѣздѣ, мы находимъ въ обрисовкѣ личности ап. Петра яркія черты, характеризующія малоросса такимъ, какимъ онъ выступаетъ передъ нами въ своемъ прошломъ и какимъ остается отчасти и теперь, не смотря на измѣнившіяся условія гражданственности. Сильно развитое чувство личности, протестующее противъ фатализма, стремленіе къ общественной справедливости, вызывающее неустанное исканіе правды на землѣ, личная инициатива въ возбужденіи и рѣшеніи вопросовъ какъ нравственныхъ, такъ равно и общественныхъ, братская любовь къ людямъ, исключаящая, однако, всякую мистическую темноту, смотрящая прямо на людскіе недостатки,— вотъ важнѣйшія нравственныя черты, отмѣчаемыя въ этихъ легендахъ“. (Этногр. Обзор. 1891, II, 110).

„Нравоучительный элементъ легендъ, замѣчаетъ г. Ивановъ въ другомъ мѣстѣ своей статьи, раскрываетъ передъ нами идеаль не только той среды, гдѣ легенда получила свое начало, но и того общества, гдѣ она пользуется наибольшимъ распространеніемъ, такъ какъ самый фактъ сохраненія и распространенія ея въ

томъ или иномъ мѣстѣ ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что она соотвѣтствуетъ извѣстному настроенію народа, удовлетворяетъ духовнымъ потребностямъ его“.

Всѣ эти замѣчанія, въ сущности основательныя и справедливыя, могутъ быть односторонне понятыми, если относить ихъ исключительно къ малороссамъ. Точно такія же легенды, какія встрѣчаются среди малороссовъ, съ чертами стремленія къ общественной справедливости, исканія правды на землѣ, съ чертами любви къ людямъ, встрѣчаются и у другихъ культурныхъ народовъ, напр., французовъ; въ области легендъ національныя особенности народа несомнѣнно проявляются, но сравнительно въ немногихъ легендахъ; любопытно, что въ легендахъ вполнѣ отсутствуетъ какое-либо вліяніе вѣроисповѣдныхъ различій народовъ.

Отмѣчаемъ вкратцѣ содержаніе легендъ, нашедшихъ мѣсто въ статьѣ г. Иванова, съ указаніемъ на нѣкоторыя однородныя явленія въ словесности другихъ народовъ.

Въ началѣ статьи (1890, II, 143—144) г. Ивановъ дѣлаетъ цѣнное замѣчаніе, что въ нѣкоторыхъ народныхъ легендахъ и повѣрьяхъ ап. Петръ является подъ именемъ *св. Понидилка* въ положеніи райскаго привратника или проводника душъ черезъ огненную рѣку. Г. Ивановъ привлекъ къ сравненію апокрифъ о хожденіи Богородицы по мукамъ. Вѣрованіе въ св. Понидилка стоитъ въ связи съ обычаемъ „понедилкованія“—поста замужнихъ женщинъ по понедѣльникамъ. Объ этомъ обычаѣ была замѣтка г. *Василежа* въ 1 кн. „Кіевской Старины“ 1887 г. и небольшое, но цѣнное изслѣдованіе *Чернышова* въ 4 кн. „Кіев. Стар.“ 1887 г. Чернышовъ возводитъ начало обычая въ глубокую древность, въ эпоху устроенія брачныхъ отношеній по типу моногамическому, когда обычай этотъ могъ имѣть значеніе брака „на три четверти“, т. е., нѣкотораго нарушенія супружескаго цѣломудрія женщины въ пользу тѣхъ мужчинъ, съ которыми она ранѣе жила. Это объясненіе обычая, хотя и обставленное широкими историко-культурными комментаріями, представляется сомнительнымъ. Сообщение г. Иванова о Понидилкѣ бросаетъ на обычай понедилкованія новый свѣтъ, и даетъ

миѣ поводъ высказать предположеніе, что въ обычаѣ понедѣлированія отразилось сильное вліаніе на народную мысль такихъ апокрифовъ, какъ „Хожденіе Богородицы по мукамъ“ и „Павлово Видѣніе“, въ частности легендъ объ ап. Петрѣ.

Легенда о св. Петрѣ и злой женѣ представляетъ варіантъ легенды, напечатанной въ „Малор. нар. преданіяхъ“ Драгоманова подѣ № 27. Содержаніе легенды въ короткихъ словахъ состоитъ въ томъ, что было одно время, когда женщины верховодили въ семьѣ, по желанію ап. Петра, и въ это время одна злая женщина, нанося побой мужу, прибила и странника—ап. Петра, ночевавшаго въ ея домѣ. Г. Ивановъ усматриваетъ въ этой легендѣ отзвукъ существовавшаго нѣкогда главенства женщинъ. Вѣроятноѣ будетъ предположеніе о простой шуткѣ. Подобнаго рода легенды встрѣчаются у другихъ народовъ. Въ польской легендѣ Спаситель и ап. Петръ заночевали въ корчмѣ, когда была тамъ свадьба. Парубки разбудили ап. Петра, спавшаго на кровати съ краю, и заставили его танцовать. Послѣ танцевъ усталый ап. Петръ легъ къ стѣнѣ, чтобы его не беспокоили. Парубки сказали: „Давайте заставимъ танцовать и другого странника, что спитъ у стѣны, и, не обращая вниманія на протесты ап. Петра, снова заставили его танцовать, а Спаситель все время спокойно почивалъ (*Wisła* 1891, 625). Эта польская легенда совпадаетъ съ малорусскими по нѣкоторымъ мотивамъ. Съ малорусской легендой тождественна бѣлорусская о томъ, что у женщинъ была отнята власть за грубое обращеніе съ ап. Петромъ одной злой женщины, въ Смолен. Этногр. Сборникѣ *Добровольскаго* подѣ № 62, и польская сказка въ *Przeгляд Akademicki* 1881, II, 146.

Легенды о богатомъ и бѣдномъ, какъ богатый отказалъ Спасителю въ ночлегѣ, или отказался въ дорогѣ подвести усталаго Спасителя, а бѣдный принялъ, и у бѣднаго же, по волѣ Господа, волки съѣли единственную корову. Ап. Петръ негодуетъ на несправедливость Спасителя. Спаситель сказалъ, что съ этой коровы должна была начаться моровая язва. Легенды такого содержанія весьма популярны. У г. Иванова приведено двѣ такихъ легенды, причемъ во второй встрѣчается нѣсколько вставныхъ мотивовъ, именно мотивъ о своеобразномъ наймѣ бѣднаго

въ работники („за великодный обидъ“), оригинальный мотивъ о побратимствѣ бѣдняка съ ангеломъ, который передавалъ своему побратиму рѣчи Спасителя и ап. Петра. Въ сходной легендѣ, вкратцѣ сообщенной г. Ивановымъ, работнику вмѣсто ангела помогаетъ смерть, ставшая ему названной сестрой послѣ того, какъ онъ далъ ей разговѣться пасхой, полученной имъ вмѣсто платы за цѣлый годъ работы. Четыре легенды разбираемаго мотива напечатаны въ „Малор. нар. преданіяхъ“ Драгоманова, 110—120.

Легенда о краткой, но искренней молитвѣ представляетъ вариантъ двухъ легендъ о томъ, какъ святые молились въ старину, изданныхъ въ „Малор. нар. преданіяхъ“ Драгоманова, стр. 141—142, изъ которыхъ одна записана г. Мурашкѣмъ въ черниг. губ., другая г. Манжурой въ екатериносл. губ. Свою всѣ три легенды: св. ап. Петръ (у г. Ив.), дѣдъ или просто человекъ (въ друг. вариантахъ) замѣтилъ, что какой-то человекъ (у Манжуры голый) перепрыгиваетъ черезъ пенекъ съ одной стороны на другую и обратно, приговаривая: „Оце тобі, Господи, а се мини, Господи!“ Ап. Петръ обучаетъ его молитвамъ. Станный богомолецъ съ трудомъ ихъ усваиваетъ. Когда ап. Петръ удалился, богомолецъ забылъ молитвы, побѣжалъ за нимъ, чтобы подучиться, нагналъ его при переходѣ черезъ рѣку и пошелъ по водѣ, какъ по суху. Увидѣвъ это, ап. Петръ сказалъ пустыннику: „молись, какъ молился“, и поклонился ему. Въ вариантѣ г. Манжуры приведена мораль легенды: „молись по своему та одъ сердца“. Г. Ивановъ замѣчаетъ, что „настоящая легенда представляетъ лучшее объясненіе, почему расколъ старообрядчества не имѣлъ успѣха въ Малороссіи“. Подъ этимъ замѣчаніемъ почтеннаго этнографа скрывается практическій выводъ болѣе широкій, чѣмъ позволяютъ сравнительно-литературные факты. Эта прекрасная и поучительная легенда не чужда и великоруссамъ, не смотря на развитіе среди нихъ раскола старообрядчества. Графъ Л. Н. Толстой передалъ великорусскій вариантъ этой легенды въ разсказѣ о трехъ старцахъ, только и знавшихъ, что восклицать: „трое Васъ, трое насъ, помилуй насъ!“ Прѣзжавшій случайно архіерей научилъ ихъ молитвамъ,

которыя были ими усвоены съ большимъ трудомъ. Забывъ нѣсколько словъ изъ молитвы, старцы побѣжали за архіереємъ по морю, какъ пб-суху.

Основная мысль русскихъ легендъ о краткой молитвѣ разрабатывается также въ легендарной словесности западно-европейскихъ народовъ. Такъ, существуетъ граціозная французская легенда (изъ Нижней Бретани) слѣдующаго содержания: Одна молодая дѣвица (Францева Арбайль) потеряла отца и мать. Она жила въ бѣдной хижинѣ подъ соломенной крышей, и все ея имущество состояло изъ кошки, цыпленка и прялки. При всемъ томъ она была всегда въ хорошемъ расположеніи духа, по праздникамъ утромъ ходила въ церковь, вечеромъ участвовала въ хороводахъ и пѣла. Родители ея были люди порочные и не выучили ее молитвамъ. Она не знала даже молитвы „Отче нашъ“ (ni Pater, ni Noster, comme on dit). Однако она ежедневно утромъ и вечеромъ произносила слѣдующую молитву собственнаго сочиненія: „Да благословитъ Богъ мой домъ и мой очагъ, и да будетъ пресв. Богородица охранительницей моего ложа, а апостолы охранителями моего порога“. Въ селѣ стали замѣчать, что по ночамъ у хижины дѣвицы бываетъ много мужчинъ. Про дѣвушку пошли дурные слухи. Мѣстный священникъ даже сдѣлалъ ей внушеніе относительно соблюденія нравственности. Дѣвушка не признавала за собой никакой вины. Когда, однажды, священникъ ночью пошелъ посмотрѣть, что за люди собираются на ея дворѣ, то увидѣлъ, что 12 апостоловъ стояли на охранѣ ея дома. Мораль же: краткая, но искренняя молитва пріятнѣе Богу, чѣмъ большія молитвы, не отъ сердца сказанныя (*Luzel, Légendes chrétiennes de la Basse-Bretagne, I, 144—147*).

Легенда о томъ, какъ Христосъ съ апостоломъ Петромъ поехалъ (Этн. Об. 1890, IV, 72—74) удачно сопоставлена съ коладками о паханіи поля Христомъ и ап. Петромъ. *Н. А. Янчукъ* въ подстрочномъ примѣчаніи (на стр. 73) указалъ много изслѣдованій и сборниковъ матеріаловъ, заключающихъ въ себѣ эту легенду.

Легенда о томъ, какъ ап. Петръ пожелалъ, чтобы скупецъ подавился хмьбомъ, нашедшая мѣсто въ сборникѣ г. Ив., встрѣ-

чается также, какъ указалъ г. Янчукъ на 78 стр., въ сборникахъ великорусскихъ легендъ Аванасьева, Садовникова и Иванецкаго. Въ сходной французской сказкѣ ап. Петръ скрылъ отъ Христа кусокъ хлѣба. Христосъ, поддерживая разговоръ, не даетъ ап. Петру времени съѣсть хлѣбъ. (*Luzel, Légendes chrétiennes, I, 17*).

Легенда о стоколосѣ тождественна съ ранѣе напечатанными у Чубинскаго I. 84, 154 и Драгоманова, 14. Объ этой легендѣ см. въ ст. *Н. Сумцова „Отголоски христіанскихъ преданій въ монгольскихъ сказкахъ“* стр. 11—12 и статьяхъ *А. Ивановскаго* и *В. Калаша* въ VII вѣ. Этногр. Обзор. 263—265.

Легенда о награжденіи добрыхъ и наказаніи злыхъ представляетъ, какъ указалъ уже г. Янчукъ, вариантъ легендъ въ сборникахъ Аванасьева и Драгоманова. Эта легенда интересна по символической картинѣ ада и рая (криница съ жабами и криница съ чистой водой), возникшей, быть можетъ, подъ вліяніемъ апокрифическаго Видѣнія ап. Павла или другихъ родственныхъ ему апокрифовъ о загробномъ мірѣ. Эта легенда стоитъ въ связи съ разобранной выше легендой о богатомъ и бѣдномъ. Сходныя легенды у Драгоманова, 110—120.

Легенда о Маркѣ богатомъ приведена въ сборникѣ г. Иванова въ двухъ вариантахъ. Г. Янчукъ указалъ въ примѣчаніи на варианты въ сборникахъ сказокъ Аванасьева, Чубинскаго, Драгоманова и Романова. Марко богатый проситъ къ себѣ въ гости Христа и ап. Петра. Когда они пришли въ видѣ нищихъ, Марко не узналъ ихъ и отослалъ къ бѣдной вдовѣ. Господь сказалъ, что къ сыну бѣдной вдовы перейдетъ все состояніе Марка. Маркъ покупаетъ ребенка и бросаетъ его въ лѣсу на снѣгъ; но ребенокъ былъ спасенъ проезжими купцами. Когда онъ выросъ, Маркъ взялъ его къ себѣ въ работники и отправилъ къ женѣ съ письмомъ, въ которомъ находился приказъ убить его; но старикъ (ап. Петръ) переписалъ на дорогѣ письмо, и жена выдала за молодаго человѣка дочь Марка. Наконецъ, Марко посылаетъ зятя на заводъ, гдѣ жили черти, и приказываетъ чертамъ разорвать перваго пришедшаго. Зятя удержала молодая жена, и когда Марко пошелъ на заводъ, то вы-

шелъ первый и былъ разорванъ чертями. Въ вариантѣ Марко бросаетъ ребенка въ море два раза; первый разъ его спасли рыбаки, во второй монахи.

Сказки о Маркѣ богатомъ встрѣчаются у многихъ народовъ подъ другими только заглавіями и большею частью съ замѣной Марка дьяволомъ. Такъ, извѣстна французская сказка такого содержанія „Le fils du diable“ (*Cosquin*, I, 158—165), французская легенда „Saint Etienne“ (ib. II, 231—233), сказка индійская (*Минаевъ*, § 46), греческая (*Налн*, № 68), чешская, вестфальская, венеціанская, занябарская (*Cosquin*, II, 233) Обыкновенно сказки начинаются съ того, что дьяволъ (=Марку) покупаетъ ребенка, и послѣдній дѣлается силачемъ, нигдѣ не можетъ ужитися и разгоняетъ самихъ чертей въ аду. Въ малорусской сказкѣ Марко посылаетъ зятя на заводъ, чтобы его разорвали черти; во французской—хозяинъ мельницы посылаетъ работника на мельницу, гдѣ было 12 чертей; черти разбѣжались отъ страху, и работникъ притащилъ домой мельницу. Сказки о Маркѣ проклятомъ (или богатомъ) переплетаются со сказками о необыкновенномъ наймѣ силача работника.

Легенда о врачѣ и смерти въ сборникѣ г. Иванова связана съ именемъ ап. Петра. Бѣдный крестьянинъ накормилъ ап. Петра и получилъ отъ него такое зелье, что сталъ видѣть смерть у кровати больныхъ и предохранять отъ нея, переворачивая больныхъ головой туда, гдѣ были ноги. Такъ онъ спасъ отъ смерти многихъ больныхъ и нажилъ большія деньги; но въ концѣ концовъ самъ умеръ. Эта легенда встрѣчается у многихъ народовъ, большею частью безъ ап. Петра. Такъ, намъ извѣстны сходныя сказки: великорусская (*Садовниковъ* §§ 88, 92, 104), сербская (*Караджичъ* 145), польская (*Ciszewski* въ IX т. *Zbiog wiadomosci*), ново-греческая (*Carnoy et Nicolaides*, 144, 172), монгольская (*Потанинъ* IV, 498). Къ этому циклу сказокъ тѣсно примыкаютъ сказки и легенды о томъ, какъ Богъ старіеу или старухѣ возвратилъ молодость (сварилъ въ горячей водѣ или въ кузницѣ выбилъ на наковальнѣ молотомъ); таковы французскія легенды у *Luzel* I, 34, 39 и *Cosquin* 30, ново-греческая у *Nicolaides* 61, индійская у *Минаева* § 42, цѣлый

рядъ великорусскихъ и малорусскихъ. Слабый малорусскій вариантъ у Чубинскаго II, 355. Полный вариантъ у Драгоманова 403—406.

Легенды объ ап. Петръ и волкахъ, въ которыхъ ап. Петръ распоряжается волками и назначаетъ, что имъ ѣсть. У г. Иванова приведено двѣ такихъ легенды. Эти легенды или относятся къ Юрію, и имя ап. Петра представляется случайной замѣной, или представляются искаженіемъ одного мотива легенды о богатомъ и бѣдномъ, гдѣ также фигурируетъ волкъ.

Легенда о возникновеніи лжи (или о цыганахъ). Цыганъ просилъ ап. Петра спросить у Бога, какъ жить цыганамъ. Богъ сказалъ: „що знавъ, кажы, не знаю; що чувъ, кажы, не чувъ; що бачывъ, кажы, не бачывъ; що бравъ, кажы, не бравъ“. Легенда записана въ сл. Радьковскіе Пески купян. уѣзда. Г. Ивановъ склоненъ усмотрѣть въ этой легендѣ мнѣніе малороссовъ о цыганахъ, какъ народѣ лживомъ. Это мнѣніе не исключительно малорусское и не характерно для малороссовъ. Во французской легендѣ у Христа и ап. Петра была корова, которая производила часто траву въ сосѣдскихъ поляхъ, такъ что Христось послалъ ап. Петра на базаръ продать корову. Цѣна назначена была небольшая, и покупатели находились; но ап. Петръ всякому покупателю сообщалъ, что корова норовистая, и никто ее потому не купилъ. Когда корова была приведена домой, Христось выбранилъ ап. Петра и сказалъ, что въ этой странѣ нельзя продать коровы, не скрывъ отъ покупателей ея недостатки (*Luzel*, I, 15—16). Бѣлорусская сказка о томъ „якъ Микола и Петръ лошадей на Украинѣ закупляли“ (*Добровольскій* I, 290) заключаетъ въ себѣ также мотивы воровства и лжи въ другой литературной обработкѣ.

Легенды о солдатѣ, съѣвшемъ сердце овцы, приведены въ сборникѣ г. Иванова въ трехъ вариантахъ. Въ двухъ вариантахъ солдатъ, а въ третьемъ священникъ присоединился въ дорогѣ ко Христу и ап. Петру. Спаситель поручилъ солдату зажарить на ужинъ овцу (въ вар. козу), но не ѣсть у нея сердца. Солдатъ овцу зажарилъ и сердце съѣлъ. На вопросъ Спасителя, гдѣ дѣлось сердце овцы, солдатъ отвѣтилъ, что у

ней не было сердца. Вскорѣ Спаситель съ ап. Петромъ и солдатомъ проходили черезъ рѣку, и солдатъ сталъ тонуть. Спаситель нѣсколько разъ спрашивалъ у него, не онъ ли съѣлъ у овцы сердце, но солдатъ отвѣчалъ отрицательно и все болѣе и болѣе погружался въ воду. Спаситель извлекъ его изъ воды. Вскорѣ Христосъ нашелъ мѣшокъ съ деньгами и раздѣлилъ деньги на 4 части, сказавъ, что двѣ части получить съѣвшій сердце. Тогда хитрый солдатъ признался съ цѣлью получить двѣ части. Въ третьемъ вариантѣ священникъ похищаетъ у Спасителя просфору. Во второмъ вариантѣ г. Иванова находится посторонній мотивъ о лѣченіи дочери богатаго человѣка; въ первомъ вариантѣ также особый мотивъ о томъ, какъ Христосъ смолотилъ у одного крестьянина хлѣбъ, спаливъ его соломѣ, а хитрый солдатъ, подражая Спасителю, спалилъ весь хлѣбъ и поплатился за свое корыстолюбіе.

Эта легенда принадлежитъ къ числу весьма распространенныхъ. Г. Янчукъ указалъ на варианты въ сборникахъ Аванасьева, Чубинскаго и Драгоманова. Добавимъ еще слѣдующія указанія: Встрѣчается нѣсколько французскихъ сказокъ на эту тему; крестьянинъ съѣдаетъ печенку барана въ сказкѣ *Le foie de mouton* у *Cosquin'a* № 30 или сердце ягненка въ сказкѣ *Porrant* у *Luzel* № VIII; въ обѣихъ французскихъ сказкахъ находится мотивъ о возвращеніи молодости или лѣченіи болѣзней Христомъ и солдатомъ. Къ этимъ французскимъ сказкамъ ближе стоитъ второй вариантъ г. Иванова. Съ первымъ вариантомъ (объ утопавшемъ солдатѣ) весьма сходна польская сказка изъ-подъ Кракова, въ которой роль солдата играетъ жидъ, укравшій сыръ (*Wisła* 1891, 626). Въ польской сказкѣ нѣтъ мотивовъ о лѣченіи и чудесной молотѣбѣ. Въ испанскихъ сказкахъ солдатъ или крестьянинъ получаетъ отъ Христа наказаніе за такую же провинность; въ швабской и гессенской сказкахъ отъ ап. Петра; въ сказкахъ италіанскихъ выступаетъ таинственный старикъ. Эта легенда встрѣчается у старинныхъ писателей, напр., у Монтана (1551 г.). Въ италіанской новеллѣ XIII в. о Богѣ и жонглерѣ, послѣдній съѣдаетъ козлиныя почки. Въ одной персидской поэмѣ XIII ст. христіанскаго

происхожденія повторяется тотъ же эпизодъ о похищеніи хлѣба (*Cosquin I*, 285—288). Одинъ вариантъ этой легенды проникъ и въ *Gesta Romanorum*, гдѣ поварь, съѣвшій сердце кабана, увѣряетъ потомъ короля, что кабанъ былъ безъ сердца.

Эпизодъ о чудесной молотѣ, извѣстный по русскимъ сказкамъ въ сборникахъ Афанасьева, Драгоманова и Иванова, встрѣчается также въ западно-европейскихъ сказкахъ, напр., во французскихъ въ *Légendes chrétiennes Luzel I*, № 6 и въ *Contes populaires de la Haute Bretagne Sebillot* (пересказана вратцѣ у Люзели).

Сказаніе о томъ, почему на хохлѣ чортова голова въ сборникѣ г. Иванова вставлено въ число малорусскихъ народныхъ легендъ. Эта легенда, повидимому, зашла въ Малороссію изъ Великороссіи, какъ насмѣшка надъ малоруссами, и въ Малороссіи удержалась, какъ объясненіе происхожденія браннаго выраженія „чортова голова“. Содержаніе легенды состоитъ въ томъ, что однажды чортъ бился съ хохломъ; ап. Петръ въ гнѣвѣ снялъ имъ головы. Господь приказалъ понадѣвать имъ головы, и ап. Петръ по ошибкѣ чорту надѣлъ голову хохла, а голову чорта на хохла. Г. Янчукъ въ примѣчаніи на стр. 92 указалъ на аналогичный чешскій рассказъ, съ тѣмъ отличіемъ, что здѣсь роль хохла играетъ баба (*Roubovana baba*). Аналогичная бѣлорусская сказка „якъ Никола бабу разымалъ у драки съ чортомъ“ напечатана въ Смоленскомъ Этнографическомъ сборникѣ г. Добро-вольскаго стр. 288. Сказка эта почти дословно сходна съ чешской и малорусской. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь насмѣшку надъ женщиной въ рендантъ къ стариннымъ поученіямъ о злыхъ женахъ, и затѣмъ мѣстную передѣлку ея въ насмѣшку надъ малороссами.

Два сказанія о происхожденіи великоруссовъ и малоруссовъ построены на апокрифахъ о сотвореніи человѣка и также получили ироническое значеніе. Ап. Петръ лѣпилъ малоруссовъ изъ пшеничнаго тѣста, а ап. Павелъ великоруссовъ изъ желтой глины („отымъ вони и руды“). Собака съѣла пшеничныхъ хохловъ и об.....а глиняныхъ великоруссовъ. Когда Петръ погнался за собакой и ударилъ ее на ярку палкой, то тамъ появился

Хуторокъ, а въ лободѣ, гдѣ лежала собака, появилась цѣлая слобода. Въ другомъ разказѣ свадебные поѣзжане посмѣялись надъ Господомъ и Петромъ и были за то обращены—одни въ вѣчныхъ хлѣборобовъ малороссовъ, другіе въ вѣчныхъ лапотниковъ великороссовъ и третьи въ медвѣдей. Насмѣшки, очевидно, обоюдоострыя, но такъ какъ малороссамъ отдается въ этихъ разказахъ нѣкоторое предпочтеніе, то, можно думать, что и разказы сами возникли въ Малороссіи. Кое-какія сходныя черты въ другихъ разказахъ указаны въ Этногр. Обзор. 1890, IV, 94 въ подстрочномъ примѣчаніи.

Въ сказаніи о происхожденіи малороссовъ отъ собаки, можетъ быть, скрывается глубоко-древняя черта—тотемизмъ. См. по этому поводу статью А. А. Потебни „Слѣпородъ“ и пр. въ „Къ ист. звуковъ“ III, 68—83 и мою замѣтку объ этой статьѣ на одной изъ предыдущихъ страницъ.

Малорусскія легенды, нашедшія мѣсто въ 3-й части статьи г. Иванова (во 2 кн. Этногр. Обзорѣнія 1891 г.), художественны и оригинальны. Вообще, это лучшія страницы этнографической дѣятельности г. Иванова. Въ этихъ легендахъ, большею частью связанныхъ съ двумя растеніями украинской флоры, съ дикимъ цикоріемъ (Петривъ батигъ, *Cichorium intybus*) и васильками (*Oscimum basilicum*), чувствуется свѣжее дуновение народной жизни, поэтическое созерцаніе природы, мѣстами пробиваются черты широкаго гуманизма.

Въ началѣ 3 главы приведенъ одинъ заговоръ, начинающійся словами: „ишовъ судья, за нимъ пырсудья“. Г. Ивановъ остроумно замѣтилъ, что въ этомъ заговорѣ (отъ черелоговъ) и др. подобныхъ названіе *пересудья* относится къ ап. Петру.

Г. Ивановъ сообщаетъ три легенды о растеніи Петровъ батигъ (дикий цикорій). Въ одной легендѣ ап. Петръ отгонялъ этимъ растеніемъ дѣтей, пристававшихъ въ дорогѣ къ Спасителю. Въ другой—сгонялъ имъ съ жита жуковъ. Въ третьей легендѣ ап. Петръ употребилъ дикий цикорій вмѣсто батога, когда пасъ овецъ. Далѣе у г. Иванова слѣдуетъ легенда о томъ, что нѣкогда овцы дрочились, а рогатый скотъ не страдалъ отъ слѣпней, и ап. Петръ, обидѣвшись на пастуха рогатаго скота,

который (пастухъ) не далъ ап. Петру воды, сдѣлалъ такъ, что слѣпни оставили овецъ и стали кусать скотину.

Слѣдующая затѣмъ легенда повѣствуетъ объ установленіи ап. Петромъ поста по просьбѣ женщинъ, недовольныхъ тѣмъ, что мужики поѣдали всѣ ихъ молочные запасы.

Слѣдующая далѣе легенда представляетъ вариантъ сказанія о Долѣ: По волѣ Спасителя красивая и трудолюбивая дѣвушка достается въ жены лѣнивому парню. Близкая сказка въ сборникѣ Аванасьева (III, 425) указана самимъ г. Ивановымъ. Варианты легенды у Драгоманова 123 и въ сборникѣ разсказовъ о Долѣ г. Иванова 1892 г.

Далѣе приведена легенда о томъ, что ап. Петръ допускаетъ въ рай людей различнаго вѣроисповѣданія, если они умерли согласно съ требованіями своей религіи, такъ какъ, по морали легенды, всѣ люди дѣти одного Бога. Г. Ивановъ приводитъ народный вариантъ этой легенды и передачу ея интеллигентнымъ лицомъ въ видѣ историческаго анекдота, связаннаго съ именемъ Фридриха Великаго. Легенда имѣетъ нѣмецкую основу. Она возникла, повидимому, внѣ Малороссіи; характерно, однако, для нравственной личности малороссіянъ, что она ими усвоена и сохранена. Пронизывающая легенду идея о вѣротерпимости, очевидно, пришлась малоруссамъ по сердцу.

Г. Ивановъ привелъ 4 народныхъ разсказа о *василькахъ*, а въ XII кн. Этн. Об. (1892 г.) добавилъ еще одинъ разсказъ. Во всѣхъ разсказахъ обнаруживается дѣйствіе народной этимологіи: цвѣтокъ связанъ съ именемъ Василія; въ одномъ разсказѣ цвѣтокъ получилъ названіе отъ имени Василька, который посадилъ „пахучее зилье“ на мѣстѣ, гдѣ былъ закопанъ крестъ Господень, въ другомъ (Этн. Об. 1892, I, 192) отъ имени дѣда Василька названъ его внучкой, по случайной звуковой ошибкѣ, въ третьемъ отъ имени св. Василія Великаго, будто бы любившаго эти цвѣты, въ четвертомъ отъ имени Василія Блаженнаго, тѣло котораго будто нашли на кладбищѣ въ пахучей травѣ (василькахъ) и въ питомѣ отъ имени мальчика Василька, превратившагося въ это растеніе. Съ первой малорусскою легендой (объ обрѣтеніи креста) весьма сходна болгарская духовная пѣсня

(указана П. В. Ив.). При изложеніи 4-ой легенды (о Васи́ліи Блаженномъ) г. Ив. попутно сообщаетъ преданіе, какъ Васи́лій Блаженный выплеснулъ въ Москвѣ въ окно вино, поднесенное ему царемъ, и затушилъ горѣвшій въ Іерусалимѣ монастырь. Въ историко-литературномъ отношеніи интересенъ рассказъ подъ литерой г (о превращеніи мальчика въ растеніе). Главное содержаніе состоитъ въ томъ, что водяной ужъ женился на дочери лѣсника красавицѣ Машѣ. Это вариантъ чрезвычайно сложнаго цикла сказаній на классическую тему объ Амурѣ и Психеѣ. Варианты Кулиша и Эрленвейна указаны г. Ивановымъ. Предполагая со временемъ посвятить этимъ сказаніямъ особую монографію, я теперь не останавливаюсь на нихъ.

Въ концѣ статьи приведено *два* сказки на мотивъ сказки о *золотой рыбки*, весьма извѣстной въ обработкѣ Пушкина. Въ одной сказкѣ липа даетъ мужику разные блага, за то, что онъ не срубилъ ее („стала въ пригоди“ по малорусскому выраженію), огородила дворъ, старуху жену обратила въ молодую и красивую, поставила его старшиной, становымъ, исправникомъ и, наконецъ, губернаторомъ. Но мужикъ и тѣмъ не удовольствовался и захотѣлъ быть царемъ. Тогда липа обратила его въ медвѣдя, а жену его въ медвѣдицу. Въ другой сказкѣ, болѣе близкой къ Пушкинской, роль золотой рыбки или липы играетъ таинственный кумъ; онъ даетъ бѣдному мужику пшеницы, денегъ, ставитъ его „начальникомъ“, потомъ царемъ и даже богомъ, но съ условіемъ молчать, что бы онъ не увидѣлъ внизу. Мужикъ, замѣтивъ, что братъ утащилъ у брата пшеницу, выранилъ его, нарушилъ такимъ образомъ обѣщаніе, и былъ обращенъ въ медвѣдя, жена его обратилась въ медвѣдицу, а дѣти въ медвѣжатъ. Здѣсь всѣ требованія идутъ отъ жены мужика, какъ въ сказкѣ Пушкина.

Въ обѣихъ сказкахъ люди обращаются въ медвѣдя. Г. Ивановъ замѣчаетъ при этомъ, что въ купянскомъ уѣздѣ кромѣ того извѣстенъ общераспространенный рассказъ о происхожденіи медвѣди изъ человѣка, желавшаго испугать Христа и ап. Петра, когда они проходили по мосту. Оборотничество въ медвѣди встрѣчается часто въ повѣрьяхъ и сказкахъ малоруссовъ

и друг. народовъ. Я нашелъ его въ III т. „*Rokucie*“ *Кольбера*, въ I т. Смолен. Этногр. Сборника *Добровольскаго* (288, 640), у *Чубинскаго* I, 51, *Драгоманова* 5, *Zbiór wiadomości* II, 165, *Этногр. Обзор.* 1890, III, 143; IV, 94, 262; 1891, II, 129, *Сборн. матер. для изученія Кавказа* IX, ч. 2, 107, *Живой Старинѣ* II, 158, въ *Faune populaire* *Ролана*, у *Верещагина* (о вотякахъ, 70), въ „*Очеркахъ сѣв. зап. Монголіи*“ *Потанина*, въ статьяхъ о культѣ медвѣдя г. *Ядринцева* и г. *Гондати*. Имѣемъ ли мы въ малорусскихъ сказаніяхъ о превращеніи человѣка въ медвѣдя остатокъ культа медвѣдя или странствующій литературный мотивъ, основанный на инородномъ культѣ или возникшій въ видѣ объясненія характерной ступни медвѣдя, напоминающей ступню человѣка, отвѣтить на эти вопросы затруднительно, и я лично болѣе склоняюсь на сторону послѣдняго предположенія.

Для опредѣленія содержательности и научнаго значенія составленнаго г. Ивановымъ сборника легендъ нужно принять во вниманіе, что этотъ отдѣлъ народной словесности по разнымъ причинамъ былъ въ забросѣ. Не считая отдѣльныхъ легендъ, вошедшихъ въ сборники *Аванасьева* и *Чубинскаго*, только въ „*Малор. нар. пред.*“ (1876) собрано ихъ значительное число, именно 10 №№. Сравнивая легенды, вошедшія въ этотъ сборникъ, съ легендами въ сборникѣ г. Иванова, нельзя не отдать послѣднему сборнику прямого предпочтенія; здѣсь и легендъ гораздо болѣе, и распредѣлены онѣ въ извѣстномъ порядкѣ. Изъ „*Малор. пред.*“ при сборникѣ г. Иванова можно выдѣлить по оригинальности не болѣе 2 или 3 легендъ, именно подъ № 22 (о нахожденіи подковы), № 23 (о пьяницѣ) и № 25 (о беззаботномъ человѣкѣ). Легенда подъ № 24 (какъ Богъ научилъ прясть жену мужика) представляетъ вариантъ нѣскольکو грубыхъ сказокъ въ сборникахъ *Рудченка* II, № 66 и *Манжуры* (стр. 100).

Въ 4 томѣ Сборника Харьк. истор.-фил. общ. напечатана статья *П. В. Иванова* „*Народные рассказы о Долѣ*“. Народныя представленія о Долѣ и Недолѣ, Горѣ, Злочастіи, Сречѣ давно уже стали предметомъ научнаго изслѣдованія, и въ настоящее время существуетъ значительная научная литература о Долѣ и

сродныхъ съ нею существахъ или сродныхъ олицетвореніяхъ: сюда относятся обширныя статьи Боровиковскаго (въ IV кн. „Чтеній Моск. Общ. Ист. и Древн.“ 1867 г. и отдѣльно), Аванасьева (въ Поэт. возвр. т. III, гл. XXV), Потевни во 2 т. „Древностей“ Моск. Арх. Общ.), Крауса, Веселовскаго (въ „Розысканіяхъ“ вып. V; гл. XIII и въ Этногр. Обзор. 1891 № 2), Васильева (въ 1 т. Этн. Об. 1890 г.) и Довнаръ-Запольскаго (во 2 кн. Этн. Об. 1891 г.). Трудъ г. Иванова представляется по счету восьмымъ, въ ряду другихъ изслѣдованій о Долѣ и естественно возникаютъ вопросы, что онъ вноситъ новаго къ литературу предмета? чѣмъ обусловлено помѣщеніе его въ изданіи научнаго общества? Близкое знакомство съ содержаніемъ статьи г. Иванова побуждаетъ насъ поставить ее въ рядъ лучшихъ изслѣдованій о Долѣ, по богатству собраннаго матеріала, по новизнѣ и оригинальности многихъ его деталей. Какъ всѣ предыдущіе труды г. Иванова по малорусской этнографіи (о легендахъ, дѣтскихъ играхъ, вѣдьмахъ), и статья „Народныя рассказы о Долѣ“ представляетъ собственно собраніе матеріаловъ, извлеченныхъ непосредственно изъ народныхъ устъ. Матеріалы эти разнообразны, обширны и, главное, такъ удачно распределены, что ясно обрисовываются нѣкоторыя характерныя черты народнаго міросозерцанія, и статья, сохраняя характеръ сборника сырыхъ матеріаловъ, получаетъ значеніе научнаго изслѣдованія, составленнаго по первоисточникамъ. Изслѣдованіе г. Иванова распадается на три главы: въ первой главѣ авторъ группируетъ народныя повѣрія и сказки о прирожденной Долѣ. Въ основаніи сказокъ и повѣрій, вошедшихъ въ эту главу, лежитъ древнее повѣрье о Долѣ, какъ душѣ предка. Во 2 главу вошли сказки и повѣрья о Долѣ ангелѣ. Въ 3 главу—сказки и повѣрья о Долѣ какъ душѣ человѣка, или его двойникѣ; къ статьѣ приложено 16 сказокъ о Долѣ, записанныхъ въ разныхъ селахъ купянскаго уѣзда народными учителями и учительницами.

Г. Иванову, работающему въ глухомъ городѣ, остались неизвѣстными наиболѣ крупныя и цѣнныя изслѣдованія о Долѣ Боровиковскаго, Потевни, Крауса и Веселовскаго. Г. Ивановъ,

не выходя из малорусских этнографических материалов, добытых на мѣстѣ, самостоятельно пришелъ въ нѣкоторымъ выводамъ, сдѣланнымъ А. Н. Веселовскимъ по фактамъ западно-европейскаго фольклора. Совпаденіе выводовъ говоритъ въ пользу ихъ основательности. Исслѣдованія А. Н. Веселовскаго о Долѣ составляютъ несомнѣнно самый цѣнный вкладъ въ научную литературу предмета, и если мы станемъ смотрѣть на статью г. Иванова съ высоты этихъ трудовъ, то и въ такомъ случаѣ мы должны признать въ ней полезное научное пособіе: въ однихъ случаяхъ трудъ г. Иванова дополняетъ исслѣдованія г. Веселовскаго характерными этнографическими фактами, въ другихъ вноситъ новые элементы, освѣщающіе предметъ исслѣдованія съ незатронутыхъ ранѣе точекъ зрѣнія. Такъ, г. Веселовскій въ 1 гл. своей статьи о долѣ высказываетъ мнѣніе, что понятіе о долѣ выработалось впервые въ отношеніяхъ рода въ связи съ культомъ предковъ (стр. 177), и это мнѣніе находитъ подкрѣпленіе въ статьѣ г. Иванова, въ первой главѣ, гдѣ собрано много характерныхъ народныхъ повѣрій и сказокъ о прирожденной долѣ и долѣ—душѣ предковъ. Фактическія доказательства, приведенныя у г. Веселовскаго, сравнительно съ данными г. Иванова, скудны и блѣдны, не смотря на то, что ученый авторъ искалъ опоры въ фольклорѣ греческомъ и вотяцкомъ. У г. Иванова чрезвычайно рельефно выступаетъ замѣчательно архаичное народное повѣрье о доляхъ умершихъ съ разграниченіемъ ихъ даже по степени родства, что вводитъ исслѣдователя въ глубь древнѣйшаго родового быта. Четвертая глава исслѣдованія г. Веселовскаго, гдѣ рѣчь идетъ о литературно-христіанскихъ элементахъ въ народныхъ представленіяхъ о Долѣ, можетъ быть дополнена нѣкоторыми народными сказками и повѣрьями, отмѣченными у г. Иванова во 2 главѣ его статьи о Долѣ. Вообще сказки, собранныя у г. Иванова, какъ тѣ 16, которыя помѣщены въ концѣ статьи, такъ и вошедшія въ самый текстъ, заключаютъ въ себѣ много любопытныхъ въ этнографическомъ отношеніи подробностей. Въ сказкахъ подробно разработаны мотивы о томъ, когда можно увидѣть Долю, какъ подчинить ее. Заслуживаютъ вниманія также сказки объ оборотничествѣ Доли, впервые являющіяся въ печати въ полнотѣ и обилии.

Въ статьѣ г. Иванова встрѣчаются интересные детали. Трудно, напр., было думать, что въ народной словесности можетъ оказаться разсказъ или повѣрье на мотивъ лермонтовскаго „Ангела“:

Онъ душу младую въ объятіяхъ несть
 Для міра печали и слѣзъ,
 И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
 Остался безъ словъ, но живой.
 И долго на свѣтѣ томилась она
 Желаніемъ чуднымъ полна,
 • И звуковъ небесъ замѣнить не могли
 Ей скучныя пѣсни земли.

Въ сборникѣ г. Иванова находится такое повѣрье о долѣ ангелѣ: когда младенецъ еще находится въ утробѣ матери, то его ангелъ хранитель питаетъ его и учитъ всему, что онъ долженъ знать для своей земной жизни. Въ моментъ выхода младенца изъ утробы матери на свѣтѣ ангелъ ударяетъ пальцемъ по верхней губѣ младенца, отчего образуется на ней на всю жизнь углубленная дорожка, а младенецъ въ ту же минуту забываетъ все сообщенное ему ангеломъ. Потомъ въ дальнѣйшей жизни человѣка всѣ сообщенныя ему ангеломъ свѣдѣнія постепенно восстанавливаются въ памяти его, если человѣкъ будетъ упражняться въ размысленіяхъ и самонаблюденіяхъ. И тогда изъ такого человѣка выходитъ разумный, великій мужъ; въ противномъ же случаѣ, если человѣкъ ведетъ разсѣянную жизнь и плохо припоминаетъ ангельское ученіе, то и бываетъ малоспособный и съ большими нравственными недостатками (сл. Кабанья. Сообц. учитель П. Марусовъ).

Д о п о л н е н і я .

1) *Біографія П. В. Иванова.* П. В. Ивановъ родился въ 1837 г. въ г. Чугуевѣ (харьков. губ.). По окончаніи курса въ харьковской губернской (нынѣ 1-й) гимназіи въ 1856 г., служилъ вольноопредѣляющимся въ крымскомъ пѣхотномъ полку на Кавказѣ. Съ 1862 г. былъ учителемъ и смотрителемъ уѣзднаго училища въ г. Купянскѣ, а съ 1877 г. инспекторомъ народныхъ

училищъ. Въ 1884 г. вышелъ, по болѣзни, въ отставку. Съ 1871 г. состоитъ дѣйствительнымъ членомъ Общества испытателей природы при харьков. университетѣ и съ 1884 г. членомъ Историко-филологическаго общества при харьков. университетѣ. Не считая этнографическихъ изслѣдованій, въ „Трудахъ“ Общества испытателей природы помѣщены слѣдующія статьи г. Иванова: 1) 1871, IV, Перечень вида клоповъ (*Hemiptera heteroptera*) въ окрестностяхъ г. Купянска; 2) 1872, VI, Перечень перепончатокрылыхъ (*Hymenoptera monotrocha*) въ окрестн. г. Купянска; 3) 1874, VIII, Списокъ тентреднидъ въ окр. г. Купянска; 4) 1876, X, Описание стрекозъ въ окр. г. Купянска; 5) 1881, XV, Списокъ насѣкомыхъ, причиняющихъ въ окрестностяхъ г. Купянска вредъ хлѣбамъ; 6) 1885, XIX, Списокъ кобылокъ (*cicadina*) въ окрестн. г. Купянска и 7) 1888, XXI, Списокъ прямокрылыхъ (*orthoptera*) въ окрестностяхъ Купянска.

2) *Сотрудники П. В. Иванова.* Г. Ивановъ внесъ въ науку народовѣдѣнія массу новаго матеріала и занялъ видное мѣсто среди этнографовъ-собрателей. Крупные результаты достигнуты г. Ивановымъ при ближайшемъ участіи многихъ сотрудниковъ, составившихъ какъ бы мѣстную школу народовѣдѣнія. Самъ г. И. высоко цѣнитъ это участіе и вездѣ указываетъ на него. И мы, заканчивая свой обзоръ этнографическихъ трудовъ г. И., считаемъ своимъ долгомъ перечислить здѣсь сотрудниковъ его. Въ сборникѣ дѣтскихъ крестьянскихъ игръ (1890 г.) г. И. выражаетъ благодарность слѣдующимъ лицамъ, доставившимъ ему матеріалы, учителямъ и учительницамъ народныхъ школъ: Х. Г. Сильченковой, А. А. Склобинской, А. А. Сялобянской 2-й, В. Н. Свѣтъ, М. Е. Аксеняковой, А. А. Ковалевской, Е. П. Гингазовой, В. И. Шовчениной, А. В. Венедиктову, М. Д. Скубаку, А. В. Бабакову, А. Д. Панкратьеву, г. Марусову и Г. Е. Колмійцеву. Въ другихъ сборникахъ г. И. упоминаются еще М. Нетреба, Д. Калининъ, Г. Близно; затѣмъ встрѣчаются записи крестьянъ Бувальца, Рудича, Сухоносова и друг. Здѣсь мы знакомимся съ цѣлой группой мѣстныхъ дѣятелей этнографовъ, почтенныхъ тружениковъ просвѣщенія, работающихъ на двѣ стороны—вверхъ—для людей науки и внизъ—для простаго

народа—явленіе исключительное въ нашей провинціальной жизни, отрадное и поучительное.

Изъ сотрудниковъ г. Иванова самостоятельно выступали въ печати:

В. Н. Свѣтъ въ 1 кн. Этногр. Обзорѣнія 1889 г. небольшая статья о черничкахъ (92—101) въ малорусскомъ селѣ Тарасовкѣ купян. у. харьков. губер. Чернички—дѣвушки, давшія объѣтъ безбрачной жизни. Г-жа Свѣтъ говоритъ о черничкахъ, живущихъ въ одиночку и общинами. Статья содержательная и прекрасно изложена.

М. Д. Скубакъ въ „Харьковскомъ Сборникѣ“ 1890 г. (49—56) помѣстилъ статью „Одежда крестьянъ сел. Араповки купянскаго уѣзда“—описаніе одежды, опредѣленіе стоимости ея и сборничекъ повѣрій и примѣтъ, связанныхъ съ одеждой.

И. И. Манжура.

Записи Ивана Ивановича Манжуры часто встрѣчаются въ лучшихъ этнографическихъ изданіяхъ, сборникахъ и изслѣдованіяхъ 70-хъ и 80-хъ годовъ. Г. Манжура собиралъ великорусскій и малорусскій этнографическій матеріалъ; но такъ какъ районъ его экскурсій губерніи екатеринославская и харьковская, въ которыхъ великорусское населеніе встрѣчается лишь мѣстами, спорадически, то и собранные г. Манжурой матеріалы почти исключительно малорусскіе. Около 200 №№ великорусскихъ пѣсенъ, записанныхъ въ екатеринославской губерніи, переданы г. Манжурой извѣстному этнографу П. В. Шейну. Въ „Русской Старинѣ“ г. Манжура напечаталъ три великорусскія историческія пѣсни: „Осада Смоленска“, „Взятіе Хотина (Кистрина?)“ и „Новороссія“. Большая часть малорусскихъ этнографическихъ матеріаловъ поступила въ 70-хъ годахъ въ Юго-Западный отдѣлъ Географическаго Общества и, по закрытіи отдѣла, была издана отчасти въ „Малор. народ. преданія и разсказахъ“, отчасти въ „Политич. писняхъ украинскаго народа“. Въ 80-хъ годахъ большой матеріалъ (пѣсни и сказки) поступилъ въ харьковское историко-филологическое общество, которое издало главную

часть—сказки, анекдоты и пр. и готовить къ изданію сборникъ пѣсенъ. Кромѣ того, небольшіе матеріалы были напечатаны г. Манжуры въ „Кіевской Старинѣ“, „Этнограф. Обзорѣніи“, „Живой Старинѣ“, „Степи“ и „Екатеринославскомъ Юбилейномъ Листѣ“. Въ общей сложности матеріалы, собранные г. Манжуры, составляютъ весьма цѣнный вкладъ въ науку. Научное значеніе этого матеріала опредѣляется не только его количествомъ, но прекрасными внутренними свойствами, точностью записей и сохраненіемъ мелкихъ фактическихъ деталей.

Достоинства этнографическихъ записей г. Манжуры обусловлены прекраснымъ знаніемъ народной рѣчи и пониманіемъ художественныхъ красотъ ея, что въ частности ярко сказалось въ небольшомъ сборникѣ оригинальныхъ стихотвореній г. Манжуры „Степовы спивы та думы“. А. А. Потебня высоко ставилъ г. Манжуру какъ этнографа и какъ поэта. Онъ редактировалъ его сборникъ сказокъ при печатаніи ихъ во II томѣ „Сборника харьк. историко филол. общества“ и издалъ „Степови думы“. Въ прошломъ (1891 г.) году Общество любителей естеств., антроп. и этнографіи при московскомъ университетѣ избрало г. Манжуру въ дѣйствительные члены во вниманіе къ его заслугамъ по собиранію этнографическихъ матеріаловъ. О новѣйшемъ трудѣ г. Манжуры, сборникѣ сказокъ, изданномъ Ист.-филол. обществомъ, были одобрительные отзымы въ „Этнограф. Обзорѣніи“, „Wista“ и „Revue des traditions populaires“.

Въ Ш т. „Исторіи рус. этногр.“ г. Пыпина на стр. 410 находится краткая замѣтка о небольшихъ статьяхъ г. Манжуры въ „Кіевской Старинѣ“. Мы изложимъ сначала біографію г. Манжуры, затѣмъ остановимся на изданныхъ имъ пѣсняхъ и мелкихъ повѣрьяхъ и, наконецъ, разберемъ по возможности подробно его сборникъ сказокъ.

Біографическій очеркъ составленъ нами по свидѣніямъ, отчасти полученнымъ отъ г. Манжуры, отчасти извлеченнымъ изъ его стихотвореній въ „Степовыхъ спивахъ“. И. И. Манжура—мой товарищъ по гимназій; но мы рано пошли разными путями, и своихъ скудныхъ воспоминаній я сюда не вношу.

И. И. Манжура родился въ Харьковѣ въ 1851 г. Семейная обстановка не благопріятствовала успѣшному ходу его развитія.

Отъ отца И. И. Манжура унаслѣдовалъ болѣзненное состояніе, лишившее его на всю жизнь обезпеченнаго положенія и житейскаго довольства. Въ стихотвореніяхъ „Старый музыка“, „Босядка писня“ и въ особенности въ стихотвореніи „Незвычайный“ ярко просвѣчиваютъ автобіографическія черты. Первоначальное образованіе г. Манжура получилъ во 2 харьковской гимназій. Увольнившись изъ 5 класса, онъ поступилъ въ ветеринарный институтъ, но вскорѣ оставилъ институтъ и въ 1870—1871 годахъ поселился у своего товарища по гимназій И. А. С. въ его имѣніи въ екатеринославской губ. Съ этого времени, первоначально при содѣйствіи г. С., начались этнографическія экскурсіи г. Манжуры по екатеринославской и харьковской губерніямъ. Г. Манжура вошелъ въ самую глубь народной жизни, проживалъ въ крестьянскихъ хатахъ и на пасѣкахъ и посредствомъ самаго тѣснаго сближенія съ народомъ приобрѣлъ то тонкое и обстоятельное знаніе его жизни, рѣчи, внѣшняго быта, которое обнаруживается въ его этнографическихъ записяхъ и степовыхъ думахъ. Въ концѣ 70-хъ годовъ г. М. приобрѣлъ сравнительно большую осѣдлость и проживаетъ большею частью въ Екатеринославѣ. Живаго общенія съ народомъ (въ смыслѣ изученія его) г. Манжура не прерывалъ, и нынѣ, при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ личной жизни, онъ все еще продолжаетъ свои записи, какъ можно убѣдиться изъ его этнографическихъ замѣтокъ въ „Кіев. Старинѣ“, „Этногр. Обозр.“ и „Живой Старинѣ“ прошлаго и текущаго года.

Этнографическіе матеріалы г. Манжуры распадаются на прозаическіе и пѣсенные. Въ особенности обширнымъ и важнымъ оказывается отдѣлъ прозаическій.

Извѣстный сборникъ „Малор. нар. преданія и рассказы“ (1876 г.), послужившій драгоцѣннымъ пособіемъ для многихъ ученыхъ, заключаетъ много записей г. Манжуры. По признанію редактора этого сборника *и. Драгоманова* отъ г. Манжуры поступило „особенно много и все превосходнаго качества“. Такую же оцѣнку сборникъ этотъ встрѣтилъ у *Костомарова* въ „Рус. Стар.“ 1877 и *Ар. Веселовскаго* въ „Древ. и Нов. Россіи“ 1877 г. Г. Манжурой сообщены апокрифическіе рассказы (о

сотвореніи міра, хожденіи Христа и ап. Петра, Андрея Первозванномъ), рассказы о птицахъ (ласточкѣ, сойкѣ, аистѣ) и насѣкомыхъ (комарѣ и оводѣ), извѣстная легенда о стоколосѣ, нѣсколько заговоровъ, много рассказовъ о чертахъ, вѣдьмахъ и упыряхъ, рядъ шутливыхъ сказокъ и анекдотовъ о цыганахъ, великоруссахъ, солдатахъ, нѣсколько историческихъ рассказовъ о Мазепѣ и Паліѣ, о гайдамакахъ, нѣсколько обширныхъ сказокъ, изъ коихъ однѣ миѳическія (поповна въ лѣсу), другія повѣствовательныя (объ умной жепѣ) и нѣсколько загадокъ.

Мелкіе народныя рассказы изъ записей Манжуры разбросаны въ „Кіев. Стар.“, „Степи“, „Этногр. Об.“ и „Жив Стар.“. Отмѣчаемъ здѣсь ихъ вкратцѣ, сначала прозаическіе, а потомъ въ концѣ статьи сдѣлаемъ оцѣнку нѣкоторыхъ пѣсенъ.

Въ „Кіев. Стар.“ 1888, VIII, 50—53 и въ „Живой Стар.“ 1892, I, 80 напечатаны г. Манжурой нѣсколько малорусскихъ рассказовъ о *богатыряхъ* и богатырскихъ коняхъ. Въ „Кіев. Стар.“ г. Манжура сопоставляетъ великорусскихъ и малорусскихъ богатырей и отмѣчаетъ нѣкоторыя черты сходства: малорусскіе лыцари, подобно былиннымъ богатырямъ, исчезаютъ гдѣ-то въ каменной горѣ.

Въ „Кіев. Стар.“ 1889, IX, 763—765, находится замѣчательная малорусская легенда о *Петровомъ батогѣ* съ превосходнымъ комментариемъ г. Манжуры, обнаруживающимъ отличное знакомство автора съ степной новороссійской природой, народнымъ міросозерданіемъ и бытомъ. Варіанты этой легенды отмѣчены нами при обзорѣ статей П. В. Иванова. Этими легендами народъ объясняетъ названіе цвѣтка дикаго цикорія Петровымъ батогомъ и появленіе въ сухое время при восточномъ вѣтрѣ такъ называемой „юги“ (св. Петро вивци гоне). Мы не находили подобныхъ легендъ у другихъ народовъ и свлонны къ предположенію, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ оригинальную малорусскую степную пастушескую легенду, приуроченную къ великому циклу легендъ о хожденіи по землѣ Спасителя и ап. Петра. Искаженіемъ малорусской легенды о происхожденіи юги можно считать бѣлорусскую сказку о томъ, „якъ Микола и Петръ лошадей на Украинѣ закупляли“. Въ

этой грубой сказкѣ трудно узнать мягкую и поэтическую украинскую легенду (см. Смоленск. этногр. сборн. *Добровольскаго*, I, 290).

Въ „Кіев. Стар.“ 1890, I, 124—125 находится цѣнная замѣтка г. Манжуры къ вопросу о *кумовствѣ*, гдѣ опредѣляются степени родства по кумовству, признаваемые народомъ (кумы кыканные, стричаные и одкупные).

Въ „Кіевск. Стар.“ 1890, IV, 161—162 замѣтка о повѣрьяхъ малороссовъ *объ ужѣ, сосущемъ корову*; въ „Кіев. Ст.“ 1890, X, 151 маленькая замѣтка о *полозѣ*; въ „Живой Старинѣ“ 1892, II, 78—79 три разсказа *объ упыряхъ* — варианты извѣстныхъ въ печати. Въ прекратившихся провинціальныхъ изданіяхъ „*Степи*“ (1885—1886) и „*Екатеринославскомъ Юбилейномъ Листѣ*“ (1887) находится нѣсколько мелкихъ этнографическихъ замѣтокъ г. Манжуры, напр. въ 51 № „*Степи*“ 1886 статья о *Купалѣ*.

Главный этнографическій трудъ г. Манжуры „*Сказки, словицы и т. п., зап. въ екатеринославской и харьковской губерніяхъ*“ напечатанъ въ III т. Сборника харьк. историко-филол. общества (1890 г.); въ оттискахъ (200 экземпляровъ) 194 стр. Въ началѣ сборника находится 11 сказокъ животнаго эпоса со многими бродячими литературными мотивами. Остановимся для примѣра на двухъ сказкахъ этого рода, „*Довгомудыѣ*“ и „*Якъ пивныѣ до моря воды ходыѣ*“.

Сказка „*Довгомудыѣ*“ (№ 1) слѣдующаго содержанія: Жили дѣдъ и баба. Всѣ куры ихъ были передавлены хоремъ. Дѣдъ рѣшилъ убить хоря. По дорогѣ ему въ товарищи и помощники поступаютъ кизякъ, лычко, кіекъ, жолудь, ракъ и пѣтухъ. Они вошли въ хату хоря, не застали его дома и спрятались: жолудь въ печь, кизякъ за порогомъ, лычко подъ порогомъ, кіекъ на чердакѣ, ракъ въ помойномъ ведрѣ, пѣтухъ на жердочкѣ и дѣдъ на печкѣ. Когда прибѣжалъ хорь, то жолудь треснулъ въ печкѣ и перепугавшійся хорь бросился къ ведру, гдѣ его ущипнулъ ракъ; хорь соскочилъ на жердь, гдѣ его клюнулъ пѣтухъ, бросился къ порогу, споткнулся о кизякъ, запутался въ лычкѣ и былъ убитъ кійкомъ, упавшимъ съ чердака. Дѣдъ снялъ съ хоря шкуру и ушелъ домой.

Сходная великорусская сказка „Баринъ, пѣтухъ и жорновы“ записана въ самарской губерніи. Въ этой сказкѣ пѣтухъ отыскиваетъ у барина свои жорновы; ему помогаютъ лиса, волкъ, медвѣдь, огонь, вода, которые наносятъ барину вредъ по желанію пѣтуха (*Садовниковъ*, Сказки и пред. самар. края, 169).

Есть весьма сходныя польскія сказки. Такъ, въ одной сказкѣ изъ подъ Кракова дѣйствующими лицами являются конь, волъ, пѣтухъ, котъ и ракъ. Въ другой сказкѣ, записанной у карпатскихъ горцевъ, къ бѣдному мужику присоединяются игла, ракъ, утка, пѣтухъ, свинья, волъ и конь. Они вошли въ одномъ лѣсу въ заклѣтый домъ, гдѣ жили демоны. Конь сталъ въ конюшнѣ, волъ въ сараѣ, пѣтухъ взлетѣлъ на крышу, свинья помѣстилась въ хлѣвѣ, утка подъ печью, ракъ—въ ведрѣ и игла на скамьѣ. Когда пришелъ чортъ и сѣлъ на скамью, игла его уколола; онъ къ водѣ—ракъ ущипнулъ, жолудь лопается и выбиваетъ у чорта глазъ, волъ бьетъ его рогами, конь—копытами и т. д. Чортъ убѣжалъ въ адъ, гдѣ говорилъ, что его уколола игла, а когда онъ хотѣлъ помочить больное мѣсто, кузнецъ (ракъ) ущипнулъ, изъ печи выстрѣлили (жолудь), въ сараѣ ударили вилами (*Zawiliński, Z powiesci i piesni № 5*).

Во французской сказкѣ, записанной въ Лотарингіи, кошка беретъ себѣ въ товарищи пѣтуха, собаку, барана, козла и осла. Въ лѣсу они находятъ домъ воровъ. Воры были перепуганы и разбѣжались, причемъ одного изъ нихъ, который хотѣлъ зажечь свѣчу, кошка оцарапала, пѣтухъ клюнулъ и т. д. Сходныя сказки записаны въ Вестфалии, въ Швейцаріи, у австрійскихъ нѣмцевъ, чеховъ, норвежцевъ, шотландцевъ, ирландцевъ, въ Сициліи и Тосканѣ, въ Испаніи, въ Португаліи и на отдаленномъ востокѣ, въ Японіи и на о. Целебесѣ. Товарищи въ однихъ сказкахъ разгоняютъ демоновъ, въ другихъ воровъ, въ третьихъ волковъ. Въ большинствѣ сказокъ этого разряда товарищество составляютъ одни звѣри, и лишь въ немногихъ являются люди или неодушевленные предметы. Къ польской сказкѣ близко подходитъ нѣмецкая (у Гримма № 41), въ которой также является игла. Подобная сказка находится въ „*Fraschmeuseler*“ Ролленгагена, нѣмецкой поэмѣ 1595 г.

(*Cosquin, Contes popul.* II, n. 45). Очень любопытный японскій вариантъ этой сказки въ русскомъ переводѣ напечатанъ въ газетѣ „*День*“ 1891, № 1270 и въ „*Москов. Вѣдом.*“ 1891 № 332.

Сказка „Якъ пивныкъ до моря воды ходывъ“ имѣеть столь же много родственныхъ въ словесности другихъ народовъ. Содержаніе сказки состоитъ въ слѣдующемъ: Были дѣдъ и баба, а у нихъ пѣтушокъ и курочка. Курочка подавилась зерномъ, и пѣтушокъ побѣжалъ къ морю просить воды. Море потребовало за воду воловьего рога, пѣтушокъ обратился съ просьбой къ волу; но волъ за рогъ потребовалъ дубоваго жолуда, дубъ—липоваго листа, липа—дѣвичьяго вѣнка. Дѣвушки сплели вѣнокъ; липа за вѣнокъ дала листь и т. д., и когда пѣтушокъ раздобылъ наконецъ воды, то курочку черви съѣли.

Въ вариантѣ этой сказки мышка разбила золотое яичко, что вызвало слезы дѣда и бабы и скрипъ дверей. Двери говорятъ причину, почему онѣ скрипятъ, дубу, послѣ того какъ онъ опустилъ свои вѣтки, дубъ—барану, послѣ того, какъ баранъ сбиль себѣ роги, баранъ—рѣчку, послѣ того какъ она стала кровавой, рѣчка—поповской дочери, послѣ того какъ она согласилась побить посуду, которую пришла помыть, дочка—матери, послѣ того какъ она разбросала по хатѣ рачину, и, наконецъ попадья сказала попу, послѣ того какъ онъ отрѣзалъ себѣ косу (*Манж.*, 5—6).

Сходная польская сказка „*O świnie rydze*“: свинья не хочетъ идти съ поля. Пастухъ жалуется на нее собакамъ, на собаку—палекъ, на палку—топору, на топоръ—кузнецу, на кузнеца—веревкѣ, на веревку крысамъ и мышамъ, на мышей—котамъ, на котовъ—собакамъ. Собаки начали гнаться за котами, мыши грызть веревку и т. д. до свиньи, которая должна была пойти домой (*Chelchowski, Powiesci i opowiadania*, I, n. 20). Сходная также польская дѣтская сказка напечатана въ „*Wisła*“ 1890, II кн.

Весьма сходныя сказки записаны во Франціи, Италиі, Германіи, Норвегіи, Испаніи, Португаліи, Румыніи, Греціи и Индіи. Во французскихъ сказкахъ дѣйствуютъ вошь и блоха или мышь, въ испанской—муравей, сицилійской—кошка. Въ румынской сказкѣ являются также дѣдъ и баба, но вмѣсто умершей

курочки здѣсь утопаетъ мышка, которую они имѣли за ребенка (*Cosquin*, №№ 18 и 74).

Къ малорусской сказкѣ о мышкѣ, разбившей золотое яичко, весьма близко стоитъ слѣдующая индійская сказка, записанная въ Пенджабѣ: Старый воробей оставилъ свою жену и взялъ молодую. Она упала въ воду и утонула. Въ отчаяніи старый воробей вырываетъ у себя перья и садится на дерево, которое, узнавъ о постигшемъ воробья несчастіи, роняетъ всѣ свои листья (та же подробность въ сказкахъ, записанныхъ въ Гессенѣ и въ Каталоніи). Буйволъ пришелъ подъ тѣнь дерева и, узнавъ о несчастіи воробья, сбиль свои роги. Рѣка, изъ которой напился буйволъ, стала плавать такъ сильно, что вода обратилась въ соль; далѣе кукушка вырываетъ у себя глазъ (то же и въ португальской сказкѣ), купецъ отдаетъ голову на отсѣченіе, король и королева танцуютъ до изнеможенія, приговаривая: „жена воробья умерла, дерево потеряло отъ того листья, буйволъ рога“ и пр. Таковы были похороны жены воробья (Ib., I, 206—207).

Двѣ маленькихъ сказки „Павукъ та соплякъ“ и „Бблоха та муха“, въ которыхъ городъ противопоставляется селу, мѣщане—крестьянамъ, отличаются юморомъ. Басня „Блоха и муха“ записана и въ Великороссіи (*Садовниковъ*, Сказ. и пред. Самарск. края, 184), но въ болѣе слабой формѣ.

Двадцать двѣ сказки могутъ быть названы мифическими. Таковы сказки: Чабанецъ, Чорный Иванъ та Золотокудрый Иванъ, о русскомъ царевичѣ Иванѣ Ивановичѣ, Бѣломъ Полянинѣ и Настасіи Прекрасной, Иванѣ Царевичѣ и красной дѣвицѣ ясной зорницѣ, Костыниномъ сынѣ, Маркѣ Сучченѣ, солдатскихъ сыновьяхъ богатыряхъ (котыгорошкахъ), царевичѣ Иванѣ и морскомъ чудовищѣ, Иванѣ Поповичѣ, Незнайкѣ, о кобылячемъ сынѣ Кириакѣ, безрукой царевичѣ, дѣдѣ и рактѣ, Божей тросткѣ. Эти сказки отличаются значительной величиной. Во многихъ повторяются одни и тѣ же мотивы: похищеніе красавицы чудовищемъ или змѣемъ и освобожденіе ее богатыремъ, выборъ чудеснаго коня, оживленіе убитаго героя посредствомъ живой воды, принесенной птицей и др. Сказоч-

ныя мотивы этого рода принадлежать къ числу самыхъ распространенныхъ на земномъ шарѣ, и сообщеніе здѣсь литературныхъ параллелей завело бы насъ слишкомъ далеко. Такия же сказки записаны у нѣмцевъ (Гриммъ, Кунтъ), французовъ (Себилю, Коскенъ, Люзель), итальянцевъ (Питре), ~~Мажовъ~~ и албанцевъ (Легранъ, Ганъ), русскихъ (Аванасьевъ), поляковъ (Кольбергъ, Хельховскій), сербовъ (Вукъ Караджичъ), румынъ (Кремницъ), цыганъ (Миклошичъ), монголовъ (Радловъ, Потанинъ), индусовъ современныхъ и древнихъ (Панчатантра). Сходство доходитъ до малѣйшихъ подробностей; на примѣръ, въ ближайшее родство съ Кириакомъ Кобылячимъ сыномъ можно поставить Ивана Медвѣжьяго сына русскихъ сказокъ Jean de l'Ours—французскихъ Giovanni dell'Orso—итальянскихъ, Joan de l'Os—испанскихъ, кобылячаго сына португальской и славонской сказокъ и Fillomusso сынъ ослицы) итальянской сказки. Коварные друзья Кириака Верныдубъ и Верныгора являются и во французскихъ сказкахъ (Tord—Chêne, Arpuie—Mantagne) и въ нѣмецкихъ (Baumdreher, Tannendreher).

Оригинальныхъ чертъ въ мионическихъ сказкахъ, если не считать языка, почти нѣтъ. Изрѣдка обнаруживаются мѣстные особенности народной жизни, напр., въ сказкѣ про Незнайку, находится краткое описаніе свадьбы: „зѣйшлысь бабуси, липлять шишки, коровай, все шо тамъ треба“. Въ сказкѣ про Безчастнаго Данилу баба-яга просить купить червонныя черевички.

Болѣе мѣстно — народнаго заключается въ небольшихъ бытовыхъ сказкахъ и анекдотахъ, занимающихъ большое мѣсто въ сборникѣ г. Манжуры. Въ анекдотахъ мѣстами обнаруживаются дѣйствительныя черты отношенія украинскаго просто-народія къ великоруссамъ и евреямъ, семейное положеніе малорусской женщины, понятія народа о счастливой жизни и пр. Однако и въ анекдотической сферѣ есть чрезвычайно много безразличныхъ въ національномъ отношеніи странствующихъ литературныхъ мотивовъ. Такъ, сказка „Двѣ доли“ имѣетъ близко родственныя литовскія и грузинскую сказки, „Дидъ та ракъ“ — нѣмецкія, французскія, итальянскія, индійскія; „Божа

тростка“—французскія, нѣмецкія, итальянскія, испанскія и румынскія. Даже въ сказкахъ о дурнѣ, а такихъ сказокъ у Манжуры около десяти, встрѣчаются странствующие литературные мотивы, и выдѣлить оригинальныя народныя черты весьма затруднительно. Въ одной сказкѣ 11 умныхъ братьевъ ничего не могли купить на ярмаркѣ за обиліемъ народа, а братъ ихъ, дурень, всего накупилъ—соли, меду, баранины, горшковъ, платковъ и скамейку (ослонь). „Отъ йиде, а ослинь и миша ему спаты: э, важе, чортивъ ослинь! я на двоухъ ногахъ та и то бѣ до дому дійшовъ, а ты на чотырѣхъ та недоидешъ?—та взявъ и скинувъ его зъ вова“ (*Манж.* 79). Точно такая же черта глупости выведена въ одной французской сказкѣ, записанной въ Лотарингіи: дуракъ купилъ на базарѣ горшокъ о трехъ ножкахъ. Возвращаясь домой, онъ поставилъ горшокъ на перекресткѣ, сказавъ: „ты на трехъ ногахъ скорѣ меня можешь прійти домой, если захочешъ; теперь посмотримъ, кто изъ насъ скорѣ дойдетъ“, и пошелъ другой дорогой (*Cosquin*, II, 178).

Нѣсколько рассказовъ о чертахъ, домовыхъ, вѣдьмахъ и упыряхъ восполняютъ обширную демонологическую литературу немногими чертами. Домовой является иногда въ видѣ пана, спитъ въ печи, имѣетъ холодный задъ. Черти купаются въ глечикахъ не закрытыхъ и не перекрещенныхъ. Вѣдьмы портятъ коровъ, снимаютъ съ неба звѣзды, летаютъ на демонскія игрища. Сказки объ утопленникѣ и о новобранцѣ и вѣдьмѣ, популярныя и въ Великороссіи, нашли прекрасное литературное выраженіе у А. С. Пушкина. Сказка „Вѣдьма прячетъ зори“ представляетъ вариантъ сказки о женщинѣ, заговорившей дождь (напечатана мной въ „Кіев. Стар.“ 1889 г.). Сказка о томъ, какъ морозъ заморозилъ сварливую бабу (*Манж.* 143) встрѣчается у болгаръ и у др. народовъ. о чемъ см. мою статью „Сказанія о займѣ дней“ въ „Рус. Филол. Вѣстникъ“ 1891, № 3.

Въ сборникѣ г. Манжуры находится около десяти сказокъ на темы о женской хитрости и женской невѣрности, темы весьма популярныя, съ большей или меньшей подробностью разработанныя въ устной словесности и письменности многихъ народовъ. Сказка „Якъ вовкы въ хати завелысь“ ранѣе была уже

известна по сборникамъ *Рудченка*, I, № 61, *Чубинскаго*, II, № 39 и *Kulberg'a* („Pokusie“, IV, 185). Любопытна, между прочимъ, сказка „Якъ чоловікъ у коробку стукавъ“: Чумаць предлагаетъ молодой бабѣ большую сумму денегъ за любовь. Баба притворяется больною и говоритъ мужу: „Мини здається, якъ бы ты взявъ коробку, ходивъ коло хаты та стукавъ у неї, то бѣ може полегло“. Мужикъ такъ и сдѣлалъ. А жена въ его отсутствіе веселилась съ чумакомъ. На другой день чумаць пошелъ въ церковь и по дорогѣ то заплачетъ, то засмѣется. Мужъ спрашиваетъ его и узнаетъ, что плачетъ онъ, когда вспомнить, что отдалъ бабѣ за одну ночь сорокъ тысячъ, а смѣется, когда вспомнить, какъ баба обманула мужа. Послѣдній догадался, отобралъ у жены деньги и половину суммы возвратилъ чумаку (*Манж.*, 96). Въ одной индѣйской сказкѣ купчиха входитъ въ любовную связь съ сипаемъ. Когда пришелъ мужъ, сипай завернулся въ цыновку, что разостлана была на полу, и сталъ къ стѣнѣ. Мужъ принесъ апельсины. Жена, чтобы дать апельсиновъ любовнику, сказала мужу: „Давай бросать апельсины въ цыновку. Посмотримъ чья рука вѣрнѣе бросить“. Стали они бросать апельсины, а сипай смѣется да ѣсть. Мужъ вскорѣ ушелъ, и сипай за нимъ. Сипай сѣлъ въ лавкѣ и сталъ курить, а у самого лицо такое радостное. „Чего ты такой веселый сегодня?“ спрашиваетъ его купецъ. Сипай рассказалъ мужу, который сталъ подозрѣвать свою жену въ невѣрности, но еще нѣсколько разъ ею былъ обманутъ (*Минаевъ*, Индѣйскія сказки, 44—46).

Къ сказкамъ примыкаетъ небольшой сборникъ повѣрій, заговоровъ, примѣтъ и обычаевъ (около 100 №№). Повѣріе, что круглый перецъ произошелъ отъ слезъ Пресв. Богородицы, представляетъ вариантъ сказаній о плакунѣ-травѣ. Значительный интересъ представляютъ народныя названія небесныхъ свѣтилъ и вѣтровъ и мѣстныхъ лѣчебныхъ средства. По мнѣнію народа, „дорога“, т. е. млечный путь, ведетъ въ Іерусалимъ и въ Крымъ, причемъ сообщается любопытная историческая подробность: „якъ бигалы видѣ панивъ, то по ній и шли“ (148). Не лишены интереса по вопросу о способахъ укрощенія змѣй пред-

ставляется народное повѣрье: „якъ смалыты равову шкаралущу, то гадюки позлазятся до вогню“ (155).

До сихъ поръ въ научной печати не было указаній, чтобы въ южной Россіи существовало гаданіе по внутренностямъ животныхъ, въ частности кабана, обычное у древнихъ грековъ, у многихъ восточныхъ народовъ монгольскаго племени, у современныхъ болгаръ. Въ сборникѣ Манжуры находится слѣдующее сообщеніе по этому поводу: „якъ колютъ къ Риздву кабана, замѣчаютъ косу (селезенку); якъ къ заду товца, ще зима буде товста, а якъ тоньша, то и зима буде мнякша“ (156).

Нѣсколько поговорокъ и повѣрій представляются загадочными. Одно изъ такихъ повѣрій: „юга—це Петро вивци жене“ (157) разъяснено г. Манжурой въ сентябр. кн. „Кіевской Старины“ 1889 г. на основаніи народнаго же объясненія. Желательно было бы получить разъясненіе и слѣдующей темной поговорки, за которой, повидимому, скрывается цѣлое сказаніе календарнаго характера: „Сипшенко (февраль) казавъ: „якъ бы мени батькови лита, то я бѣ быкови третякови ригъ ссадывъ, а дивци семилитци коромысель до плечей приморозывъ“ (156). Можетъ быть, эта поговорка намекаетъ на весьма любопытныя, къ сожалѣнію, собранныя въ небольшомъ числѣ народныя сказанія на тему, почему одинъ мѣсяць, чаще всего февраль, имѣетъ менѣе дней, чѣмъ другой, рядомъ съ нимъ стоящій. Въ „Romania“ 1889 г. т. XVIII находится цѣнное изслѣдованіе Shaipeanu объ этомъ мотивѣ.

Двѣ страницы занимаютъ „Сны и ихъ значеніе“. Всего 71 толкованіе. Матеріаль совсѣмъ новый. Въ послѣднее время въ этнографіи обращено вниманіе на снотолкованія. Небольшой сборникъ бѣлорусскихъ снотолкованій напечатанъ былъ въ „Этногр. Обзор.“ 1889 г. При накопленіи матеріала представится возможность и въ этой области народовѣдѣнія сдѣлать любопытныя выводы по народной психологіи и исторіи культуры. Въ малорусскихъ снотолкованіяхъ, повидимому, первое мѣсто занимаетъ своеобразная синонимика словъ съ предметами и понятіями, доступными народу, напр., ваша—дѣти, голубы—взрослыя дѣти, комашки—родичи, ножъ—несчастье, рыба—дождь,

горы—горе, просо—просьба, громъ—извѣстіе, буря—ссора, судъ—хлопота, орель—свиданіе съ паномъ, перецъ—печаль. Нѣкоторыя изъ снотолкованій можно поставить въ связь съ народными повѣртіями и обрядами, напр., когда снится покойникъ будетъ дождь, тыква—сватовство на вдовѣ.

За снотолкованіями слѣдуютъ 400 приказокъ и присловіи съ краткими объясненіями. Въ этомъ отдѣлѣ можно найти много мѣстныхъ народныхъ чертъ. Сюда вошли народныя объясненія крика разныхъ животныхъ, поговорки про „нюхаривъ“, бранныя слова и проклятія.

Затѣмъ слѣдуетъ 57 загадокъ. Основа многихъ загадокъ скабрѣзная, а отвѣтъ всегда невинный, напр., „хылы, былы, ходимо до кумы, похитаймо свои жилы“ (ступа) и нѣсколько другихъ подобныхъ на слова: цебро, чобить, коромысло. Загадки такого рода встрѣчаются и у другихъ народовъ, напр., во Франціи (въ Бретани): „Poilu contre poilu qui couvre un petit bonhomme tout nu“ (глаза), или „J'accraupis mon bonhomme et j'assis ma bonne femme; tout ce qui passe entres les jambes de mon bonhomme fait du bien à ma bonne femme“ (тrenoжникъ и вострюля) и мн. др. т. п. (Кротація, II, 102, 103 и др.).

Словарь заключаетъ въ себѣ 585 словъ, записанныхъ г. Манжурой въ александровскомъ, новомосковскомъ и другихъ уѣздахъ екатеринославской губерніи. Для этнографа и филолога словарь этотъ представляетъ интересъ, по народному характеру словъ. Какъ извѣстно, малорусскіе словари очень бѣдны въ количественномъ отношеніи и очень неудовлетворительны въ качественномъ. Слова набраны изъ разнородныхъ источниковъ. Наряду съ словами народными идутъ слова, заимствованныя малорусскими писателями изъ польскаго языка или сочиненныя ими. Получается довольно безобразная мѣшанина. Г. Манжура даетъ намъ чистые лингвистическіе матеріалы. Нѣкоторыя слова сопровождаются подробнымъ комментариемъ, именно, слова: „кумъ“, „дубъ“, „клеино“, „гурвало“, „пашенна яма“, „прытьмо“ и „пужарь“. При многихъ словахъ поставлены фразы, гдѣ они встрѣчены, что даетъ имъ удовлетворительное объясненіе и живое значеніе. По недосмотру, одно лишь слово „луданы“ остав-

лено безъ всякаго объясненія. Съ этнографической точки зрѣнія значительный интересъ представляютъ мѣстные названія животныхъ и растений: волыкъ, дженчыкъ, келепъ, музыка, невстаха, носаль, пичуръ, полежанъ, попова свынка, турыця. Весьма любопытной въ историко-культурномъ отношеніи представляется мѣстная техническая терминологія. Въ словарь приведено много чабанскихъ словъ, повидимому, татарскихъ (аврякъ, арышъ), изрѣдка нѣмецкихъ (овцы вгросы). Встрѣчаются, повидимому, греческія слова (кулѣба—густой кулѣштъ). Встрѣчаются любопытные образцы народной этимологіи, напр.: ахтыдубинская (=ахтубинская) селедка, оковирный (=аккуратный).

Многія историческія малорусскія пѣсни, записанныя г. Манжурой, изъ бывшихъ въ Юго-западномъ отдѣлѣ Географическаго Общества, или остались совсѣмъ неизданными, или вошли въ одно малоизвѣстное и недоступное въ Россіи заграничное изданіе. Пѣсни эти, однако, такого рода, что могли быть изданными и въ Россіи, при данныхъ цензурныхъ условіяхъ, разумѣется, безъ внесенія въ нихъ политическихъ комментаріевъ, большею частью весьма безпочвенныхъ и шаткихъ. Извѣстно о существованіи слѣдующихъ пѣсенъ изъ записей г. Манжуры: варианты къ напечатаннымъ въ 1 т. „Истор. пѣс. малор. нар.“ Антоновича и Драгоманова № 6 (о поединкѣ съ турецкимъ царемъ), 44 (о княжескомъ тунѣ), 16 (о боярскомъ сватанѣ), начало пѣсни „Павлечко коника сидлае“, пѣсня про разрушеніе старой Сѣчи (1709 г.), пѣсня про уходъ запорожцевъ подъ власть турокъ (1709—1712 г.), пѣсня „Та ше не свить“, относимая или къ 1775 или еще къ болѣе раннему времени (1710—1711). Эта пѣсня напечатана въ „Кіев. Стар.“ 1882, II, 435. Далѣе въ печати извѣстны пѣсни о плѣнѣ гайдамаки „Стоить яворъ падъ водою“ и пр. (Относятся ко времени аleshковской Сѣчи, 1709—1732, но безъ убѣдительныхъ доводовъ), про возвращеніе запорожцевъ подъ власть Россіи и про Мих. Мих. Голицына (1711—1729). Послѣдняя пѣсня („Зажурилась Украина“ и пр.) представляетъ вариантъ пѣсни, изданной Я. П. Новицкимъ, о чемъ въ своемъ мѣстѣ. Далѣе, упомянемъ изъ напечатанныхъ записей г. Манжуры пѣсню про Морозенка

(„Та литае воронъ“), три пѣсни про Мазепу и Семена Палія, изъ коихъ одна была напечатана въ „Кіев. Стар.“ 1882, III, 612, пѣсню про панщину на гетманщини, пѣсню про дизчину, приглашавшую козака переночевать съ ней, двѣ пѣсни про орла, несшаго руку мертвеца, и три пѣсни про наборъ въ гусары.

Не всѣ поименованныя здѣсь пѣсни могутъ быть отнесены въ разрядъ пѣсенъ историческихъ, весьма немногія въ разрядъ пѣсенъ политическихъ, если допустить возможность послѣдняго названія въ области народной словесности. Такъ, пѣсня про дѣвушку, приглашавшую проѣзжаго переночевать съ ней, не имѣетъ никакого историческаго приуроченія. Весьма возможно, что это пѣсня рекрутская. Пѣсня про орла встрѣчается у многихъ народовъ. Въ ней разработанъ общій мотивъ. Большею частью вмѣсто орла является воронъ (см. *Сумцова*, Воронъ въ народ. слов. 14). Въ малорусской искусственной литературѣ отмѣтимъ написанное на этотъ мотивъ стихотвореніе Я. И. Щоголева „Орель“.

Кромѣ поименованныхъ выше двухъ пѣсенъ о разореніи Запорожья (изъ нихъ одна 1709 г., другая 1775 г.) и трехъ пѣсенъ и легенды о Семенѣ Паліѣ, въ „Кіев. Стар.“ (1883, I) напечатана пѣсня „про украинскую гетеру“; но въ своемъ основаніи эта пѣсня, какъ указалъ А. А. Потебня въ „Объясненіяхъ“, II, 665, величальная. Если, можетъ быть, пѣсня эта и примѣнялась къ какой-нибудь особѣ гулящей, то, по крайней мѣрѣ первоначально, не было умыслу представить здѣсь „типъ свободной украинки“, какъ та „Настя кабашна, що до бидныхъ козакивъ нетягъ хоть злая, да й обашна“ (въ думѣ про Хвеська Андибера).

Въ V кн. „Кіев. Стар.“ 1888 г. Манжура напечаталъ народную приказку о *нюхаряхъ*. Ранѣе у *Драгоманова* былъ напечатанъ народный разсказъ о происхожденіи табака. Г. *Петровъ* въ интересной статьѣ о южнорусскихъ легендахъ (въ „Трудахъ Кіев. Дух. Акад.“ 1877, III) высказалъ мнѣніе, что малороссы заимствовали легенды о табакѣ у великороссовъ. Въ послѣднее время записанъ цѣлый рядъ малорусскихъ легендъ, сказокъ и приказокъ, свидѣтельствующихъ, что независимо отъ возмож-

ныхъ заимствованій, можетъ быть даже на ряду съ ними, на украинской почвѣ развилась оригинальная литература о происхожденіи табака, о куріяхъ и нюхаряхъ, въ зависимости отъ сильнаго распространенія табака среди малоруссовъ и въ особенности среди запорожцевъ¹⁾. Извѣстны частыя упоминанія о табакѣ и трубкѣ въ популярныхъ народныхъ пѣсняхъ, изображенія люльки на популярной картинкѣ съ играющимъ на бандурѣ запорожцемъ. Въ „Кіев. Стар.“ 1888, II, 20, *Я. П. Новицкій* помѣстилъ небольшой рассказъ о пустынникѣ, въ которомъ демонъ научаетъ монаха пить водку и курить табакъ. Въ „Екатериносл. Губ. Вѣд.“ 1889 г. № 63, г. *Эварницкій* сообщилъ народную приказку о нюхаряхъ. Въ VIII кн. „Кіев. Стар.“ 1890 года г. *Катрухинъ* напечаталъ народный рассказъ о происхожденіи табака изъ слезъ женщины. Для сравненія уважемъ на великор. и бѣлор. матеріалъ въ статьѣ *П. В. Шейна* „Приговоры и причеты о табакѣ“ въ I вып. 48 т. „Трудовъ этногр. отд. Общ. люб. естеств.“. При широкомъ изученіи предмета нужно было бы привлечь еще довольно многочисленныя старинныя легенды о табакѣ (у *Костомарова*, *Тихонова* и др.).

Кромѣ сборника сказокъ, изданнаго Харьк. истор.-филол. обществомъ, въ распоряженіи общества находится еще большой сборникъ малорусскихъ пѣсенъ, записанныхъ г. Манжурой въ екатер. и харьк. губерніяхъ, колыбельныхъ, дѣтскихъ, свадебныхъ, семейно-родственныхъ, колядокъ, думъ, присказокъ и приспоекъ, всего 1135 №№. Если напечатать сборникъ цѣликомъ, то выйдетъ книга въ $\frac{1}{2}$ или даже $\frac{3}{4}$ V тома „Трудовъ“ Чубинскаго; но такое изданіе, слишкомъ обременительное для Общества, и для науки было бы мало полезно, такъ какъ, при ближайшемъ пересмотрѣ, многое окажется уже извѣстнымъ въ печати въ близкихъ вариантахъ. Нагромождать извѣстный матеріалъ въ настоящее время крайне неблагоприятно.

¹⁾ Пристрастіе запорожца къ люлкѣ прекрасно характеризуется въ слѣдующемъ анекдотѣ: Принесли запорожскому отаману паску на Великденъ, а отаманъ вмѣсто того, чтобы разговлаться, сказалъ: „нехай, козакъ, паска постое, а ми перше люльки покуримъ“ (*Эварницкій*, Запорожье, II, 14).

зумно, такъ какъ и безъ того уже сдѣлано не мало прегрѣшній этого рода, только затрудняющихъ успѣшное развитіе этнографіи. Въ послѣднее время Общество приступило къ разбору этого обширнаго сыраго матеріала и подготавливаетъ его къ печати. Во всякомъ случаѣ сборникъ пѣсенъ въ научномъ отношеніи далеко уступитъ сборнику сказокъ. Историческія пѣсни малочисленны и малозначительны; колядки схоластичны; есть кое-что цѣнное и любопытное въ отдѣлѣ пѣсенъ семейно-родственныхъ, въ присказкахъ и приспівкахъ. Во всякомъ случаѣ сборникъ пѣсенъ при тщательной редакціи составитъ цѣнный вкладъ въ этнографическую литературу.

Оригинальныя стихотворенія г. Манжуры (суровые отзывы были въ „Кіев. Старинѣ“ и „Зорѣ“) и нѣсколько передѣлокъ народныхъ сказокъ для народнаго чтенія оставляю въ сторонѣ, такъ какъ эти труды г. М. выходятъ за предѣлы нашего изслѣдованія.

Я. П. Новицкій.

Яковъ Павловичъ Новицкій¹⁾ происходитъ изъ стариннаго малорусскаго дворянскаго рода черниговской губ., перешедшаго въ началѣ текущаго вѣка въ александровскій у. екатеринославской губ. Я. П. родился въ с. Аулахъ екатеринославскаго уѣзда въ 1847 г. въ зажиточной помѣщичьей семьѣ. Онъ росъ и учился съ крестьянскими дѣтьми. Съ ними проводилъ лѣтнія ночи въ степи на попасѣ лошадей и въ плавняхъ на рыбной ловлѣ. Впечатлѣнія дѣтства были сильны и подготовили почву для позднѣйшихъ этнографическихъ изученій. О прочности симпатій г. Н. къ мѣстному краю говорить, между прочимъ, слѣдующая замѣтка г. Эварницкаго въ 1 т. „Запорожья“: „Въ г. Александровскѣ я хотѣлъ розыскать Я. П. Новицкаго, извѣстнаго южнорусскаго этнографа; но Новицкій въ то время былъ на Хортицѣ. Хортица—это его постоянная лѣтняя дача. Тамъ онъ беретъ себѣ въ наемъ небольшой клочокъ земли подѣ

¹⁾ Въ „Ист. рус. этнографіи“ г. Пыпина не упоминается.

бакчу и, забившись въ курень, проводить въ немъ цѣлые дни и ночи“ (стр. 146). Первоначальное образованіе г. Н. получилъ въ александровскомъ уѣздномъ училищѣ и дополнилъ его впоследствии домашнимъ чтеніемъ. Въ 1868 г. Я. П. Н. случайно познакомился съ покойнымъ общественнымъ дѣятелемъ и педагогомъ барономъ Н. А. Корфомъ и, подь его вліяніемъ, пошелъ въ народные учителя. Въ теченіе 9 лѣтъ г. Н. состоялъ учителемъ; въ 1877 г., при измѣнившихся условіяхъ земской школы, онъ перешелъ на короткое время въ черниговское земское статистическое отдѣленіе и подь руководствомъ А. А. Русова, П. П. Червинскаго и В. Е. Варзера занялся описаніемъ борзенскаго уѣзда. Въ 1878 г. Я. П. Н., по приглашенію предводителя дворянства александровскаго у., занялъ должность секретаря александр. уѣзднаго училищнаго совѣта и въ 1886 г. въ добавокъ должность секретаря предводителя дворянства. По избранію земства съ 1881 г. онъ состоитъ попечителемъ и экзаменаторомъ нѣсколькихъ школъ александровскаго уѣзда. На страницахъ разныхъ газетъ г. Новицкій помѣщалъ замѣтки по общественнымъ и педагогическимъ вопросамъ: въ „Рус. Вѣдомостяхъ“, „Петерб. Вѣдом.“ (при Коршѣ), Странѣ, Народной школѣ.

Въ дѣтствѣ, юности, во время учительства, г. Н. много разъ посѣщалъ старинныя наднѣпрянскія села екатеринославской губ. и бесѣдовалъ съ старожилками. Съ молодыхъ лѣтъ онъ усвоилъ похвальный обычай заносить въ записную книгу наблюденія свои надъ окружающею крестьянской средой, и по временамъ дѣлился ими съ читающею публикой. Съ теченіемъ времени въ печати накопилось много интересныхъ записей г. Новицкаго.

Еще въ началѣ 70-хъ годовъ часть его записей поступила въ юго-западный отдѣлъ Географическаго Общества; 48 сказокъ и преданій было напечатано въ извѣстномъ сборникѣ „Малор. народ. преданія и рассказы“ (1876 г.). Сюда вошли „Песоголовцы—людоѣды“ (384), „Черти и табачники“ (13), „Премудрый Соломонъ и злая мать его“ (105), Мужикъ, попъ и цыганъ“ (160), „Болтливая жена“ (173), нѣсколько рассказовъ о

запорожцахъ (210, 414 и сл.), о южнорусскихъ степяхъ въ старину (240), о Медвѣдкѣ, Вернигорѣ и Крутывусѣ (255), Иванѣ Царевичѣ (271) Тремсынѣ (286), Охѣ (326), Трехъ Кондратахъ (332), нѣсколько сказокъ о дурняхъ (338 и сл.), о мальчикѣ-мизинцѣ, бычкѣ—третьячкѣ, объ упыряхъ и вѣдмахъ (391 и сл.). Почти $\frac{1}{3}$ сборника составлена изъ матеріаловъ, доставленныхъ г. Новицкимъ. Этотъ трудъ г. Н. уже сослужилъ полезную службу; имъ многіе пользовались и, несомнѣнно, многіе еще будутъ пользоваться. Сборникъ этотъ настолько извѣстенъ, что нѣтъ надобности здѣсь долго на немъ останавливаться, тѣмъ болѣе, что въ современной литературѣ мы собственно относимъ книги, вышедшія въ 80-хъ годахъ. Гораздо менѣе извѣстно то, что напечатано г. Н. именно въ эти годы. Г. Новицкій въ теченіе многихъ лѣтъ относился съ неослабнымъ вниманіемъ къ окружающей его народной жизни въ александровскомъ уѣздѣ, екатеринославской губ. Свои новѣйшія этнографическія записи г. Н. печаталъ въ „Екатерин. Губ. Вѣд.“, въ „Екатер. Юбилейномъ листкѣ“, въ „Днѣпрѣ“, въ „Степи“—такихъ изданіяхъ, которыя очень мало распространены и мало извѣстны. Въ „Кіев. Старинѣ и въ „Этнограф. Обзорніи“ изрѣдка были замѣтки объ этнографическихъ трудахъ г. Н., преимущественно въ „Кіев. Стар.“ 1888 г., когда существовалъ подробный библиографическій отдѣлъ; но замѣтки эти были случайны, и теперь ихъ трудно разыскать. Статьи г. Новицкаго, многочисленныя, но весьма краткія, распадаются на три разряда: о школахъ, о мѣстныхъ архивныхъ документахъ, и народныя пѣсни, рассказы и преданія. Статьи первыхъ двухъ разрядовъ не подлежатъ разсмотрѣнію и будутъ только названы. На статьяхъ этнографическихъ мы остановимся и дадимъ краткій обзоръ ихъ содержанія, придерживаясь хронологическаго порядка печатанія ихъ.

Скальковскій въ „Исторіи Новой Сѣчи“ и Надхинъ въ „Памяти о Запорожьѣ“ отчасти предупредили г. Новицкаго въ пользованіи народными преданіями и пѣснями о Запорожьѣ. Такъ, у Скальковскаго есть пѣсни про Алешковскую Сѣчь и Савву Чалаго. Эти записи малочисленны и требуютъ критиче-

вой провѣрки. Такъ, пѣсня про Орлика, нашедшая мѣсто въ концѣ I т. „Ист. Новой Сѣчи“, фальшивая какъ уже было указано въ печати.

Въ газетѣ „Днѣпръ“ 1884 г. №№ 130, 138 и 146 г. Новицкій напечаталъ рядъ замѣтокъ, „Запорожье въ памятникахъ народнаго творчества“. Въ легкой повѣствовательной формѣ авторъ передаетъ свои впечатлѣнія, вынесенныя изъ путешествія по Новороссіи въ 1882 г., разговоры съ дѣдами о старинѣ, о порогахъ, о пчеловодствѣ. „А давно, диду, было то-то“—такъ авторъ обыкновенно начинаетъ свои разспросы—и затѣмъ идутъ повѣствованія дѣдовъ о старинѣ, объ обиліи меду, о чупринахъ (какъ воловый батогъ), о лыцаряхъ запорожцахъ, которые и въ водѣ не тонули, и въ огнѣ не горѣли, и пуля ихъ не брала, о чародѣяхъ („галдовникахъ“), о заклятыхъ кладахъ, о „нюхаряхъ“ и „куріяхъ“, о находеніи въ Днѣпрѣ стариннаго оружія, роговъ тура, янтаря, объ обиліи звѣрей и птицъ въ старину и о дикихъ коняхъ.

По прекращеніи газеты „Днѣпръ“ статьи г. Н. подъ тѣмъ же общимъ заглавіемъ заняли цѣлый рядъ №№ газеты „Степи“ 1885 и 1886 г., именно—въ 1885 г. № 2: рассказы двухъ дѣдовъ с. Ольчинскаго мариупольскаго у., Пилипа и Андрія, въ 1876 г. о запорожцахъ, какъ они появились (изъ бѣглыхъ невольниковъ), о предѣлахъ запорожскихъ владѣній, объ уничтоженіи Сѣчи Евкатериной II, объ уходѣ запорожцевъ въ Турцію и о знахарствѣ ихъ („христіанская земля въ сапогахъ“—повторяется въ пѣсняхъ про Савву Чалаго). Эта замѣтка была перепечатана г. Новицкимъ въ Кіев. Старинѣ 1885 СХ, 350—352.

Въ №№ 5, 6 и 7 „Степи“ находится описаніе деревни Маркусовой (Павло-Кичкаса) по рассказамъ дѣда Дмитра Бута. Бутъ (по женѣ, по отцу Калениченко, по дѣду Малый) сообщилъ много воспоминаній о запорожской старинѣ. Въ началѣ статьи находится краткій очеркъ современнаго положенія с. Маркусовой (мѣстоположеніе, населеніе, экономическій бытъ), затѣмъ слѣдуютъ преданія о Еватеринѣ II и Потемкинѣ, о возникновеніи деревни, о происхожденіи степныхъ могилъ и исчезновеніи каменныхъ бабъ (мамаевъ), о границахъ татар-

скихъ и запорожскихъ владѣній, озмѣ, св. Космѣ и Даміанѣ и зміевомъ валѣ, о жизни запорожцевъ, о полозахъ, владахъ и народныхъ объясненія названій днѣпровскихъ скалъ, пещеръ и балокъ. Въ концѣ статьи замѣтка о слѣдахъ побоища на островѣ Прусовомъ. Въ ряду этихъ сообщеній выдаются въ этнографическомъ отношеніи:

Сообщеніе о Екаторинѣ II и Потемкинѣ. По словамъ Бута, Екаторина пользовалась любовью тогдашняго населенія; ее называли „Милостыва Царица“, „Царица маты“, за то Потемка считается основателемъ закрѣпощенія народа и заселенія запорожья нѣмцами. Запорожцы „великій гнѣвъ положили на Потемку“, и, уходя на чужбину, по словамъ Бута, приговаривали: „бодай тоби, Потемко, такой виць, якъ у зайца хвисть“.

Сообщеніе о панѣ Курикѣ, характерное для исторіи заселенія Новороссіи. Курика принималъ всѣхъ бѣглыхъ, а когда ихъ собралось много, то и закрѣпостилъ ихъ.

Сообщеніе о предѣлахъ татарскихъ (отъ Синего моря безъ малу не до Лубнивь) и запорожскихъ (на С. по Орель-ричку, на Ю. по Консвую, на В. до Довщины, на З. до Сынявки и Буга).

Сообщеніе (легенда) о томъ, какъ святые кузнецы Косма и Демьянъ поймали громаднаго змѣя, что пожиралъ людей, запрягли плугъ и провели валъ. Когда они дошли до моря, змѣй отъ усталости лопнулъ и изъ него полѣзли жабы, ящерицы и черепахи. Это преданіе давно уже извѣстно въ печати (см. Аванасьева, Потембю, „Zapiski“ Руликовскаго и др.).

Сообщеніе о ницѣхъ и одеждѣ запорожцевъ и отрывокъ пѣсни о казацкѣ Голотѣ („живъ собі козацкѣ Голота“), извѣстной по прежнимъ сборникамъ.

Сообщеніе о змѣяхъ полозахъ („довжинею бильше оглобли а товщиною якъ кроква“, котился колесомъ, ѣлъ зайцевъ, ягнять).

Въ № 10 замѣтки о шляхахъ, селѣ Кичкасѣ и преданіе о козацкѣ Сагайдакѣ (со словъ вр. Ром. Булата), какъ заперся ватажекъ Сагайдакъ въ своей землянкѣ, отстрѣливался отъ царскихъ войскъ и задохся отъ дыма въ запыленной у его

землянки соломы. Этнографическаго интереса эта замѣтка не имѣетъ. Варіантъ преданія см. въ „Запорожьѣ“ Эварницкаго (II, 233).

Въ № 12 рассказы про запорожцевъ Скута, Хозу и Шутя (нарядъ, вооруженіе, удалъ и пр.). Интересно преданіе о набѣгахъ татаръ и какъ запорожцы отбивали у нихъ плѣнниковъ. Тутъ же приведенъ отрывокъ исторической пѣсни „по тимъ боци огни горять, никому тушиты; по симъ боци орда суне, никому спиниты. Зажурилась Украина“...—слѣдующіе затѣмъ стихи вошли въ I т. „Истор. пѣс. мал. нар.“ Ант. и Драг. 73 и 274. Любопытно, что въ варіантѣ г. Н. сохранился мотивъ частный, что говоритъ въ пользу бѣльшей древности этого варіанта. Не лишено интереса также оригинальное преданіе, какъ запорожцы очистили отъ вшей хлопца, заворачивая его въ сырую баранью шкуру, поставили его „куховаромъ“, и хлопецъ по звону колокольчика на дубѣ узнавалъ, что гайдамаки возвращаются домой,—одно изъ чародѣйствъ гайдамаковъ. Они еще далеко, а колокольчикъ уже звонитъ. Варіантъ преданія о Семенѣ Палѣѣ.

Въ № 19 интересныя преданія о запорожскомъ казакѣ Матвѣѣ Шутѣ, о его наружности, одеждѣ, отношеніи къ первымъ колонистамъ нѣмцамъ. Отъ потомковъ М. III. г. Новицкій записалъ пѣсни про руйнованья Сичи, про Калныша, сотника Харька, Савву Чалаго, Морозенка, Перебийниса, Лебеденка, про Днѣпръ и др. Въ статьѣ приведена г. Новицкимъ одна только пѣсня (про Днѣпръ) „Ой не самъ я иду слободою“. Варіантъ этой пѣсни, весьма испорченный и краткій, напечатанъ въ V т. „Трудовъ“ Чубинскаго стр. 1013. Варіантъ г. Н. начинается тѣми словами, которыми оканчивается варіантъ Чубинскаго.

У Чубинскаго братья героя пѣсни въ Самарѣ и Петербургѣ, у г. Н. въ Сичи и „десъ“. У Чуб. въ Днѣпрѣ упали 44 рѣчки и еще „одна ричка копирочко (?“; у г. Н. 704 и Синявочка. Рѣчка Синявочка спрашиваетъ у Днѣпра, чѣмъ онъ красенъ, „чи своею довжиною, глубиною, шириною, чи крутыми берегами, жовтыми песками та темными лугами“. Днѣпръ отвѣчаетъ, что

онъ славетъ козаками, бурлаками и рыбалками. „Они его уvesеляють и отъ него добычь мають“. Пѣсня отличается искусственностью. Должно быть здѣсь мы имѣемъ дѣло съ виршей въ честь Днѣпра, сложенной въ старину и проникшей въ народъ. Въ особенности подозрительными представляются послѣдніе стихи въ вариантѣ г. Н.: „Жалуется Лиманъ морю, що Днипръ узавъ свою волю, свои гирла прочищае—Лиманъ море засыпае“. Повидимому, здѣсь сочетались двѣ пѣсни—народная, гайдамацкая объ арестованіи ватажка и литературная—похвала Днѣпру. Трудностью переработки литературнаго содержанія объясняются неясности варианта Чубинскаго. Къ этому разряду не общенародныхъ, а сословныхъ стихотвореній, возникшихъ при общеніи грамотности съ народностью, относится историческая пѣсня „Ой рико Стиру“... (въ Archiv f. slav. Philol“. Ягича II, 298). См. объясненіе этой пѣсни въ рецензій Потевни на сборникъ пѣсенъ Головацкаго 59—60.

Въ 28 № Екат. Губ. Вѣд. 1887 года г. Н. помѣстилъ программу для собиранія этнографическихъ свѣдѣній. Программа приспособлена къ мѣстнымъ новороссійскимъ условіямъ. Всѣхъ §§ 12. Описаніе селъ въ предѣлахъ этой программы дало бы цѣнный вкладъ для мѣстной исторіи, географіи и этнографіи.

Въ № 9 Екатериносл. Юбилейнаго листка 1887 г. г. Новицкій помѣстилъ сообщенія (малосодержательныя) одной старухи о *Половицѣ* (старинное названіе Екатеринослава), а въ № 29 *разказы дѣда Кравца*—*запки* о запорожцахъ, обращеніи старшинъ съ голотою, куреніи водки, знахарствѣ запорожцевъ. Сюда вставлена записанная отъ дѣда Логвина Несвата пѣсня объ отношеніи голоты къ дукамъ изъ цикла думъ о Ганжѣ Андыберѣ (въ I т. Зап. Кулиша).

Ой умаритця, туманитця, дрибень лощивъ иде,
Веселая бесидонька де голота пье.

Дуки пьютъ горилку въ шатрѣ, а голота на дождѣ; атаманъ (безъ имени) присоединяется къ голотѣ. Тогда богачъ посмѣялся надъ голотой и за то былъ прибитъ (одынь взявъ за руку, другій за чуприну, третій въ дула бье“).

Въ №№ 52, 53, 58, 62 и 63 Екатер. Губ. Вѣд. 1887 г. напечатана статья г. Н. „Къ исторіи народнаго образованія въ Екатериносл. губ.“ (первыя приходскія училища и училища г. Александровска).

Въ №№ 24, 25 и 27 Екатер. Губ. Вѣд. 1887 г. Я. П. Н. напечаталъ *описание слободы Вольной Гупаловки* Александровскаго уѣзда. Въ оттискахъ статья составила брошюрку въ 22 стр. Сначала авторъ останавливается на исторіи заселенія и движеніи населенія, затѣмъ на воспоминаніяхъ стариковъ о привольной степи, о птицахъ и животныхъ, о запорожскихъ урочищахъ, объясненія названій ихъ и преданія о нихъ. Такъ, съ названіемъ могилы „Вовча“ связано сказаніе о желѣзномъ волкѣ, зарытомъ въ той могилѣ. Въ той части могилы, гдѣ зарыта голова волка, есть криница. Нѣсколько разсказовъ о находкахъ денегъ и оружія, о кладахъ, оберегаемыхъ древнимъ старикомъ, о происхожденіи каменныхъ бабъ (плевали на солнце и за то окаменѣли, ходять по ночамъ въ гости одна къ другой и надѣются ожить), о долговѣчности и силѣ запорожцевъ, рисующихся уже великанами, о поборахъ сторожевыхъ казаковъ съ чумаковъ (разстилали на дорогѣ свиту, и чумаки вляли сухари, сало, рыбку), о холодной зимѣ съ 1824 на 1825 г.—„драной“ (снимали крыши на прокормъ скоту), о тяжелыхъ годахъ голода, цынги (1849), наводненій и др. бѣдствій. Въ статьѣ приведена *пѣсня про „руйнуванье Сичи“*. „По той бочокъ Базавлука лагеря стоялы“: казаки пьютъ и гуляютъ, а одинъ изъ нихъ будить своего отца Харько и передаетъ ему просьбу людей выѣхать на границу и просить царицу вернуть степи „по прежни граници“. Харько просить:

Ты, парци милосгыва, змылуйся надъ нами,
Верни степи, край веселій зъ темными лугами.

Получивъ отказъ,

Пшовъ назадъ Харько батько темными лугами,
Та умывся Харько батько дрыбными слезами.
Ой вы хлопци запорожци, що вы наробыли,
Степи добри, край веселій тай занастыли.

Г. Н. замѣчаетъ при этомъ, что въ другомъ вариантѣ, менѣе полномъ, записанномъ имъ отъ 90 л. старика, Царица,

внимая слезамъ Харька, обращается къ сенаторамъ: „сыны мои, сенаторы, що вы наробыли и пр.“. Пѣсня оканчивается просьбой казаковъ атаману поставить ихъ на башту для защиты Сѣчи если не кинжалами, то кулаками. Пѣсня цѣльная, вполне выдержанная, весьма художественная—чуть ли не лучшая изъ напечатанныхъ историческихъ малорусскихъ пѣсенъ XVIII вѣка. Въ этой пѣснѣ про руйнованье Сѣчи жаботинскій сотникъ Харько, коварно убитый поляками въ 1766 г. (см. *Костомарова* Ист. казач. по пѣснямъ 156—160), еще болѣе идеализированъ, чѣмъ въ преданіяхъ и думахъ, ему собственно посвященныхъ (*Метлинскій*, 526; *Головацкій* I, 21, *Кулишъ*, Зап. о юж. Руси I, 96; *Rulikovski*, въ *Zbiog Wiadom.* III, 144). Въ пѣснѣ про руйнованье Сѣчи Харько—довѣренное лицо всего народа („люде“ его посылають), посолъ къ царицѣ, патриотъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, оплакивающій паденіе Сѣчи. Въ думахъ Харько ватажекъ, котораго захватили въ пьяномъ видѣ и казнили. *Костомаровъ* высказалъ предположеніе, что въ Харькѣ пѣсенъ про руйнованье Сѣчи можетъ быть скрывается не жаботинскій сотникъ, убитый въ 1766 г., а запорожскій старшина Харько Чепига, игравшій впоследствии важную роль. Въ одной пѣснѣ обращаются къ Грицю, по предположенію *Костомарова*, къ Потемкину (Ист. казач. въ пѣсняхъ, 208). Въ вариантѣ, запис. *Д. И. Эварничикима* (см. Запорожье II, 201—202), мѣсто Харька занимаетъ Калнышъ, послѣдній кошевой запорожца.

Въ Кіевской Старинѣ 1888, XII, 142 г. Н. сообщилъ три народныя преданія: 1) *отчего у насъ зимуютъ воробьи* (вар. у Драгоманова), 2) *почему евреи не ѣдятъ свинины и любятъ курей* (куры выгребали сѣно, въ которомъ спрятался Христосъ) и 3) *откуда взялись камни* (пастухи и овцы окаменѣли).

Въ 80 и 84 №№ Екат. Губ. Вѣд. 1888 г. г. Н. напечаталъ статью: „*статистико-экономическое состояніе г. Александровска и уѣзда по архивнымъ даннымъ 1829 г.*“ (были оттиски).

Въ Екатер. Губ. Вѣд. 1888 и 1889 годовъ разсѣяно много мелкихъ замѣтокъ подъ общимъ заглавіемъ „*Изъ области на-*

родныхъ преданій и разсказовъ“, именно: 1) „Драная зима“ во 2 № 1888 г. (1813 г.)—холодная, когда снимали крыши на прокормъ скоту; такихъ „драныхъ“ зимъ насчитываютъ нѣсколько, и объ одной изъ нихъ (1825 г.) была уже замѣтка г. Н. въ статьѣ о Вольной Гупаловкѣ. 2) *О пріемѣ запорожцевъ Екатериной II* (въ № 3)—запорожцы пили много чаю и потомъ переворачивали чаши, а затѣмъ, когда имъ дали одну большую ложку на всѣхъ, то они, выѣвъ горшокъ борщу, его перевернули на скатерти вверхъ дномъ. 3) Разсказъ о томъ, какъ литвины воевали серпъ (въ № 4)—вариантъ украинской сказки, напечатанной г-жей Мошинской въ „Zbiór wiadomości“ IX. 143. Литвины, въ разсказѣ г. Новицкаго, привали серпъ за людоѣда, стрѣляли, кололи, по ошибкѣ убили своего товаща и, когда въ Пслѣ топили серпъ, то и сами утонули. Это вариантъ многочисленныхъ разсказовъ о глупости того или другаго народа (печенѣги, пошехонцы и пр.); 4) нѣсколько разсказовъ о *характерствѣ запорожцевъ* (въ №№ 5 и 6)—ловили ядра, плыли по Днѣпру на повсти (войлокѣ), наводили ману на поляковъ, уходя отъ нихъ, такъ что поляки козацкія конья принимали за лѣсъ и возвращались, заговаривали ружья; требуетъ запорожець кувель воды, вскочить въ него и очутится за 100 верстъ; 5) преданіе—*почему въ Днѣпрѣ стало мало рыбы* (въ № 9): ушла за запорожцами; 6) преданіе о *Семенѣ Палии* (въ № 10). Этимъ преданіемъ уже воспользовался В. В. Каллашъ въ своей монографіи „о Мазепѣ и Палиѣ. Содержаніе преданія. Молодой казакъ Семень нечаянно спалилъ куринь кошеваго и, боясь наказанія, бѣжалъ. Въ стени во время грозы онъ замѣтилъ, что дьяволъ дразнилъ Бога и прятался за скалу отъ удара молніи. Семень выстрѣлилъ въ дьявола. Дьяволъ просилъ его вторично выстрѣлить; но Семень зналъ, что другой ударъ будетъ въ пользу дьявола, и не стрѣлялъ. Апостоль (безъ имени) далъ ему ружье, бьющее безъ промаха, и посовѣтовалъ возвратиться къ кошевому. Коневой простилъ Семена и прозвалъ его Палиемъ („за те шо спаливъ куринь“). Вторая часть преданія представляетъ вариантъ преданія, зап. Менчицемъ и напечат. въ „Малор. пред. и разск.“

стр. 202—204, съ тѣми особенностями, что въ вариантѣ г. Н. о замурованномъ въ тюрьмѣ Паліѣ Петру сообщаетъ 16 л. мальчикъ, что въ войскѣ шведовъ оказывается „баба химоридныця“, которая дала совѣтъ перековать лошадей „назадъ гавками“ (зубьями) и бѣжать. Съ появленіемъ Палія шведы бѣжали. Петръ предлагаетъ Палію въ награду деньги и „панскія области“, но Палій сказалъ: „Дай мнѣ милу Украину, за которую я 20 лѣтъ страждавъ; больше у тебе не прошу ничего“. Получивъ въ даръ Украину, Палій „вывивъ всехъ вороговъ, тоди и самъ Богъ-зна де дився. Винъ, кажуть, и теперъ десь живый, и якъ Господь ему веливъ, минается якъ мисяць: старіе и молодіе“. Этотъ вариантъ замѣчательнъ сильной идеализаціей героя и обиліемъ сказочныхъ мотивовъ. Варианты см. далѣе у Эварницкаго и Руликовскаго; 7) о чумакахъ, платившихъ сторожевымъ запорожцамъ, при видѣ копыя, воткнутаго на шляху (въ № 11); 8) *оплакиваніе (ироническое) тещи* зятемъ за то, что она дочкѣ давала вареники, а зятю сыроватку (въ 16 №); 9) о *жидъ-шпіонѣ* (въ № 17), котораго сначала связали со свиньей, такъ что носъ его пришелся ко хвосту свиньи, потомъ повѣсили за ноги; 10) о *велетняхъ* (великанахъ, въ № 18); одинъ велетень забралъ въ жменю крестьянина съ погоничами, плугомъ и 8 парами быковъ; 11) о *полозахъ* (въ № 25), душившихъ людей; 12) о *химородникѣ* Фескѣ, который могъ наносить человѣку болѣзнь, выжимая бѣлый сокъ изъ черной рѣдьки (№ 26); 13) о *происхожденіи каменныхъ бабъ* изъ людей, плевавшихъ на солнце (№ 27); 14) о *демоническомъ происхожденіи камней*, трехголовыхъ *змѣяхъ*, истребленныхъ великанами, и *полозахъ* (№ 29); 15) о *татарскихъ набѣгахъ* и трусливыхъ солдатахъ изъ бѣлоруссовъ (№ 52); 16) о названіи запорожцевъ *кіями*, о наборѣ ихъ княземъ Амлыномъ для войны съ турками и о разореніи Сѣчи (въ Екат. Губ. Вѣд. 1889 г. № 2); 17) о *раздѣлѣ запорожскихъ земель* и первыхъ поселенцахъ великорусскихъ (въ № 16), жены которыхъ были недовольны новыми мѣстами; 18) о *татарскихъ набѣгахъ* (№ 19), рвали подушки для показанія пути, убивали дѣтей, снимая имъ головы или придавливая лавкой къ стѣнѣ;

см. вариантъ у Эварницкаго; 19) *о домолтїи у запорожцевъ* (№ 23), интересный анекдотъ: были въ одной семьѣ дѣдъ 130 л., сынъ 110 и внучъ 90 л. Заѣхалъ къ нимъ панъ. Дѣдъ сидѣлъ на печкѣ, сынъ на припечкѣ, а внучъ вышелъ изъ хаты. Сынъ отъ старости былъ на память слабѣе дѣда. Панъ и спрашиваетъ старика, сидѣвшаго на припечкѣ, „шо ты за чоловікъ?“— Запорожець!— „А то шо на печи?“—А кать его зна шо воно за чортяка!... Стиво зазнаю, все у насъ живе... Дѣдъ съ печи и обзывается до пана: „Оттакъ, якъ бачешъ, чоловіче; забувъ еретичнй сыну, шо я ему и батько“; 20) *объ уходѣ запорожцевъ*, исчезновенїи острова Дубоваго, оскуднѣнїи звѣрей, птицъ и рыбъ, огненномъ змѣѣ; невидимое чудовище плакало и бросало камни на Хортицу (№ 28).

Всѣ эти сообщенїя въ отдѣльности очень кратки, въ 20, 30 печатныхъ строкъ. Переданы они живымъ народнымъ словомъ, причемъ въ самомъ языкѣ рассказчиковъ обнаружился архаическія черты. Возьмемъ на выдержку одинъ примѣръ: 70 лѣтъ старикъ Осипъ Шутъ на о. Хортицѣ рассказываетъ со словъ своего дяди Матвѣя Шута о татарскихъ набѣгахъ: „На зори передъ свитомъ чуемо—земля стогне, клекить десь. Поприпадали до земли, слушаемо—орда йде. Мы посидлалы коней та назустричь. Сталы добигать до орднського шляху, ажъ люды ячать; мы туды стико духу, и давай рубать орду“... Очевидно, здѣсь еще бьется жизненная жилка.

Къ статьямъ „Изъ области народныхъ преданїй“ близко стоитъ замѣтка г. Н. „Къ исторїи запорожской живописи“ (въ 39 № Екат. Губ. Вѣд. 1888 г.). Рѣчь идетъ о весьма популярной въ старину картинѣ, изображающей запорожца, играющаго на бандурѣ, съ соответствующими стихами. Г. Нозицкій описываетъ одну такую картинку въ Александровскѣ и приводитъ цѣликомъ находящуюся на ней пѣсню „Ой бандуро моя золотая, колыбѣ до тебе жинка молодая“ и пр. Такихъ картинъ сохранилось много. Г. Н. насчитываетъ три картины у крестьянъ екатерин. губ. У меня есть такая картина изъ купянскаго у. харьк. губ. Разница въ рисункѣ незначительная; чубъ загнуть не за лѣвое, а за правое ухо, конь не на лѣвой,

а на правой сторонѣ, нѣтъ шубы и нѣтъ литеры *n* на сѣдлѣ; вирша болѣе обширная, чѣмъ у г. Н.; захватывая всю эту виршу почти буквально, вирша на моемъ экземплярѣ добавляетъ еще шапки и сабли. Рисунокъ и вирша экземпляра г. Н. приведены въ Г. т. „Запорожья“ Эварницкаго 74; сюда же относится вирша „Ихавъ козакъ“ въ „Запорожьѣ“ г. Эварницкаго на 58 стр.

Въ Екатер. Губ. Вѣд. 1888 г. Я. П. Н. помѣстилъ нѣсколько замѣтокъ „Изъ церковной летописи“: образчикъ духовнаго суда 80 л. назадъ (№№ 18, 49), заботы епарх. начальства о воспитаніи дѣтей духовенства (№ 31), размѣръ вознагражденія духовенства за исполненіе требъ въ прошломъ вѣѣ (№ 43) и нѣсколько другихъ (№№ 45, 47 и 77), двѣ замѣтки „Изъ недавняго прошлаго“ (1861 года, въ №№ 61 и 62)—о порядкѣ замѣщенія писарей и требованіе окружнаго начальника, чтобы сельскія власти носили хорошія шапки. Статью „Итоги народнаго образованія въ александровскомъ у. 1866—1886“ (№№ 15 и 22); въ Екатер. Губ. Вѣд. 1889 г. № 37, 40 и 43, статью о поселенцахъ-менонитахъ, въ №№ 1, 3, 4, 6, 8 и 9; статью „Статистическое описаніе александровскаго уѣзда и маріупольской округи по архивнымъ даннымъ 1836 г.“ (были оттиски), въ №№ 101 и 102 1889 г. и въ № 3 1890 г. ст. „Городъ Александровскъ въ 1837 г.“.

Для этнографіи имѣютъ значеніе два ряда статей г. Н., 20 замѣтокъ „Изъ народныхъ преданій“, уже рассмотрѣнныхъ нами и „Пѣсни казацкаго вѣка“ въ Екатер. Губ. Вѣд. 1888, 1889 и 1892 годахъ. Это начало новаго цѣннаго собранія малорусскихъ историческихъ пѣсень, записанныхъ г. Новицкимъ изъ народныхъ устъ. Изъ 200 №№ напечатаны пока только 8 №№. Г. Н. снабдилъ ихъ историческими коментаріями; добавляю здѣсь нѣсколько литературныхъ:

1) Пѣсня про гетмана Богдана (Рожинскаго) въ 46 № Е. Г. В. 1888 г. Въ „Истор. пѣс. малор. нар.“ I 163—168 напечатано 5 вариантовъ этой думы. Вариантъ г. Н. почти дословно совпадаетъ съ вариантомъ В. изъ остерскаго уѣзда. Пѣсня сложена въ концѣ XVI в. (ок. 1575 г.). Въ вариантѣ г. Н. нѣтъ ничего, что дополняло бы извѣстные въ печати варианты.

2) *Пѣсня про Овраменка* въ 48 № Е. Г. В. 1888 г. По содержанию эта пѣсня сходна съ думой про Ивася Вдовиченка; величиной она менѣе и стихъ короче. Ненапечатанный вариантъ, записанный г. Маяжурой въ с. Мурафѣ богодуховскаго уѣзда харьк. губ., сходенъ съ вариантомъ г. Новицкаго, за исключеніемъ двухъ-трехъ словъ. Пѣсня начинается словами: „Оврамыха стара маты а три сына мала“... Одного сына Даницлѣ (въ вариантѣ Манжуры—Клыма) она отпустила погулять въ г. Тавань (у Манжуры—Таганрогъ). Данило ушелъ съ казаками, вступилъ подъ городомъ Келебердой въ битву съ турками и былъ убитъ. Пѣсня кончается словами: „Не потуравъ вражій сынъ, турчинъ, шо винъ козакъ молоденькій“. Личность героя неизвѣстна въ исторіи. Въ пѣснѣ онъ приурочивается къ двумъ городамъ, очень далеко отстоящимъ одинъ отъ другаго, къ Тавани у Днѣпровскаго лимана и вѣрности Келебердѣ на Днѣпрѣ недалеко отъ Кременчуга.

3) *Пѣсня про набѣгъ орды на Донщину*.—„Ой збиралыся паны—генералы все донскіи козаки“ (въ 53 №). Они повели войско на турокъ, а татары напали на Донщину и разграбили. Донцы зовуть на помощь кошевого. Послѣдній упрекаетъ ихъ въ оплошности. Пѣсня несомнѣнно заимствованная; ея родина—Донщина. Заимствование обнаруживается въ самомъ языкѣ: „генералы все донскіе козаки“, „ой нумо листъ бумагу писать“, „самъ подивишся, шо не силушка наша“,—обороты рѣчи, очевидно, великорусскіе, малорусской исторической поэзіи совсѣмъ не свойственные.

4) *Дума про Перебийниса* въ № 2 Е. Г. В. 1889 г. Перебийнисъ—Максимъ Кривоносъ, знаменитый предводитель загоновъ во время Богдана Хмельницкаго. Въ думѣ воспѣвается его побѣда надъ поляками въ 1648 г. Въ „Ист. пѣс. малорус. нар.“ Ант. и Драг. II 42—48 напечатано 4 варианта этой думы съ историческими комментаріями. Вариантъ г. Н. по полнотѣ и стройности превосходитъ другіе извѣстные въ печати варианты. Въ содержаніи есть новая деталь—указаніе, что Перебийнисъ загулялъ съ „вумасею Хмельницкою“ и не замѣтилъ, какъ пошли поляки.

5) *Дума про Супруна*— „Ой не знавъ козакъ, не знавъ Супрунъ дебъ славы нажиты“; онъ съ козаками напалъ на орду, попался въ плѣнъ, просить татаръ пустить его на Савуръ могилу, посмотреть на Украину, гдѣ возаки „какъ макъ процвѣтають“, передать кошевому просьбу о выкупѣ (№ 7). Въ печати извѣстно з варианта пѣсни о Супрунѣ (Чупрунѣ), два у Метлинскаго и одинъ у Костомарова (въ Ист. казач. по пѣс. 105). Вариантъ г. Н. почти тождественъ съ вариантомъ Костомарова. Лучшіе варианты въ сборникѣ Метлинскаго. У Костомарова запорожское войско „якъ золото сѣя“ вмѣсто болѣе обычнаго „якъ макъ процвѣтае“. Что послѣдній символъ былъ изстари популяренъ, видно изъ того, что онъ встрѣчается въ Лѣтописи Самуила Величка: „войско тое, увидѣвши съ горы якой, можно было сказать, же то суть ниви, красноцвѣтуцимъ голендерскимъ албо волоскимъ макомъ засѣяни и проквѣтнувши“. Въ другихъ думкахъ: Морозенко „якъ макъ роспускався“.

6) *Пѣсня о Морозенкѣ* (въ № 17), весьма популярная въ Малороссіи, извѣстна во многихъ вариантахъ (указаны въ примѣчаніи самимъ г. Новицкимъ). Начало: „Ой Морозе, Морозенко, ты славный козаче“. Мать его имѣетъ дурное предчувствіе. Морозенко подъ Келебердой разбитъ ордой; онъ просить пустить его на Савуръ могилу посмотреть на Украину; его убивають. Между пѣснями про Супруна или Чупруна и пѣснями про Морозенка большое сходство по содержанію, такъ что, можетъ быть, онѣ относятся къ одному лицу, Супруну Морозенкѣ—современнику, служившему въ Лютенской сотнѣ Полтавскаго полку, или его однофамильцу Нестору Морозенку (*Максимовичъ*, соч. I 713). Келеберда является роковымъ мѣстомъ не только для Морозенка, но, какъ мы видѣли, и для Овраменка. Въ вариантѣ г. Н. есть отчетливое указаніе на это укрѣпленіе: „Зостринемось зъ ордою пидъ Келебердою, а въ городи Келеберди покопани шанцы“.

7) *Пѣсня про князя Голицына* (въ № 21). Г. Новицкій озаглавилъ ее „Орда и ляхи“, по первымъ стихамъ, гдѣ упоминаются татары и поляки. Начало: „Наварины ляхи пыва“. Пѣсня шпивная: первые три стиха взяты изъ какой-то пѣсни

про борьбу козаковъ съ поляками; слѣдующіе четыре—изъ думы о татарскихъ побѣгахъ (у Ант. и Драг. I 73), послѣдніе 11 стиховъ составляютъ историческую пѣсню не про любимца царевны Софіи Вас. Вас. Голицына о крымскомъ походѣ 1689 г., какъ думаетъ г. Новицкій, а про вк. Мих. Мих. Голицына и прутскій походъ 1711 г. Близкіе варианты этой пѣсни въ сборникѣ Максимовича 1834, стр. 109 и въ Полит. пѣс. укр. народа, I 65—70 и въ особенности на стр. 92 и 102. Въ послѣднемъ изданіи находится обширный историческій комментарий къ пѣснямъ о возвращеніи козаковъ изъ Алешковской Сѣчи и кн. Голицынѣ.

и 8) *Пѣсня про быство народа во время руины изъ правобережной Украины въ лѣвобережную* въ №№ 52 и 53 „Екатеринослав. губ. вѣдом.“ 1892 г. На мой взглядъ—это одна изъ наиболѣе интересныхъ историческихъ пѣсенъ; сходная пѣсня отмѣчена въ сборникѣ Максимовича (с. 171). Въ „Политичныя пѣсни“ она не вошла. Начинается она словами „Та не спалъ я ничку не одну“. Народному пѣвцу „нудно“; дожди украсили землю цвѣтами, а люди бѣгутъ, бросаютъ грунты, пасики, бѣгутъ весной, чрезъ широкій Днѣпръ. Послѣднія 9 строкъ, гдѣ противопоставляются какіе-то „вороги“ прежнимъ „добрымъ нами“, повидимому, взяты изъ другой пѣсни. Въ концѣ пѣсни приложено объясненіе ея содержанія пѣвцомъ, 88 лѣтнимъ дѣдомъ Джигиремъ, и обширный историческій комментарий. Приложение объясненія рассказчика или пѣвца—новый пріемъ, заслуживающій полного одобренія. Изъ объясненія видно, какъ самъ пѣвецъ понимаетъ пѣсню. Въ частности комментарий Джигира бросаетъ на пѣсню о бѣгствѣ народа яркій лучъ свѣта.

Подлинныя тексты пѣсенъ и преданій г. Н. всегда сопровождается точными указаніями имени пѣвца, мѣста и времени записи, иногда историческими объясненіями.

Въ настоящее время г. Новицкій готовитъ къ печати сборникъ записанныхъ имъ изъ народныхъ устъ историческихъ пѣсенъ (болѣе 200 №№) и кромѣ того имѣетъ въ рукописяхъ до 150 рассказовъ о запорожскихъ урочищахъ и владахъ, до 100 заговоровъ и народныхъ рецептовъ. Нельзя не пожелать скораго изданія этихъ матеріаловъ, въ особенности пѣсенъ историческихъ.

Интересныя записи г. Новицкаго, сгруппированныя въ доступномъ изданіи, несомнѣнно привлекутъ къ себѣ вниманіе историковъ и этнографовъ.

Д. И. Эварницкій.

Съ этнографической дѣятельностью Я. П. Новицкаго большое сходство имѣетъ дѣятельность Дмитрія Ивановича Эварницкаго. Остатки Запорожья въ народной словесности привлекли ихъ вниманіе и собраны ими въ значительной полнотѣ. Г. Эварницкій началъ съ небольшихъ статей о Запорожьѣ, затѣмъ расширялъ ихъ все болѣе и болѣе народными преданіями и отчасти архивными матеріалами, такъ что въ 1888 г. „Запорожье“ вышло въ двухъ довольно объемистыхъ томахъ (290+251), а въ текущемъ году въ новой переработкѣ съ дополненіями выходитъ уже въ 3 томахъ меньшаго объема. О сочиненіяхъ г. Э. можно судить съ разныхъ точекъ зрѣнія, и, какъ уже было въ печати, можно отнести къ нимъ съ похвалами (М. И. Семевскій, А. Н. Пыпинъ) и съ осужденіемъ (гг. Ястребовъ, Линниченко, И. Житецкій). Признавая въ „Запорожьѣ“ г. Э. слабыя стороны (лирическія отступленія, недостатокъ критики пособій и источниковъ), мы не можемъ не признать, что авторъ по живому личному отношенію къ излюбленному имъ предмету изслѣдованія далъ широкую постановку дѣлу изученія запорожской старины, положилъ на него много труда и представилъ много новыхъ фактовъ въ видѣ разныхъ описаній и измѣреній, произведенныхъ на мѣстѣ, въ видѣ преданій, записанныхъ изъ народныхъ устъ, наконецъ, въ видѣ многочисленныхъ фотографій съ вещественныхъ памятниковъ запорожской старины.

Д. И. Эварницкій, уроженецъ харьковскаго уѣзда, получилъ образованіе въ харьковскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету, который окончилъ въ 1881 г. По выходѣ изъ университета г. Эварницкій года два состоялъ преподавателемъ русскаго языка въ Харьковѣ въ частной женской гимназій, затѣмъ переѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь нѣсколько

лѣтъ продолжалъ педагогическую дѣятельность. Въ 1892 г. г. Эварницкій получилъ мѣсто чиновника особыхъ порученій при туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ.

Въ началѣ 80-хъ годовъ г. Э. на своей родинѣ, на границѣ харьковской и курской губерній записалъ много народныхъ пѣсенъ. Позднѣе, во время частыхъ экскурсій на Запорожскія пепелища г. Э. собиралъ пѣсни, преданія, заговоры, большую часть которыхъ внесъ въ „Запорожье“, кое-что напечаталъ въ Екатер. Губ. Вѣд. 1888—1890 годовъ.

У г. Э. факты документальные идутъ рядомъ съ фактами литературно-этнографическими, событія дѣйствительныя съ отраженіями ихъ въ народной памяти и пониманіи. Это имѣетъ свои удобства и неудобства. Отъ соединенія исторіи съ этнографіей „Запорожье“ выигрываетъ въ живости и занимательности разсказа и проигрываетъ въ научной точности и основательности. Этнографическія сообщенія, разсказы дѣдовъ о старинѣ располагаютъ читателя и, быть можетъ, самого автора къ такому добродушному довѣрью, которое ослабляетъ историческую критику и скептицизмъ.

Остановливаясь исключительно на этнографической части въ трудахъ г. Э., мы должны предварительно оговорить, что г. Э. всегда и вездѣ выступаетъ исключительно, какъ собиратель матеріала. Мѣстами наряду съ народными пѣснями идутъ отрывки изъ стихотвореній Шевченка и Щоголева. Путемъ провѣрокъ и сравненій можно прійти къ заключенію, что лично г. Эварницкому принадлежитъ много интересныхъ этнографическихъ записей, въ значительной степени восполняющихъ предшествовавшіе мѣстные историческіе и этнографическіе труды Скальковскаго, архіеп. Θεодосія, Надхина и Новицкаго, составляющихъ въ совокупности цѣлый отдѣлъ мѣстной этнографіи на исторической подкладкѣ. Если бы г. Эварницкій въ свое время выдѣлилъ этнографическій матеріалъ и издалъ его отдѣльно съ надлежащими помѣтками о времени и мѣстѣ записи и съ указаніемъ на варианты, то получился бы оригинальный и цѣнный сборникъ народныхъ преданій о запорожцахъ. Во всякомъ случаѣ, и въ настоящемъ своемъ видѣ „Запорожье“

г. Эварницкаго представляет полезный вкладъ въ малорусскую этнографію. Главное значеніе его состоитъ въ массѣ историческихъ преданій, и потому мы здѣсь прежде всего сдѣлаемъ обзоръ ихъ, затѣмъ перейдемъ къ пѣснямъ, которыя, сравнительно съ преданіями, малозначительны; многія изъ пѣсенъ, помѣщенныхъ въ началѣ главъ, въ видѣ эпиграфовъ, и принятыхъ авторомъ за народныя, въ дѣйствительности или пѣсни искусственной фабрикаціи, или пѣсни, испорченныя посторонними вліяніями.

Кромѣ матеріаловъ, вошедшихъ въ „Запорожье“, мы остановимся въ концѣ статьи на интересной „присказкѣ до нюхарей“, напечатанной г. Эварницкимъ въ „Екатерин. Губер. Вѣдомостяхъ“.

Разказы Якова Литвина о привѣтливости Екатерины II и о богатырствѣ запорожцевъ: читали, не учившись грамотѣ (птица клевала въ лобъ, оттого и дѣлались грамотными); 7 лѣтній ребенокъ снесъ на колокольню пушку; въ церкви наиболѣе сильныя удерживали дыханіе, чтобы не свалить съ ногъ попа; клали землю въ сапоги и шапки; дѣлались невидимками; по разрушеніи Сѣчи ушли на „райскія острова“; при кончинѣ міра возвратятся (I, 12—14). Въ этихъ разказахъ не трудно замѣтить легкую примѣсь изъ сказокъ о богатыряхъ семилѣткахъ и сказокъ о рахманахъ.

Разказъ Платона Загородняго о притѣсненіи жидовъ запорожцами; какъ запорожець билъ жида кійкомъ и заставлялъ потомъ купить вѣй (I, 37—38),

Разказъ какого-то дѣда *о сотвореніи міра*, связанный съ балкой Безпятою. Богъ создалъ сначала теленка, потомъ поросенка, наконецъ ребенка, а чортъ создалъ волка, который потомъ хотѣлъ съѣсть чорта и вырвалъ у него пятеи, отчего и стали черти безпатыми (I, 46).

Преданіе о построеніи Новомосковскаго собора. Св. Николай указалъ мастеру Погребняку, какъ строить церковь. Легенда, какъ указываетъ г. Э., взята имъ изъ „Церков. памятниковъ Запорожья“ Надхина.

Разказы Самойла Пруса 80 л. о набѣгахъ татаръ, о сторожѣ запорожской и насмѣшливая пѣсня „Славни хлопци за-

порожцы“ (извѣстная: запорожцы не видали ни церкви, ни попа, за церковь принимали скирду сѣна, а за попа козла). Преданіе о сажаніи на коль (стовпова смерть) и о томъ, что отъ такой казни освобождали, если дѣвушка заявляла о своемъ желаніи выйти замужь за приговореннаго къ казни (108—111).

Описаніе хаты и вечери у дѣда Дмитра Бута, хранителя преданій, свѣдѣніями котораго ранѣе уже пользовался Я. П. Новицкій. Сказанія Бута о запорожской фаунѣ (зайцахъ, волкахъ, желтобрюхахъ (152—158).

Приказка о водкѣ безъ обозначенія, когда и отъ кого записана, нѣсколько, можетъ быть, приукрашенная: „Хто ты?“— Оковыта. „А зъ чого ты?“—Изъ жита. „А звидѣля ты?“— Изъ неба! „А куды ты?“—Куды треба. „А билетъ у тебе е?“— Ни, нема!—Такъ отъ тутъ-же тоби тюрма! (выпивается).

Преданіе о происхожденіи мѣстныхъ названій скаль, пороговъ и пр. I, 191, 219 и др., мелкія и малозначительныя.

Разказы о знахарствѣ запорожцевъ I, 255, какъ они переливались въ рѣчку, плавали на войлокѣ, ловили пули, замучивали въ степи бабъ („смакували“).

Весьма обширными, содержательными и наиболѣе цѣнными въ историко-бытовомъ отношеніи представляются разказы дѣда *Ивана Игнатовича Россолоды* (II, 1—33). По сообщенію г. Э., Россолодѣ было около 116 лѣтъ, цифра, вызывающая сомнѣніе, особенно, если принять во вниманіе обиліе и свѣжесть историческихъ воспоминаній Россолоды. Въ началѣ (1—3) авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о жизни этого замѣчательнаго старика, затѣмъ идутъ разказы Россолоды, что у запорожцевъ при крещеніи ребенка въ купѣль бросали порохъ, какъ возникло Запорожье изъ всякаго рода бѣглыхъ, о густотѣ травы (у воловъ тилько роги мріють), объ обиліи лѣсовъ, звѣрей, птицъ, пчель, рыбъ (о дикихъ коняхъ и лебедяхъ), о запорожцяхъ лыцаряхъ и гнзидюкахъ, о битвахъ съ татарами и турками, объ избіеніи дѣтей татарскихъ (давили лавкой—общій мотивъ), о хвастовствѣ поляковъ, о пыткахъ и казняхъ, котормъ подвергали запорожцы поляковъ и жидовъ, о пристрастіи запорожцевъ къ табаку, о запорожскихъ увеселеніяхъ, о музы

кальныхъ инструментахъ, занятіяхъ и ремеслахъ, объ устройствѣ куреней, бурдюговъ и зимовниковъ (цѣнные подробности), о приготовленіи пищи и посудѣ, весьма подробныя сообщенія объ одеждѣ и оружіи (20—26), о деньгахъ, о кошевомъ, о наказаніи преступниковъ, о сложеніи пѣсенъ, о религіозности и построеніи въ Кіево-печерской лаврѣ иконостаса и о разореніи Сѣчи Екатериною.

Преданіе объ И. Д. Сиркѣ—родился съ зубами, застрѣлилъ чорта, ходитъ по свѣту до сихъ поръ (II, 76), о сѣдлѣ съ золотыми пуговицами и какъ присвоилъ его себѣ жидъ шинкаръ (II, 78).

Разсказъ Прокопа Табуненка о томъ, какъ три чорта служили Грыцьку Горбтому, возили ему золото и потомъ, по его приказанію, обсадили Чортотмыцею Сѣчу лѣсомъ (II, 89); сказаніе сложилось для объясненія названія Сѣчи и подъ влияніемъ сказочныхъ мотивовъ о Маркѣ Богатомъ. Далѣе, Табуненко сообщилъ интересный новый вариантъ преданія о разореніи Сѣчи Екатериной, преданіе объ уходѣ подъ землю запорожской церкви и преданіе, что Галаганъ, разорившій Сѣчь въ 1709 г., знался съ чертами (II, 90—92).

Разсказы Сукура и Онкиенка о названіи казаковъ (начальникъ былъ козарь, имѣлъ тысячу возъ), о заселеніи Сѣчи дѣтьми, побѣдахъ надъ турками и ляхами, о томъ, какъ обѣдали запорожцы во дворцѣ длинными ложками (вариантъ у Новицкаго), насмѣшви надъ придворными, о нападеніи Потемкина на Сѣчь и уходѣ запорожцевъ. Потемкинъ приглашалъ ихъ возвратиться, но кошевой отвѣтилъ:— „Ой спасыби, тоби, Грыцьку, та за твою ласку, шо мы йлы на Велькдень та гречану паску“ (II, 93—99).

Преданіе о *гибелі запорожскихъ лыцарей* (II, 153) замѣчательно, какъ южнорусская параллель къ былинамъ о томъ, какъ перевелись богатыри. Лыцари изображаются настоящими богатырями (голова въ семь пудовъ, съ расправленными усами въ двери не войти, превращались въ котовъ, въ рѣчки, въ волшебныя зеркала видѣли, что дѣлается за тысячу верстъ, „знаюки“, „вельть-люди“). Царица рѣшила ихъ уничтожить. Они

рѣшили броситься въ рѣку Бугъ. Впереди выѣхали кошевой и есаулъ; они ударили рукой по камню, и на камень остались слѣды отъ руки, на память потомству. Закричали казаки пугу! пугу! и бросились съ конями въ воду, и теперь они еще плаваютъ на днѣ рѣки Буга. Присутствіе въ преданіи Буга напоминаетъ пѣсни о разореніи Сѣчи въ 1709 г. „Ишли наши славни запорожци по-надъ Богомъ рикою“ и др.

Сказанія о запорожскихъ *кладахъ* (II, 197—199), *флортъ и фаунъ* (II, 207), о мѣстныхъ названіяхъ (217, 222 и др.).

Весьма интересны *разказы Ивана Хотюна* о запорожцѣ и его женѣ чародѣйкѣ, о Семенѣ Паліѣ и Грыцькѣ Сагайдакѣ. Преданіе о Сагайдакѣ, чисто историческое (какъ нападали татары и потомъ запорожцы отнимали у нихъ плѣнниковъ), представляетъ вариантъ преданія, зап. Новицкимъ въ 10 № „Степи“, 1885 г. Въ литературномъ отношеніи любопытно преданіе о Паліѣ, обширное и содержательное (не отмѣчено въ обширной литературѣ предмета у В. В. Каллаша во II вып. „Этногр. Обзор.“ 1889 г.). Семень Палій въ молодости назывался Попильныкомъ („усе у попили валивсь“). Далѣе, какъ въ отмѣченномъ ранѣе вариантѣ г. Новицкаго, Палій застрѣлилъ черта, получилъ силу и долговѣчность (какъ мѣсяць измѣнялся, но не умиралъ), наводилъ на ляховъ „ману“, далѣе, какъ въ вар. Менчица, Палій замурованъ въ столбъ Мазепой, освобожденъ Петромъ Великимъ, помогъ ему одолѣть Мазепу. Интересна одна деталь, напоминающая былинку про Василя пѣлицу и думу про Михайлика. Палій выстрѣлилъ изъ своего ружья въ чарку Мазепы и попалъ въ нее, когда Мазепа подносилъ ее ко рту, мелкій вариантъ общераспространеннаго литературнаго мотива на тему о мѣткости стрѣльбы (II, 233).

Дѣлая общій обзоръ преданій и сказокъ, записанныхъ г. Эварницкимъ отъ стариковъ, нужно предпочтеніе отдать разсказамъ Россолоды, Табуненка и Хотюна.

Пѣсни, нашедшія мѣсто въ „Запорожьѣ“ г. Эварницкаго, большею частью фальшивыя. Есть выдержки изъ подлинныхъ напечатанныхъ думъ. Къ пѣснямъ авторъ отнесся невнимательно. Относительно печатныхъ, напр., „Днипре-брате“ (I,

253), отрывка пѣсни о казакѣ Голотѣ (I, 149) и думы о Байдѣ (I, 210), не указавъ источникъ, откуда онѣ взяты (Истор. пѣс. малор. нар.). Относительно нѣкоторыхъ новыхъ замѣчено только „народная пѣсня“, что не оправдывается содержаниемъ пѣсни. Въ I т. 60 стр. пѣсня „*А вже митъ билимъ двисти якъ козакъ въ неволи*“ несомнѣнно фальшивая, уже потому, что народные пѣвцы не знаютъ цыфровой хронологіи. Далѣе, жалоба казацкой доли, что она „пидъ великимъ балауромъ у тюрми“ также обличаетъ искусственную сочиненность пѣсни.

Въ I, 252 пѣсня „*Ой цукъ, маты, цукъ*“ также сомнительная. Странно, напр., выраженіе, что казаки „попередъ себе ляхивъ облавою пруть“.

Отрывокъ „*закряче воронъ степомъ летючи*“ (II, 36) или невѣрно переданъ, или кѣмъ либо приукрашенъ. Въ ней рядомъ идутъ воронъ, возуля, кречеты и орлы, что необычно для народной поэзіи; далѣе сомнительны стихи „закрюблютъ (?) кречеты сызи, зажахаются (?) орлы хжи“.

Пѣсня про Сирка „*Ой якъ крикне старый орелъ*“ (II, 74) записана г. Эварницкимъ въ с. Покровскомъ екатериносл. уѣзда. Г. Э. замѣчаетъ: „пѣсня, видимо, не народнаго склада“. Это сомнѣніе, вполне приложимое ко всѣмъ предыдущимъ народнымъ пѣснямъ въ „Запорожьѣ“, менѣе всего вызывается пѣснью о Сѣреѣ, сотканной изъ мотивовъ вполне народныхъ. Мнѣ представляются нѣсколько сомнительными только два выраженія (запорожье до Сирва „тнется“ и загудило „якъ Чорное море“).

Четверостишіе про запорожцевъ и Галагана, въ родѣ насмѣшки надъ запорожцами: „Ты казавъ, пане Галагане, що въ насъ війска немає, а якъ вийде на таракана, такъ якъ макъ процвітає“ (II, 92). Тараканъ поставленъ вмѣсто собственнаго имени, и пѣсня въ устахъ запорожцевъ имѣла серьезное значеніе. Это четверостишіе представляетъ отрывокъ исторической пѣсни про разрушеніе Чертомлыцкой Сѣчи Яковлевымъ и Галаганомъ въ 1709 г., гдѣ оно звучитъ такъ: „Казавъ еси, пане Галагане, що у Сичи Москвы не має; колы гляну—помижъ бурынями якъ макъ процвітає“.

Отрывокъ народной пѣсни про козака бандуриста „*А въ емному лузи явиръ зеленевый*“, (II, 100).

Псевдо-народная пѣсня „*Ой піднявся орелъ зъ Великою Лугою*“ (II, 142). Сочиненность видна въ цѣломъ и въ частяхъ пѣсни. Орелъ созываетъ орлятъ, чтобы полетѣть „на ридны (?) могылы, бо тѣи могылы славу нашу вкрылы“. Образы и обороты совсѣмъ чужды народной поэзіи.

Четырестишіе *про Алешковскую Сѣчь* (II 144) также псевдо-народное. Высказывается недовольство Алешками, причемъ Алешковская Сѣчь названа „поганой лычиной“ — дѣло неумѣлаго фальсификатора.

Несомнѣнно народная пѣсня *о паденіи Запорожья*: „*Ой зъ-пидъ города, зъ-пидъ Елизавета*“ (II 163).

Также несомнѣнно народная пѣсня *про Калнышевскаго*, небольшая, „*Ой полеты ты, черная галко, та на Динь рыбы исты*“ (II 178); буквально сходна съ пѣсней у Максимовича (изд. 1837 г.) на стр. 128; у Максимовича только вмѣсто Калныша стоитъ „кошевой“. Г. Э. записалъ эту пѣсню въ Богодарѣ александ. у. Екатер. губ.

Пѣсня о паденіи Запорожья (II 189), народная извѣстная уже въ печати: „*Та ще не свить*“ и проч.

Большая народная пѣсня „*Свить велькый*“ *про паденіе запорожья*, зап. г. Эварницкимъ въ с. Писаревкѣ харьковскаго уѣзда (II 201—202). Варіанты этой пѣсни отмѣчены нами въ статьѣ о г. Новицкомъ при разсмотрѣніи пѣсни о Харькѣ.

Народная пѣсня „*Та черная хмара наступае*“ — варіантъ извѣстной думы о Ганжѣ Андыберѣ, взята изъ какого-то печатнаго изданія (см. *Костомарова*, Ист. казач. 197).

Въ предисловіи къ „*Запорожью*“ г. Эварницкій говоритъ, что имъ записана для отдѣльнаго изданія тысяча пѣсень. И къ этимъ неизданнымъ матеріаламъ позволимъ себѣ примѣнить высказанное уже однажды нами пожеланіе, чтобы пѣсни были издаваемы не въ сыромъ видѣ, а съ критикой и разборомъ, съ устраненіемъ извѣстнаго и псевдо-народнаго. Въ настоящее время доброячейственность изданія уже не можетъ быть измѣряема объемомъ, а исключительно критическими приѣмами.

Интересные этнографическіе матеріалы были напечатаны г. Эварницкимъ въ Екатеринославскихъ Губ Вѣд., именно раз-

сказы о кладахъ, какъ найти ихъ (1889 № 49), двѣ сказки о дурнѣ и своенравной женщинѣ, присказка до нюхарей (1889 №№ 60 и 63) и нѣсколько заговоровъ (1890 № 43). Матеріалъ записанъ хорошо. Изъ этихъ записей значительный интересъ представляетъ присказка до нюхарей, записанная г. Эварницкимъ въ Екатеринославской губ. отъ крестьянина Василя Бережного. Заглавіе присказки не совсѣмъ точно передаетъ ея содержаніе. О нюхаряхъ говорится только въ началѣ присказки; затѣмъ слѣдуетъ юмористическій рассказъ на некрасовскую тему „Кому на Руси жить хорошо“. Рассказчикъ, прежде чѣмъ начать свою присказку, вынимаетъ изъ праваго кармана своихъ шароваръ длинный рогъ съ табакомъ, постукиваетъ имъ о колѣно, нюхаетъ, потчиваетъ другихъ и затѣмъ начинаетъ присказку: „А сходьтесь, люды добри, табаки понюхаты, а рады послухаты“. Рассказчикъ говоритъ далѣе, что встрѣтилъ старика, разговорился съ нимъ объ употребленіи табаку, причемъ оказалось, что на Украинѣ табаку „тылько те и не вжыва, шо въ колысци спочива“. Но и для „малой дытны“ приготовлена „роговына“ (нюхаютъ изъ рога). Затѣмъ рѣзкій скачокъ на эту „дытну“. Идетъ „маненькій хохольчикъ“ сначала въ школу; здѣсь его бьетъ дьяконъ; мальчикъ бросаетъ школу и поступаетъ къ сапожнику, потомъ переходитъ къ ткачу, отъ ткача уходитъ въ городъ на легкіе заработки; но и въ городѣ ему не понравилось; онъ попадаетъ въ село въ „русскіе попы“ безъ знанія грамоты и устанавливаетъ большіе поборы (со двора по коровѣ, волю, овцѣ и пр.). Прослуживъ 5 лѣтъ попомъ, онъ ушелъ изъ села, поссорился со своими сыновьями и очутился въ хатѣ слушателя присказки. Эта повѣсть замѣчательна въ томъ отношеніи, что въ нее вошло нѣсколько „нисенитницъ“, отчего и вся повѣсть получаетъ характеръ „нисенитницы“. Подъ такой литературной формой скрыта сатирическая основа повѣсти, и скрыта настолько удачно, что повѣсть можетъ безпрепятственно фигурировать въ печати,—рѣдкое проявленіе въ народной словесности прикровенной формы рѣчи.

Въ повѣсть вошли слѣдующія нисенитницы: 1) молодецъ идетъ въ городъ Быльци; тамъ дурныи людцы косою цыбулю

косятъ, вилами борщъ носятъ, 2) потомъ онъ идетъ въ городъ Вонгарь, тамъ новый анбаръ, вилъ печеный, чеснокъ товченый; стремить низъ — отрижь та яжъ; 3) поступаетъ попомъ въ церковь, которая „зъ варениковъ злиплена, млынцями верыта“ и пр., 4) видитъ попа — „якъ яшний снись“ и пр. и 5) когда уходилъ изъ села, то сыновья его посадили на смоляного воля, который растаялъ отъ солнечныхъ лучей.

Г. Эварницкій находить, что „Присказка до нюхарей—малорусское Горь-Злосчастіе, переданное лишь въ простой, безъ поэтическихъ красотъ, формъ и не съ такимъ глубоко-трагическимъ содержаніемъ, зато съ неподражаемымъ малороссійскимъ юморомъ“. Съ своей стороны мы настолько высоко ставимъ повѣсть о Горь-Злосчастіи, какъ памятникъ нравственно-философскій, что „Присказку до нюхарей“ устранимъ отъ серьезнаго съ нимъ сопоставленія. Юморъ „присказки“ грубоватый, особенно во второй ея половинѣ, въ отношеніи малорусскаго „молодца“ въ церкви и духовенству. Нельзя сказать, чтобы эта грубость проявилась исключительно въ „присказкѣ до нюхарей“. Есть и другія подобныя присказки и пѣсни, болѣе слабыя, короткія, а подчасъ и болѣе грубыя, напр., записанныя г. Манжурой въ екатеринославской губ. Пѣсни „Якъ бувъ соби чоловікъ пророка“, „Якъ пишовъ я лужкомъ—бережкомъ“ (краткій вариантъ присказки).

Присказка до нюхарей, записанная г. Эварницкимъ, представляетъ лучшее проявленіе того новаго рода народной словесности, который мѣстами носитъ названіе „бесѣды“ и въ печати представленъ весьма незначительнымъ числомъ записанныхъ пѣсенъ—разказовъ. Это нѣчто среднее между пѣснею и повѣстью, съ сатирическимъ элементомъ, съ насмѣшками мужа надъ панами, духовными лицами, иногда надъ самимъ собой, своей неделей. Языкъ большею частью неправильный. Стихъ невыдержанный. Содержаніе грубоватое. Нѣсколько такихъ неизданныхъ пѣсенъ мы имѣемъ подъ руками въ сборникѣ г. Манжуры, принадлежащемъ харьковскому историко-филологическому обществу. Пѣсни эти имѣютъ характеръ отдельныхъ частей или обрывковъ „Присказки до нюхарей“, въ

отдѣльности гораздо болѣе грубыхъ. Въ сборникѣ этнографическихкихъ материаловъ липовецкаго у. вѣев. губ. въ VIII т. „Zbiór wiadomości“ 229—233 находится три такихъ бесѣды: 1) Бесѣда про волостнаго пана и старосту (насмѣшки надъ сельскими властями и панами), 2) Бесѣда про мужицкое горе (измѣна жены; жалобы на сельскихъ священниковъ; жалобы на панщину; на побой отъ пановъ и ихъ приказчиковъ), и 3) Бесѣда про парубоцьки заробитки (краткое описаніе одежды бѣдняка). Къ разряду такихъ же бесѣдъ принадлежитъ сказка о Кирикѣ и подобныя въ Zbiór wiadomości IX, 149—152 и въ „Малор. народ. пред.“.

Пѣсни или точнѣе стихотворныя повѣсти „бесѣды“ въ новѣйшее время записаны также у поляковъ, притомъ поляковъ далекаго запада (въ Силезіи). По стихотворному складу, по обычаю болѣе декламировать, чѣмъ пѣть, отчасти по содержанію польскія „бесѣды“ сходны съ малорусскими. Въ польскихъ бесѣдахъ нѣтъ той бойкой, а мѣстами злой сатиры, какаю пробивается въ бесѣдахъ малорусскихъ. Въ польскихъ болѣе жалобъ и сѣтованій, напр., пѣсня объ инженерахъ болѣе походить на малорусскую пѣсню—виршу: „Нема въ свити правды“, чѣмъ на бесѣду: „W świecie wszędy prawda mała; już ją falesz owładła... nie uważa pan siedlaka, gdy nie zarobi piętaka“... Прусскій полякъ въ „Pieśń o naszej biedzie“ жалуется:

Zatym nastal czas takowy,
Piszą swinie, konie, krowy,
Piszą owcy i barany
Coż poczniemy z temi panu?
Nie śmie złapać w lesie ptaka,
Ani ryby, ani raka,
Nie śmie w lesie krowy popaść,
Bo cie gajny hned chce dopaść...
Bożel zmiłuj sie nad nami,
Bychmy mogli żyć z panami (Zbiór. IX, 279).

Присказка до нюхарей, при всей грубости ея тона и неправильностяхъ языка, сравнительно съ малорусскими и польскими бесѣдами выдается по внутренней силѣ, величинѣ и цѣльности. Оригинальна въ ней комбинація частей, соединеніе

въ одно цѣлое нѣсколькихъ сказочныхъ мотивовъ, быть можетъ, съ мѣстными бытовыми примѣненіями или намеками. Не слѣдуетъ, однако, думать, что главная часть присказки (разсказъ о томъ, какъ невѣжественнаго молодца въ поны поставили) оригинальна. Г. Эварницкій напрасно усматриваетъ въ „русскомъ попѣ“ раскольничьяго попа. Мы, кажется, будемъ ближе къ истинѣ, если, устранивъ въ данномъ случаѣ всякія бытовыя или историческія приуроченія, весь разсказъ о томъ, какъ малорускаго молодца въ русскіе попы поставили, пріймемъ за весьма распространенный литературный мотивъ изъ весьма распространенныхъ сказокъ про дурныхъ людей или глупыхъ народовъ. Существовали такія сказки еще въ древней Греціи (абдериты) и въ древней Руси (лѣтописныя сказанія о печенѣгахъ). Въ новое время записаны въ разныхъ мѣстахъ Россіи (*Аванисъевъ*, *Чубин.*, *Мошинская* и др.), у поляковъ (*Zbiór wiadom VIII*), у французовъ (сборники *Bladé*, *Sauvé* и др.), на Кавказѣ (*Уборн. матер. VII*) и др. Сказки о глупыхъ людяхъ состоятъ обыкновенно въ томъ, что сынъ (или мужъ), считая родителей (или жену) глупыми, ищетъ болѣе разумныхъ людей и находитъ еще болѣе глупыхъ, между прочимъ, находитъ глупыхъ литвиновъ (т. е. бѣлоруссовъ), напр. въ малорусской сказкѣ г-жи *Мошинской* въ *Zbiór wiadom. IX*, 143, которые избираютъ бѣзграмотнаго героя сказки въ попы за то, что онъ прорубилъ окна въ новоотстроенной церкви. Наряду съ 5 нисенитницами въ присказку, слѣдовательно, вошла также сказка о литвинахъ.

М. А. Андріевскій

Въ фольклористикѣ, болѣе чѣмъ въ какой-либо другой наукѣ, возможны научно-популярныя изслѣдованія, и здѣсь они болѣе чѣмъ гдѣ-либо умѣстны и желательны. Современное народоизученіе нуждается еще въ сыромъ матеріалѣ, и такой матеріалъ все болѣе и болѣе нагромождается. Чувствуется, съ одной стороны, настоятельная потребность въ общественномъ сочувствіи и поддержкѣ, съ другой—необходимость по возможности регу-

лизовать такую поддержку указаніемъ правильныхъ методическихъ приѣмовъ и опредѣленіемъ главныхъ потребностей науки. Къ сожалѣнію, такихъ указаній сдѣлано мало. Научная критика, дѣльная и спокойная, въ нашей печати составляетъ рѣдкое явленіе. Отъ развитія въ обществѣ интереса къ исторіи и этнографіи зависитъ успѣшное развитіе историческихъ и этнографическихъ изданій, появленіе этнографическихъ музеевъ, выставокъ, съѣздовъ и тому подобныхъ несомнѣнно просвѣтительныхъ учреждений. Въ то же время, несомнѣнно, что интересъ къ исторіи, этнографіи, антропологіи и др. социальнымъ наукамъ можетъ развиваться лишь при живомъ общеніи специалистовъ съ интеллигентнымъ обществомъ, при доброжелательномъ отношеніи присяжныхъ дѣателей науки къ научно-популярной литературѣ и при благоразумной сдержанности постоянныхъ журнальныхъ обозрѣвателей.

Понятіе о научно-популярной литературѣ въ приложеніи къ точнымъ и выработаннымъ наукамъ, напр.—астрономіи, можетъ опредѣляться иначе, чѣмъ по отношенію къ новымъ не вполне еще установившимся отраслямъ знанія, напр.—фольклору. Въ послѣднемъ случаѣ мы считаемъ недостаточнымъ популярную передачу добытыхъ свѣдѣній. Въ научно-популярныхъ этнографическихъ изслѣдованіяхъ, при первомъ и необходимомъ условіи—ясности изложенія, на ряду съ извѣстными фактами должны быть неизвѣстные, или извѣстнымъ фактамъ должно быть дано такое освѣщеніе, какое даетъ имъ вся совокупность мѣстныхъ жизненныхъ условій.

Въ научно-популярной литературѣ по фольклору имѣютъ, кромѣ того, большое значеніе два обстоятельства, несуществующія для другихъ отраслей научно-популярной литературы: что и гдѣ популяризуется, другими словами—выборъ темы и мѣсто изданія статьи. Этими обстоятельствами опредѣляется многое: пониманіе статьи, степень возбуждаемаго ею въ обществѣ интереса, возможность воздѣйствія ея на развитіе мѣстныхъ научныхъ разысканій. Напримѣръ, безразлично—гдѣ выйдутъ статьи объ олонекскихъ сказителяхъ, о малорусскихъ кобзаряхъ, о коломийкахъ, о заплаткахъ, о думахъ—однѣ статьи будутъ понятнѣе

и плодотворнѣе на сѣверѣ, другія на югѣ. Можно, напримѣръ, на югѣ еще говорить въ научно-популярной книгѣ „о пивничномъ океанѣ“, какъ неизмѣнномъ и вѣчномъ явленіи природы, хотя, быть можетъ, статья о морѣ Черномъ или Азовскомъ была бы и здѣсь болѣе умѣстна; но напрасная трата времени и средствъ распространяться здѣсь о временномъ и измѣнчивомъ культурномъ явленіи, напр., дѣвичникѣ, свадебныхъ плачехъ, люкшинѣ прячѣ или турпанѣ (свадебные хлѣбы). Съ другой стороны, для сѣверянъ мало интереса и мало пользы представляли бы, напримѣръ, статьи о забытыхъ здѣсь давно яичныхъ писанкахъ, особенно на дальнемъ сѣверо-востоцѣ, гдѣ самое куриное яйцо, по мягкости скорлупы, не годится для окраски. Научно-популярная литература по фольклору, абсолютно не признающая мѣсто-этнографической точки зрѣнія, легко можетъ превратиться въ собраніе курьезовъ и раритетовъ.

Установленіе этихъ общихъ требованій считаемъ не лишнимъ предпослать разсмотрѣнію брошюры М. А. Андриевскаго о думѣ про азовскихъ братьевъ. На мой взглядъ, сочиненіе это представляется весьма полезнымъ въ научно-популярномъ отношеніи, не смотря на неполноту и погрѣшности въ объясненіи нѣкоторыхъ частныхъ думъ.

Въ III т. „Истор. русск. этногр.“ А. Н. Пыпина М. А. Андриевскій не упоминается. Довольно подробная біографія М. А. Андриевскаго, по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ брата его А. А. Андриевскаго, напечатана въ I т. „Крит.-біографич. словаря“ Венгерова, стр. 963—964. Въ настоящемъ случаѣ мы заимствуемъ изъ этой біографіи нѣсколько главныхъ фактовъ. Митрофанъ Александровичъ Андриевскій, сынъ священника, родился въ г. Каневѣ кievской губ., получилъ образованіе въ кievской 2 гимназіи и потомъ въ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ кандидатомъ по историко-філол. факультету въ 1862 г. Въ 60-хъ годахъ онъ былъ учителемъ русск. словесности въ ровенской гимназіи, потомъ въ коростышевской учительской семинаріи, въ 70-хъ—въ екатеринославскомъ реальномъ училищѣ, съ 1885 г. инспекторомъ народныхъ училищъ въ г. Мелитополь. Скончался въ 1887 г. У М. А. Андриевскаго была склонность къ науч-

нымъ занятіямъ, но разныя житейскія невзгоды и кочевая учительская жизнь помѣшали ему заявить себя крупными научными трудами. Съ университетской скамьи у М. А. были двѣ излюбленныя темы: изслѣдованіе малорусскаго глагола и изслѣдованіе текста Слова о Полку Игоревѣ. Послѣднее изслѣдованіе выразилось въ 2 печатныхъ выпускахъ. Здѣсь много произвольныхъ и ошибочныхъ толкованій текста. Въ „Кіев. Старинѣ“ М. А. напечаталъ нѣсколько статей по южно-русской исторической топографіи (1882, № 9, 1883, № 9—10 и 1885 № 6).

Въ основу статьи объ азовскихъ братьяхъ легла публичная лекція, прочитанная 20 марта 1883 г. въ г. Екатеринославѣ съ благотворительной цѣлью. Выборъ темы весьма удачный. Сцена дѣйствія въ думѣ—восточная часть екатеринославщины; вся историческая и бытовая обстановка думы отчасти можетъ быть разъяснена тѣми историческими преданіями, которыя до сихъ поръ сохранились въ наднѣпрянскихъ селахъ екатеринославской губ., въ окрестностяхъ самаго Екатеринослава. Исполненіе также удачное. Наряду съ извѣстными данными, которыя авторъ располагаетъ въ ясномъ, систематическомъ порядкѣ и излагаетъ яснымъ языкомъ, идутъ интересные научные комментаріи, освѣщающіе думу въ цѣломъ и въ частяхъ, съ сохраненіемъ жизненнаго ея колорита.

Малорусскія думы и колядки, болѣе чѣмъ какіе-либо другіе отдѣлы народной словесности, заслуживаютъ популяризаціи въ виду ихъ высокихъ художественныхъ достоинствъ и глубоко проникающаго ихъ чувства человѣколюбія. „Истинная жизнь, говоритъ гр. Л. Н. Толстой (въ „*Ma religion*“), есть та жизнь, которая прибавляетъ нѣчто ко благу, собранному поколѣніями прошедшими, которая умножаетъ это наслѣдство въ настоящемъ и завѣщаетъ его поколѣніямъ будущимъ“. Относительно эпическаго творчества прямая преемственная нить потеряна безвозвратно; но возможно еще удержать и распространить его нравственные элементы въ хорошо поставленной народно-популярной и педагогической литературѣ. Здѣсь умѣстно привести слѣдующее замѣчаніе знаменитаго покойнаго слависта Миклошича: „Съ теченіемъ времени, когда подъ вліяніемъ наступа-

тельнаго движенія цивилизаціи заглохнуть послѣдніе звуки эпическихъ пѣсень, дѣти новаго времени стануть обращаться къ этимъ прекраснымъ созданіямъ народной мысли и фантазіи и въ эпическихъ пѣсняхъ переживать свою молодость и юность своего народа (*Miklosich, Die Serbische Epik, 3*).

Для Россіи сѣверной и южной наступило уже такое время. Сказители и кобзари отошли въ область историческаго прошлаго; но значительная часть ихъ прекраснаго достоянія закрѣплена въ печати, и теперь представляется вполне умѣстнымъ и своевременнымъ дать этому достоянію широкое распространеніе доступными книжными средствами. Относительно великорусскаго эпоса такое дѣло уже начато и ведется довольно успѣшно, чего нельзя сказать про памятники болѣе художественнаго и болѣе сильнаго нравственными элементами эпоса малорусскаго. Составители и издатели дѣтскихъ книгъ давно уже обратили вниманіе на русскія былины, и главнѣйшія былины нѣсколько разъ изданы въ передѣлѣ и въ пересказахъ. Сначала появились пересказы отдѣльныхъ былинъ: „Добрыня Малковичъ“ *Разина*, „Послѣдняя богатырская дружина“ *Разина*, „Илья Муромецъ“ *Острогорскаго*. Книжки эти вышли въ концѣ шестидесятыхъ и въ семидесятыхъ годахъ. Въ нихъ отмѣчены выдающіеся моменты дѣятельности Добрыни и Ильи. Авторы кое гдѣ вставили собственные стихи въ духъ былинъ. Въ 1880 г. вышелъ уже сводъ изданныхъ образцовъ народной эпической поэзіи, — „Книга былинъ“ — *Авенаріуса*. Появленіе этого свода былинъ, предназначеннаго для дѣтскаго чтенія, было привѣтствовано въ педагогической литературѣ, какъ явленіе радостное, удовлетворяющее потребности сближенія общества съ народомъ, и вскорѣ вызвало подражанія. Такъ за „Книгой былинъ“ *Авенаріуса* послѣдовало изданіе редакціей журнала „Русскій начальный учитель“ составленнаго Бунаковымъ сборника былинъ для народнаго чтенія, съ примѣчаніями, и изданіе Девріеномъ сборника народныхъ былинъ въ пересказѣ *О. И. Шмидтъ-Москвитиной*. Послѣдній сборникъ представляетъ большой томъ, съ восемью хромолитографіями, исполненными по акварелямъ Н. Н. Каразина. Въ „Русскіе Богатыри“ *Москвитиной* вошло 15 былинъ кievскаго

цѣла и 2 былины цѣла новгородскаго. Изданіе „Русскихъ Богатырей“ Москвитиною сопровождалось слѣдующей дѣльной по мысли ревламой: „Ребенокъ живетъ преимущественно чувствомъ, воображеніемъ, легко увлекается силою физической, безъ труда чудесное, сверхъестественное признаетъ за дѣйствительное...; ему родствены произведенія народнаго чувства; онъ способенъ ихъ понять непосредственнымъ чувствомъ. Русскому ребенку особенно близки русскія былины. Въ нихъ выражается міросозерцаніе нашихъ предковъ, ихъ отношеніе къ природѣ, тѣ вѣрованія, стремленія, которыя легли въ основу народнаго міросозерцанія. Вотъ почему былины составляютъ необходимый воспитательный элементъ; чѣмъ полнѣе ребенокъ проникнется ихъ духомъ, чѣмъ точнѣе онъ ихъ усвоитъ, тѣмъ болѣе данныхъ постичь вполнѣ въ индивидуальное возрѣніе русскаго народа. Національность одно изъ необходимыхъ условій здороваго воспитанія“. Это замѣчаніе, справедливое относительно былинь, съ полной основательностью можетъ быть приложено къ колыдакамъ и думамъ, какъ къ художественнымъ и правдивымъ произведеніямъ народнаго словеснаго творчества. Извѣстный переводчикъ Пушкина и Лермонтова нѣмецкій поэтъ *Фр. Боденштедтъ* при изданіи перевода избранныхъ народныхъ малорусскихъ пѣсенъ на нѣмецкій языкъ, „Die poetische Ukraine, eine Sammlung kleinrussischer Volkslieder“ (Stuttgart, 1845), замѣтилъ, что „ни въ какой другой землѣ дерево народной поэзіи не принесло такихъ величественныхъ плодовъ, нигдѣ духъ народа не запечатлѣлся такъ живо и свѣтло въ пѣсняхъ, какъ у малоруссовъ. Какое трогательное вѣяніе грусти, какія прямо человѣческія чувства высказываются въ пѣсняхъ, которыя козакъ поетъ на чужбинѣ! Какая нѣжность вмѣстѣ съ мужественною силою проникаетъ его любовныя пѣсни! Надо еще особенно выставить на видъ тактъ и цѣломудріе, которые господствуютъ въ этихъ пѣсняхъ“. *Лукичъ* въ *Slavische Blätter* говоритъ, что „народная поэзія малоруссовъ самая богатая въ Европѣ. Она отличается эстетическими достоинствами и поэтическимъ вдохновеніемъ, мѣткостью выраженія и имѣетъ въ себѣ нѣчто поднимающее, величественное, нѣчто чувствительно тро-

гательное, меланхолическое и живописное". И. В. Яичъ въ статьѣ „Дунай въ славянской народной поэзіи“ называетъ малорусскую народную поэзію самой богатой, задумчивой и прекрасной славянской народной поэзіей¹⁾. Подобнаго рода отзывы о малорусской народной поэзіи находятся въ сочиненіяхъ другихъ иностранцевъ, писавшихъ о Россіи, у Тальви, Рамбо, Ральстона²⁾.

Въ колядаехъ и думахъ заключаются прекрасные элементы для развитія въ молодежи гуманизма, ласки и привѣтливости, напр., въ колядочныхъ пожеланіяхъ добра, въ колядочныхъ описаніяхъ семейныхъ добродѣтелей (напр. у Головацкаго IV, 128—129), въ описаніи военныхъ доблестей, въ высокой постановкѣ въ думахъ матери.

Научно-популярной статьѣ М. А. Андриѣвскаго о думѣ про бѣгство трехъ братьевъ изъ Азова предшествовала одна попытка популизировать эту замѣчательную думу среди юношества—разумѣемъ пересказъ трехъ казацкихъ думъ о турецкой неволѣ, сдѣланный А. Степовичемъ въ изданномъ въ 1879 г. редакціей журнала „Женское Образование“ Сборникѣ статей и рассказовъ для юношества. Г. Степовичъ перевелъ прозой на русскій языкъ думы о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова, о Самуилѣ Кошкѣ и о Марусѣ Богуславкѣ, съ небольшимъ предисловіемъ. Въ „Сборникѣ“ статья г. Степовича ступована другими болѣе обширными статьями интереснаго историческаго содержанія („Магометанство и арабы Ѡ. Булгакова, Микель Анджело А. Прахова и др.). Статья г. Степовича исключительно популярная и ничего не вноситъ собственно для объясненія текста думъ. Авторъ и не задавался какими-либо научными цѣлями.

Иначе поставлено дѣло популяризаціи думы въ статьѣ М. А. Андриѣвскаго. Авторъ, подчеркивая въ предисловіи популярное назначеніе своей статьи, въ смыслѣ преднамѣреннаго выбора общезанимательной темы и общедоступнаго изложенія, въ то же время добавляетъ, что желаетъ „сохранить сколько-нибудь и характеръ научный“. И дѣйствительно, статья М. А.

¹⁾ *Archiv, fur. Slav. Philol.* 1876. I.

²⁾ Записки Юго-Запад. Отд. Геогр. Общ. т. II, стр. 48.

А. представляется полезнымъ научнымъ изслѣдованіемъ о думѣ про бѣгство трехъ братьевъ изъ Азова, а если принять во вниманіе, что объ этой думѣ въ научной печати есть только нѣсколько краткихъ замѣчаній Потебни, то статью А. можно признать почти единственнымъ научнымъ изслѣдованіемъ думы. Научное значеніе статьи обусловливается не столько малочисленными примѣчаніями, на которыя ссылается авторъ, сколько самой статьей, гдѣ подробно (на 68 стран.), ясно и послѣдовательно обзорно содержаніе думы и характерныя ея подробности.

Въ началѣ статьи находятся вступительныя замѣчанія о думѣ, ея вариантахъ и изводахъ, затѣмъ слѣдуютъ предварительныя географическія поясненія пути, которымъ бѣжали братья, и историческія поясненія времени возникновенія думы (въ XVI стол.), времени бѣгства (весной) и изложеніе самаго содержанія думы, въ которомъ авторъ различаетъ основную часть и заключительную. Въ основную часть входитъ описаніе бѣгства братьевъ по степи азовской (по мнѣнію А. на лѣвомъ берегу Дона, нынѣ задонской степи), въ зеленыхъ байракахъ (по Міусу, Калміусу и Волчьей рѣкамъ) и на Муравской дорогѣ (между Волчьей и Самарой). Авторъ при этомъ дѣлаетъ характеристику старшаго, средняго и младшаго брата. „Дума наша, говоритъ А., не описываетъ наружности братьевъ, тѣмъ не менѣе личности каждаго изъ трехъ братьевъ по своимъ внутреннимъ душевнымъ качествамъ, обособляются или, какъ говорится, индивидуализируются съ поразительнымъ мастерствомъ. Дума слѣдитъ за малѣйшими душевными движеніями братьевъ, читаетъ сокровенное въ ихъ сердцахъ“. Въ заключительную часть А. относитъ пребываніе старшихъ братьевъ у Самары, на родинѣ и воспоминанія о младшемъ братѣ. Въ концѣ статьи авторъ слишкомъ много распространяется о призракѣ младшаго брата, упоминаемомъ мимоходомъ въ одномъ лишь вариантѣ думы.

Въ V кн. „Кіевской Старины“ 1884 года г. *Нейманъ* помѣстилъ обширную рецензію на статью Андріевскаго. Отзываясь съ похвалой о намѣреніи А. популяризовать думу о бѣгствѣ 3 братьевъ, г. Н. въ 9 вариантамъ думы, указаннымъ А., добавляетъ 10-ый Браецы во II т. Зап. юго-запад. отд.

Георг. Общ. и основательно отвергаетъ дѣленіе вариантовъ думы на три редакціи и дѣленіе содержанія думы на основную и заключительную части. Г. Нейманъ находитъ далѣе, что авторъ придаетъ слишкомъ много цѣны географическимъ названіямъ думы и по нѣкоторымъ сомнительнымъ пунктамъ (напр. Савуръ могилѣ) насильно сводитъ географическую терминологию думы къ современной картѣ. Далѣе г. Нейманъ также вполне основательно указываетъ на произвольную замѣну кукушки ласточкой, на ошибочное предположеніе о существованіи у турокъ срочной и безсрочной неволи и на нѣсколько мелкихъ погрѣшностей при переводѣ словъ „леліе“ (не чернѣетъ, а блеститъ) „вакуваты“ (корень слова латинскій, а не татарскій), „отцева-матчына молитва“ (молитву не объ отцѣ и матери, а о себѣ). Г. Нейманъ находитъ въ характеристикѣ братьевъ произвольныя подчеркиванія и ставитъ автору въ вину, что въ статьѣ нѣтъ ничего ни о формѣ думъ, ни о приѣмахъ эпического сравненія, ни о языкѣ.

Къ этимъ замѣчаніямъ мы добавимъ немного. При спеціальному изученіи думы о трехъ братьяхъ нужно имѣть въ виду историческія комментаріи Антоновича и Драгоманова, филологическія—Потебни и географическія—Андріевского. При всѣхъ этихъ замѣчаніяхъ остается еще довольно обширное поле для спеціального изученія этой въ высокой степени замѣчательной думы. Что въ особенности выдается въ этой думѣ—это общая историческая правда, рядомъ съ которой частныя характеристики имѣютъ мало значенія. Важно не то, что какихъ-то три брата бѣжало по описанному пути въ данной обстановкѣ, а то, что тутъ собраны всѣ характерныя черты всѣхъ побѣговъ малорусскихъ невольниковъ изъ азовскаго плѣна, что дана широкая и правдивая историческая картина страны и народа въ XVI ст. Самый основной мотивъ думы—три брата, по моему мнѣнію, не бытовой, а эпическій. Трудно допустить, чтобы три брата были въ одно время взяты въ плѣнъ, въ теченіе многихъ лѣтъ жили у одного хозяина, на одномъ мѣстѣ и бѣжали въ одно время, чтобы старшій былъ такъ безсердеченъ и жестокъ, а младшій такъ доврчивъ и добродушенъ. Я думаю, что и

здѣсь обнаружилось обычное въ пѣсняхъ и сказкахъ троеніе, что три брата думы такіе же, какъ въ сказкахъ, два жестокихъ, третій добрый. Троеніе захватываетъ многіе предметы (три дороги, три сада, три недоли и пр.), захватываетъ, между прочимъ, и семейно-родственныхъ лицъ. Извѣстны, напримѣръ, пѣсни о вдовѣ и трехъ ея дочеряхъ (въ *Zbiór wiadomości VIII 42*), о вдовѣ и трехъ ея сыновьяхъ (малорусская дума), болгарская колядка о трехъ братьяхъ (*въ Сборн. за нар. умовъ VII, 15*).

Въ предѣлахъ содержанія думы заслуживаютъ вниманія двѣ интересныхъ подробности—способы указанія пути сломанными вѣтвями и кусками платя. Любопытно было бы сопоставить ихъ съ другими архаическими способами извѣщенія, криками (слава! караул!), свистами, сожиганіемъ костровъ (позднѣе смолянскихъ бочекъ), зарубками на деревѣ. Любопытно, что обычай обозначить путь по зарубкамъ на деревѣ упоминается въ малорусскихъ актахъ XVI вѣка.

Франць Ржегоржъ.

Имя г. Ржегоржа совсѣмъ неизвѣстно въ научной русской литературѣ. По крайней мѣрѣ, я не встрѣчалъ его ни разу ни въ Исторіи рус. этнографіи г. Пыпина, ни въ обстоятельныхъ библиографическихъ отчетахъ Этнографическаго Обозрѣнія. Эта неизвѣстность г. Ржегоржа обуславливается тѣмъ, что онъ пишетъ исключительно о галичанахъ, пишетъ на чешскомъ языкѣ, въ чешскихъ большею частью малоизвѣстныхъ изданіяхъ. Но въ Галичинѣ хорошо знаютъ и высоко цѣнятъ г. Р., какъ трудолюбиваго, свѣдущаго и гуманнаго изслѣдователя мѣстной народной жизни. Въ 15 № „Зори“ за 1891 г. напечатана г. Белеемъ небольшая біографія г. Ржегоржа и приложенъ портретъ. Къ сожалѣнію, это біографія жидкая; въ ней нѣтъ указаній, гдѣ напечатаны статьи г. Ржегоржа, нѣтъ обзора ихъ содержанія. Указанія этого рода тѣмъ болѣе умѣстны, что г. Белей, повидимому, находится въ близкихъ отношеніяхъ къ г. Ржегоржу и, главное, что труды г. Ржегоржа, между прочимъ,

печатались въ такихъ чешскихъ изданіяхъ, какъ Světozor, Zlata Praha, Lada, Vesna, Květy, Lumír, Ruch, изданіяхъ совсѣмъ неизвѣстныхъ въ Россіи. Г. Белей подчеркиваетъ доброжелательное отношеніе г. Ржегоржа къ галицко-русскому народу, что тѣмъ болѣе обязываетъ галицкаго писателя къ подробному обзору литературно-научной дѣятельности г. Ржегоржа. Затѣмъ, помимо доброжелательства, статьи г. Ржегоржа представляются интересными съ научной точки зрѣнія. На мой взглядъ, такая статья, какъ печатаемая въ настоящее время въ Osvěta, объ отношеніи галицкихъ жиловъ къ русинамъ, представляетъ высочайшій интересъ, этнографическій и соціальный, и по изложенію, и по содержанію, можетъ быть признана образцовой научно-популярной статей.

Ф. Ржегоржъ—чехъ по происхожденію, медикъ по специальности. Онъ родился въ 1857 г. въ Чехіи въ крестьянской семьѣ, получилъ образованіе на родинѣ (въ краледворской гимназіи), въ 1877 г. переселился въ Галицію и здѣсь занялся сельскимъ хозяйствомъ, сблизился съ малорусскимъ народомъ, полюбилъ его и посвятилъ рядъ статей описанію его быта. Г. Белей упоминаетъ только о статьяхъ: „Pan i chlop v rusinske vsi v Haliči“, „Prochazka rusinskou vsi“, „Rusinsky zahorodnyk“, „Rusiny v domacim hospodarstvi“ и „Ze života židův mezi Rusiny“. Годи намъ, говоритъ г. Белей, наводьты ось-туть вси писаня Ф. Ржегоржа; есть ихъ дуже багато“.

Въ началѣ 1892 г. Ржегоржъ напечаталъ въ галицкихъ газетахъ воззваніе о доставленіи ему свѣдѣній по этнографіи Галицкой Руси, причемъ г. Р. сообщаетъ, что онъ подготовляетъ полное изданіе своихъ этнографическихъ статей о галицкой Руси на чешскомъ языкѣ. Первый томъ онъ предполагаетъ посвятить описанію галицко-русской свадьбы и общаевъ, связанныхъ съ различными днями церковнаго года по униатскому календарю. Особенное значеніе г. Р. приписываетъ народнымъ обычаямъ русскихъ горцевъ подъ Бескидами (*Славян. Обзор.* 1892 г. II 289).

Мнѣ извѣстны двѣ статьи г. Р.: „*Lidova lečba u haličských Malorusu*“ въ „*Časopis Musea českého*“ 1891 г. LXV и „*Zidě v Haliči*“ въ „*Osveta*“ 1892.

Въ статьѣ о народной медицинѣ галицкихъ малоруссовъ перечислены, а мѣстами и описаны народныя лѣчебныя средства отъ головной боли, кори, оспы, рожи, коросты, опухолей, лишаевъ и др. Приведено нѣсколько заговоровъ, не представляющихъ чего либо оригинальнаго. Указано много лѣчебныхъ травъ. Вообще, эта статья составляетъ полезный вкладъ въ малорусскій фольклоръ. Въ послѣднее время въ западной Европѣ и въ Россіи обращено серьезное вниманіе на народную медицину. Въ научной литературѣ извѣстны довольно крупныя сборники и изслѣдованія—*Блэжа* (Blask) объ англійской народной медицинѣ, *Рубіо*—испанской, *Яна* (и др.)—нѣмецкой, *Удзлы*—польской, *Флоринскаго*—о старинныхъ травникахъ и лѣчебникахъ, *Демича* о народномъ акушерствѣ и гинекологіи, *Даля* и *Аршинова*—о великорусской народной медицинѣ, *Чубинскаго* (въ „Трудахъ“) и *Коваленка* (въ *Этногр. Обзор.* 1891 г.) о малорусской.

Гораздо болѣе крупной статьёй представляется статья объ экономическомъ и социальномъ положеніи евреевъ въ Галиціи въ 5, 6, 7 и 8 №№ „*Osvĕta*“ 1892 года. Авторъ по личнымъ наблюденіямъ обрисовываетъ печальную картину порабощенія и развращенія галичанъ, преимущественно лемковъ, въ рукахъ хищнаго еврейства. Главное социальное зло Галиціи, по словамъ г. Р., есть кабакъ, немислимый здѣсь отдѣльно отъ еврея. Это очагъ лихоимства, пьянства, разврата и преступленія. Евреи спаиваютъ народъ всѣми средствами, поддерживаютъ и развиваютъ въ селахъ воровство, награждая дѣтей за покражу лицъ, укрывая конокрадовъ, передерживая и сбывая уворованныя вещи. Здѣсь все построено на обманѣ, начиная отъ фальшивыхъ мѣръ и вѣса. Еврейская корчма поглощаетъ въ 19 разъ болѣе средствъ, чѣмъ сколько идетъ на школу. Всякая заботливость объ экономическомъ, социальномъ, духовно-нравственномъ подъемѣ народа со стороны отдѣльныхъ лицъ изъ среды галицко-русской интеллигенціи идетъ въ разрѣзъ съ еврейскими интересами и встрѣчаетъ прямое противодѣйствіе со стороны евреевъ. Число евреевъ, ихъ благосостояніе увеличивается въ прямой ущербъ христіанскому земледѣльческому населенію страны.

1. 116
Содержание.

Введение	I - IV
А. А. Томедун	3 - 75
П. В. Иванов	75 - 114.
И. И. Манюра	114 - 130.
А. П. Говорун	130 - 146.
Д. И. Бармин	146 - 157.
М. А. Андриевин	157 - 166
Примечание	166 - 168